

Ս. Ա. ԵՍԱՅԱՆ

ԶԵՆՔԻ ԵՎ ՌԱԶՄԱԿԱՆ ԳՈՐԾԸ
ՀԻՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

(Մ. Թ. Ա. III—I-ԻՆ ՀԱՁ.)

С. А. ЕСАЯН

ОРУЖИЕ И ВОЕННОЕ ДЕЛО
ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

(III—I ТЫС. ДО Н. Э.)

Д
II
163203

В работе изучается появление и применение оружия на Армянском нагорье начиная с эпохи энеолита и до конца Урартского государства. Приводится типология всех видов оружия, уточняется их происхождение, связи с соседними странами и их хронология.

Для ряда видов вооружения приводится новая классификация (мечи, шлемы, щиты и др.) Рассматривается военное дело племен Армянского нагорья, состав и роды войск Урартского государства, средства передвижения (вьючный и колесный транспорт) и их роль в военном деле.

Ответственный редактор А. А. Мартиросян

ВВЕДЕНИЕ

Памятники материальной культуры и изобразительного искусства древней Армении содержат разнообразный материал, относящийся к военному делу, которое особенно развивается с разложением родовой общины, появлением крупных племенных союзов и классовых отношений, когда война становится своеобразным способом производства.

Необходимо указать, что основные виды наступательного и защитного вооружения возникли задолго до появления союзов племен или классовых отношений.

К тому же отдаленному периоду относится появление и применение средств передвижения. Применение животных в хозяйстве является одним из крупнейших достижений человека. На территории Армянского нагорья, как показывают данные археологии с IV—III тыс. до н. э., для выючной перевозки тяжестей используются лошади, ослы и мулы.

Процессу развития военного дела и появлению самых разнообразных видов вооружения на территории Армянского нагорья способствовало соседство могущественных государств древневосточного типа в Передней и Малой Азии, которые, как увидим ниже, во многом повлияли на культуру племен, населявших Армянское нагорье. Особенно большим числом и разнообразием предметов вооружения выделяются археологические комплексы урартского периода, когда создается регулярная армия, состоящая из хорошо оснащенной пехоты (легкой и тяжелой), колесниц, конницы и инженерных войск. Для указанных целей в эпоху Урарту начинается дорожное строительство, принявшее более или менее широкое развитие. Появившиеся пути сообщения связывали центр страны—Тушпу с раз-

ными районами, а также с соседними странами. При строительстве дорог, имевших большое стратегическое значение, широко применялся труд рабов, которые работали под наблюдением особых отрядов, существовавших при армии. Из ассирийских источников мы узнаем о широком дорожном строительстве в Урарту, а также о существовании в урартской армии специальных инженерных войск. Дороги часто прокладывались в горах, где вырубались скалы, что даже при наличии большого числа рабов без специальных мастеров невозможно было выполнить. На важнейших дорогах возводились мосты, сооружение которых требовало специальных расчетов и мастеров. В ассирийских надписях часто упоминается о мостах и мостостроении в Урарту. Однако подавляющее большинство дорог в Урарту было мало благоустроено и мосты воздвигались лишь на переправах, имеющих важное значение. В остальных местах армии часто приходилось идти по бездорожью и зачастую самой прокладывать путь для сокращения расстояния и обеспечения внезапности нападения, что играло важную роль в тактике урартской армии.

В настоящей работе мы рассматриваем виды наступательного и защитного оружия, их применение, процесс образования армии, средства передвижения и их роль в военном деле. Каждый вид оружия рассматривается отдельно, с момента его появления и до конца урартского периода.

Многочисленные раскопки, проведенные на территории Армении (и сопредельных стран), дают материал для характеристики основных эпох исторического развития Армении.

Интересующий нас период—III—I тыс. до н. э.—в основном хорошо изучен, и обнаруженный материал позволяет сделать определенные выводы. Замечательный материал дают памятники энеолитической эпохи, относящиеся к концу IV—III тыс. до н. э.

Особенно характерный для этого периода материал дает Шенгавитское поселение, расположенное на юго-западной окраине Еревана, на мысу реки Раздан. Здесь обнаружены крепостные стены, многослойные жилища круглой и прямоугольной формы, а также инвентарь, состоящий из черной и

красной лощенной до блеска керамики с резным геометрическим орнаментом. Формы сосудов разнообразны, но особенно характерны небольшие сосуды с широким венчиком и маленьким дном с полушаровидными ручками. Много глиняных скульптур, а также очагов, колес и т. д.

Встречено большое число каменных изделий: вкладыши серпов, ступки, терки, булавы, молот, а также костяные изделия—проколки, булавки, наконечники стрел, пряслица, медные булавки, шило и, что особенно интересно, каменная створка формочки для отливки проушного топора.

Обнаруженные здесь остатки злаков—ячменя и пшеницы, костей диких и одомашненных животных, а также рыб свидетельствуют о том, что жители этого древнего поселения занимались земледелием, скотоводством и подсобно охотой и рыболовством.

Памятники этого периода известны также в Эчмиадзинском районе, в зольных поселениях Шреш-блур и Кюль-тапа, и недавно открытом раннеэнеолитическом поселении Тегут—V—IV тыс. до н. э. (Р. Торосян).

Развитая культура раннебронзового периода представлена в Эларском поселении. Каменные орудия здесь изготовлялись почти исключительно из обсидиана. Керамика близка к шрешблурской и шенгавитской. Она имеет такую же черную до блеска лощеную поверхность с той лишь разницей, что орнаментация почти исчезает. Керамика эларского типа встречается в нижних слоях многих урартских и средневековых крепостей (Цовинар, Армавир, Двин, Гарни и др.).

Материалы из энеолитических памятников довольно четко обрисовывают картину жизни племен, живших родовым строем; в этот период уже укреплялись патриархальные отношения, но женщина продолжала занимать определенное положение. Ни земледелие, ни скотоводство уже давно не были новостью и своими корнями уходили в глубь неолитической эпохи.

Поля располагались в предгорьях, около устьев рек в непосредственной близости от поселений. Однако появление транспортных средств (двух- и четырехколесных телег) свидетельствует о том, что начинают обрабатываться и более отдаленные участки.

Интенсивно развивается также скотоводство, причем развитие идет не только в сторону количественного роста, но и качественного изменения поголовья в сторону увеличения мелкого рогатого скота. Подобное изменение вызывает развитие полукочевого яйлажного скотоводства, в связи с чем все большую роль начинает играть лошадь. В связи с активным процессом разложения общины быстрыми темпами развивается военное дело и различные виды оружия.

Не все этапы начального периода металлического производства, и в частности производства оружия, четко обоснованы археологическим материалом. Случайными находками и раскопками обнаружены несколько медных предметов, к числу которых относятся проушные и вислообушные топоры, листовидные плоские кинжальные клинки и черенковые копья, относящиеся ко второй половине III тыс. Одно бесспорно, что подавляющее их большинство производилось на месте, о чем свидетельствуют находки литейных форм для проушных и вислообушных топоров из раскопок Шенгавита, Нахичеванского Кюль-тапа и Гарни. Указанные предметы находят свои аналогии как в других районах Закавказья, так и на Северном Кавказе, а также в Иране, Месопотамии и даже в Западной Европе. Потому в своей работе мы широко используем аналогии из разных сопредельных стран (как, например, из Южной Месопотамии—Ур и другие памятники), из Северной Месопотамии (Тель-Амар, Тель-Барсиб), (Кархемыш, Рас-Шамра, Мари) из Сирии, из Малой Азии и Средиземноморья—Кипр, Тарс, Троя и Богазкей, из Закавказья—Самтавро, Триалети, Мингечаур, Мугань и другие, из Горного и Северного Кавказа (Каякент, Рутха), а также из западных районов Ирана (Талыш, Ленкорань).

В перечне аналогий в дальнейшем изложении для удобства чтения не всегда будем отмечать географическое положение древнейших археологических памятников.

Такой подход позволяет рассматривать древнюю культуру Армении и осветить интересующий нас материал на фоне широких культурных связей в реальном их выражении.

Необходимо указать, что эти аналогии приводятся не только для подкрепления той или иной датировки и генетиче-

ской связи, но иногда и для того, чтобы показать одинаковую ступень развития хозяйства; многие из приведенных аналогий разновременны и разделены друг от друга большим промежуток времени. Археологический материал четко показывает, что в Армении процесс развития культуры протекал быстрее, чем на Горном и Северном Кавказе, но уступал в этом отношении южным областям, где государства сложились уже в III — II тыс. до н. э. При разборе материала ниже мы увидим, что основным районом, имеющим связи с племенами Армянского нагорья и оказывающим существенное влияние на развитие его культуры, является северо-месопотамский или, точнее, сирийский культурный мир. В свою очередь племена Армянского нагорья передавали эти достижения далее на север, служа как бы передатчиком-проводником. Этот процесс наблюдается и в I тыс. до н. э., с той лишь разницей, что передается уже ассирио-урартская культура.

В определенные эпохи (вторая полов. II тыс. до н. э.) наблюдается тесная связь и с Ираном (Талыш, Ленкорань), где также в значительной мере наблюдалось культурное влияние сиро-хурритского и сиро-хеттского миров.

Сравнительно плохо изучены памятники ранней бронзы. Об этом периоде мы можем составить общее представление по материалам всего лишь нескольких памятников и отдельным случайным находкам, датируемым по аналогии с синхронными памятниками из сопредельных стран. Особенно интересны предметы из коллекций бывшего Эчмиадзинского музея, хранящиеся в Государственном музее Армении, которые, к сожалению, плохо обработаны и зачастую не имеют паспортизации. К концу III тыс. до н. э. относятся трубчатообушные топоры из Лениакана и Камо (быв. Н. Баязет), плоские кинжальные клинки из Элара и Зангезура.

Эпоха ранней бронзы в отличие от энеолита, где общность хозяйственных форм создавала поразительное сходство материальной культуры, характерна образованием локальных производственных центров, выпускающих изделия своеобразных форм, имеющих, однако, общую закономерность.

Гораздо лучше, по сравнению с первой четвертью II тыс. до н. э., изучена вторая четверть и особенно ее последний период,

представленный богатыми погребениями Тазакента, Арагацского массива, Кармир-Ванка, Элара, Кировакана и др., а также целым рядом случайных находок из различных районов Армении.

Особенно характерными предметами являются изделия крашеной керамики, расписанные по красному фону черной краской. Орнамент зачастую повторяет энеолитические сосуды.

Вооружение принимает более сложные формы, причем появляются новые типы, с сохранением старых форм (каменные стрелы и булавы). Вместе с тем в культуре особенно северо-западных районов (Кировакан) замечается влияние хеттского мира. Наряду со старыми формами оружия в составе вооружения появляются такие типы, как шамшадинские боевые топоры, явившиеся прототипами закавказских бронзовых секир, плоские листовидные кинжалы, втульчатые копья и др.

Вместе с тем в связи с развитием военного дела и защитного снаряжения, оформившегося еще в эпоху ранней бронзы, появляется необходимость в мечах и удлинении кинжальных клинков. Указанный процесс, по всей вероятности, был ускорен импортом рапировидных мечей из средиземноморского мира, которые в Закавказье были найдены в единичных экземплярах и не нашли широкого применения. Наряду с ними из сирийского и иранского производственных центров появляется другой тип мечей, так называемый переднеазиатский тип с рамочной рукоятью.

Вторая половина II тыс. до н. э., особенно ее последний период, характерен образованием крупных племенных объединений, зачастую принимавших форму государственных объединений. Такому положению способствовало, в частности, соседство крупных государств Малой Азии и Ближнего Востока. При этом отдельные области развивались неравномерно. Так, западные области, населенные племенами хаяса, под влиянием хеттского государства образовали крупный племенной союз, очень многими чертами напоминающий государственное объединение.

Южные области в результате ассирийской экспансии образуют с конца XIII века племенной союз Наири, приведший

впоследствии к созданию государства Урарту. У племен, населявших северные области Армянского нагорья и не испытывавших прямых нашествий, процесс образования государства затянулся и в начале I тыс. до н. э. эти области были включены в состав Урартского государства.

Памятники материальной культуры рассматриваемого периода, в частности Севанского бассейна, Арагаца, Ширака, Зангезура и других районов, свидетельствуют о росте дифференциации внутри племенных объединений, когда в богатых захоронениях встречаются в массовом количестве замечательные виды оружия—мечи, секиры, кинжалы, масса украшений, а иногда и телеги, и колесницы (Лчашен, Адиаман), на которых совершались захоронения.

Основные культурные связи в рассматриваемую эпоху наблюдаются с сиро-хеттским миром и ленкорано-талышским районом, гораздо слабее они с малоазийскими областями.

Начиная с XII в. до н. э. наблюдается усиление ассирийского влияния, которое к началу I тыс. до н. э. окончательно (по крайней мере в вооружении) вытесняет влияние упомянутых областей.

Памятники материальной культуры начала I тыс. до н. э. выделяются особенно большим числом и разнообразием предметов вооружения. В этот период создается регулярная урартская армия, состоящая из хорошо оснащенной пехоты (легкой и тяжелой), колесниц, конницы и инженерных войск. Вооружение местных племен мало отличалось по своему качеству от урартского, однако они не могли сохранить свою независимость, так как не имели государственного объединения, а следовательно, и регулярной армии.

Материальная культура племен, населявших Северную Армению, имевшая раньше связи с хеттской, в I тыс. до н. э. все больше попадает под урартское влияние, особенно в производстве железного оружия, где первоначально старались копировать бронзовые, однако постепенно под влиянием высокой культуры железного производства почти все племена Армянского нагорья, вошедшие в состав Урартского государства, принимают, в основном, форму урартских изделий.

Одновременно с количественным ростом предметов воору-

жения наблюдается процесс упрощения их форм, что было связано с появлением многочисленных армий, заменивших дружины племен и требовавших массового вооружения.

Основными видами оружия, применявшегося на Армянском нагорье, были стрелы, копья, булавы, кинжалы и мечи. Наряду с ними применялась также праща, известная лишь по письменным источникам.

Из защитного вооружения рассмотрены латы, панцири, шлемы и щиты.

Наряду с предметами вооружения мы приводим также средства передвижения: телеги, колесницы, верховые—вьючные животные, применявшиеся в военном деле не только непосредственно как конница и боевые колесницы, но и в обозе армии. Во второй главе рассматривается также развитие военного дела в Армении, особенно в урартский период, когда впервые на рассматриваемой территории образуется регулярная армия.

В основу работы положены фонды Государственного музея Армении, а также материалы краеведческих музеев республики, где имеется много интересных предметов вооружения, представленных, к сожалению, в подавляющем большинстве случайными находками.

Различные виды оружия древней Армении рассмотрены нами на широком историческом фоне сопредельных с Арменией стран.

Глава I

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

КОПЬЯ

Древнейшим металлическим наконечником копья, происходящим из Армении, является черенковое копье из Камо, поступившее в Государственный музей Армении и переданное впоследствии в Ленинаканский краеведческий музей (табл. I, рис. 1)¹.

Указанное копье имеет короткий перьевидный наконечник с чуть заметным срединным утолщением, придающим ему в сечении ромбовидную форму. Утолщение переходит в округлый суживающийся стержень с небольшим яблочком в нижней части и отходящим от него заостренным четырехгранным массивным шипом для насадки на древко. Длина копья 32,5 см, длина наконечника 13,5 см, стержня — 9 см, шипа — 10 см, ширина наконечника 2,5 см.

В Закавказье подобные копья известны из Ахалцихского музея и из Цхинвали². Близко к ним, хотя и несколько отличное по форме, копье, приобретенное в Тбилиси (Исторический музей в Москве), лишенное яблочка и имеющее загнутую форму шипа. Такие же отличия имеет и копье из Загеса³. Ука-

¹ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, стр. 29.

² О. Джанридзе, К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры, Тбилиси, 1961, стр. 264, рис. 33 (б), табл. XXII, рис. 2.

³ Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триалети, рис. 7 (б) и 9 (б).

занного типа копья известны и на Северном Кавказе, из курганов станиц Царской, Воздвиженской и др., относящихся к концу III—началу II тыс. до н. э.⁴

Подобные копья в большом количестве известны на юге, где они датируются более ранней эпохой и относятся к концу IV тыс. и бытуют до конца III тыс. до н. э. Черенковые копья, типа хранящегося в Ленинанском музее, известны из Ура, Тель-Ахмара, Каркемыша, Гады, Тель-Брака, Кара-Гассана, Рас-Шамры, Тепе-Хиссара III, Тарса, Богазкея, Крита, Кипра и т. д. Особенно близки по своей форме к рассматриваемому нами экземпляру аналогичные копья из Рас-Шамры, датируемые 2300—2100 гг. до н. э.⁵ Таким образом, и наш экземпляр относится, по всей вероятности, к концу III тыс. до н. э.

К рассматриваемой эпохе относится и другое весьма интересное оружие, копьё архаичной формы, обнаруженное в Ки-ровакане⁶. Оно представляет собой перьевидный наконечник со слабо выраженным ребром, с отходящим от него круглым стержнем с утолщенным концом и отверстием в нижней части. Дли-

⁴ Н. И. Веселовский, Раскопки Н. И. Веселовского (Кубанская область), ОАК за 1898 г., табл. IV рис. 49; А. А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, Изв. ГАИМК, вып., 120, гл. I этап; Иессен, К хронологии больших кубанских курганов, СА XII, стр. 172, табл. II (5); Б. А. Куфтин, ук. соч.

⁵ C. I. Schaeffer, *Stratigraphie Comparee et chronologie de l'Asie Occidentale* (III et II millénaires), Syrie, Palestine, Asie Mineure, Chypre Pergeef, 89, 172, 174, 184, 199, 239; Гордон Чайлд, Древнейший восток в свете новых раскопок, рис. 87 (3), табл. XXXIX; D. C. Hogarth, *King of the Hittites*, London, 1924, стр. 25, рис. 26; O. Montelius, *Die Alteren Kulturperioden in Orient und in Europa*, Stockholm, 1916—1923, II стр. 171—172, рис. 566; Christian, *Altertumskunde des Zweistromlandes*, Lpz. 1940, часть I, табл. 207; C. L. Woolley, *Ur Excavations*, volume II the Royal cemetery, New York, 1934, табл. 189, 227; Helmut Bossert, *Altisrien*, Tubigen, табл. 286; Bossert, *Altanatolien* рис. 676; H. Bonnet, *Die Waffen der Völker des Alten Orients*, табл. 23; Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века в Армении, С. А. IX, стр. 181; Б. А. Куфтин, Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию, Тбилиси 1949, рис. 29; Б. А. Куфтин, Древнейших корнях грузинской культуры, Вестник Гос. музея Грузии XII—V, рис. 3.

⁶ Գ. Գ. Ղաֆշղաշյան, Պեղումները Կիրովականում, Изв. Арм. ФАНА, 1941, № 3, стр. 18; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы... стр. 30.

на копьа 17,5 см, клинка—10,5 см, ширина лезвия 2,7 см (табл. I, рис. 2). По своему строению оно аналогично с подобными копьами из Ура, Шуруппака, Лагаша, Суз и Сачхери⁷, отличаясь от них наличием уплощения в конце стержня.

Применение подобных копий, по-видимому, продолжалось почти до конца I половины II тыс. до н. э., когда их окончательно вытеснили втульчатые копьа, появившиеся в Передней Азии не ранее начала II тыс. до н. э. Подобные копьа обнаруженные в Рас-Шамре, Шеффер датирует 1900—1750 гг. до н. э.⁸ Вначале трубчатые втулки применялись в Шумере в III тыс. до н. э., на гарпунах. На копье втулка применяется не ранее II тыс. до н. э. и, по-видимому, в Сирии и Средиземноморье она древнее, чем в Месопотамии. В первых веках II тыс. до н. э. арханские черенковые копьа окончательно сменяются втульчатыми⁹.

В Армении и Закавказье наиболее древним вариантом втульчатых копий являются бронзовые копьа из открытого Б. Б. Пиотровским погребения в Кировакане (табл. I, рис. 3) и найденное несколько ранее Б. А. Куфтиным копье из Триаleti¹⁰.

Датировка указанных копий впервые была уточнена Шеффером и Куфтиным, которые относят их к XVI—XV вв. до н. э.¹¹

Кироваканское копье представляет собой небольшой листовидный клинок с чуть заметным срединным ребром, являющимся продолжением втулки, и с четырьмя вертикальными линиями на ребре. Втулка узкая, короткая. Длина копьа 17 см, длина клинка 14,5 см, ширина 2,7 см.

⁷ Christian, ук. соч., табл. 206, рис. 4, 6, табл. 210, рис. I; Б. А. Куфтин, Арх. маршрутная экспедиция 1945 г., стр. 73, рис. 29; О. Джапаридзе, К истории грузинских племен, стр. 264, рис. 33,3; О. Джапаридзе, Ранний этап древней металлургии в Грузии, Тбилиси, 1955, табл. XI, рис. 5.

⁸ Cl. Schaeffer, ук. соч., рис. 26.

⁹ Б. А. Куфтин, Арх. маршрутная экспедиция 1945., стр. 72; Г. Чайлд, Древнейший Восток... рис. 87,4; Cl. Schaeffer, ук. соч., рис. 26; К. Х. Кушнарева, Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Н. Карабахе, С. А. XXVII, 1957, стр. 163.

¹⁰ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 47; Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триаleti, табл. VI.

¹¹ Б. А. Куфтин, Арх. маршрутная экспедиция 1945 г., стр. 73.

С XIV—XIII вв. до. н. э. втульчатые копья получают широкое распространение в Армении. Ранние образцы сохраняют форму архаичных черенковых наконечников, имея также же перьевидное лезвие, отличаясь лишь наличием втулки взамен шипа. Начиная с указанного времени копья в основном делятся на несколько типов, отличающихся друг от друга по строению клинка и частично втулок. Каждый тип имеет свои соответствующие варианты, которые бытуют до конца рассматриваемого нами периода (VI в. до. н. э.) и продолжают бытовать и в более позднее время, сохраняя свою форму и в железных образцах.

Первый тип. К рассматриваемому типу относятся два копья из Лчашена (ГМА 2007/111, 2009/63) с узким перьевидным наконечником, имеющим ромбовидную в сечении форму и узкую круглую втулку.

Особенно широкое распространение получают указанного типа копья в конце II—начале I тыс. до. н. э.

К сожалению, основная масса их обнаружена без сопровождающего инвентаря и находится в краеведческих музеях Дилижана, Кировакана, Ленинакана, Камо и Гориса, где отсутствие точной паспортизации затрудняет их датировку. В связи с этим ее приходится уточнять с помощью точно датированных памятников.

К первому варианту копий рассматриваемого типа, датированных началом I тыс. до. н. э., относятся два копья из норадузских погребений (хранятся в Музее гор. Камо)¹².

Они имеют небольшой наконечник перьевидной формы с отходящей от него расширяющейся втулкой с одним отверстием в верхней части для закрепления древка. Аналогичные бронзовые копья известны из Камо, Ангелакота (Зангезур) и три копья неизвестного происхождения из ГМА (одно поступило из коллекции бывшего Эчмиадзинского музея (табл. I, рис. 6). Железные копья рассматриваемой формы известны из Макарашена¹³ (2 экз. хранятся в Кироваканском музее), Гориса (2 экз. в Горисском музее), в Ксехахи (Эрмитаж, К—35, К—118, К—1840), Ворнака (Эрмитаж, 17037). Аналогичные же-

¹² А. А. Мартиросян, *Армения в эпоху бронзы*, ... стр. 209.

¹³ Там же.

лезные копыя происходят также из Ленинакана¹⁴. По всей вероятности, железные копыя относятся к IX—VIII вв. до н. э. Размеры копий рассматриваемого варианта, как бронзовых, так и железных, близки, длина от 14 (1 экз.) до 31 см (1 экз., основная масса 17—21 см), длина наконечника от 7 до 10 см, ширина наконечника от 1,8 до 3 см.

Второй вариант. Характерным признаком рассматриваемого варианта является перьевидный наконечник и короткая втулка с четырехгранным или круглым отверстием. К указанному варианту относятся 12 бронзовых и железных копий X—VII вв. до н. э.

К началу I тыс. относится копьё из раскопок А. А. Мартиросяна в Норадузе (музей гор. Камо), представляющее собой короткий ромбовидный в сечении наконечник с короткой четырехгранной втулкой с таким же отверстием. Близко по своей форме и, очевидно, относится к указанному времени копьё из Чамбарака (табл. I, рис. 5), два копыя из Налбанда (табл. IV, рис. 2) и Дилижана (хр. в музее Дилижана), имеющее аналогичный наконечник и несколько удлиненную втулку круглой формы. Форму указанных копий повторяет железное копьё из Ленинаканского музея, относящееся к более позднему времени, по всей вероятности, к IX—VIII вв. до н. э. Еще большую близость к норадузскому имеет замечательное бронзовое копьё из поселения у Кармир-блур. Оно отличается отсутствием удлиненной втулки и имеет небольшое круглое отверстие в самом наконечнике. Длина 19 см, ширина 2,2 см.

Близки к рассматриваемому варианту копыя, имеющие аналогичные наконечники и более удлиненную втулку. Они как бы являются развитием вышеуказанных копий из Налбанда и Дилижана. Такие копыя в бронзе обнаружены в Артике и Дилижане (Дилижанский музей) и Джархече (раскопки Мурье, Эрмитаж, 17943). Размеры их разные: длина от 30 до 34 см, длина наконечника 17—21 см, ширина от 2,6 до 3 см.

Таким образом, и по размерам наконечников они почти однотипны. Единственное различие заключается в более удлиненной втулке.

¹⁴ А. А. Мартиросян, Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского периода, Изв. АН АрмССР, № 9, 1956, рис. 11.

Указанные железные копья, по всей вероятности, относятся к VIII—VII вв. до н. э.

Третий вариант представлен семью бронзовыми и железными копьями, представляющими собой длинный узкий перьевидный, ромбический в сечении наконечник с отходящей от него узкой длинной втулкой. Почти все они обнаружены без сопровождающего инвентаря. Единственным датирующим элементом является железное копье из раскопок Мурье в Джархече (Эрмитаж, К 299), инвентарь которого в основном относится к раннеурартскому периоду. По всей вероятности, эти копья относятся к указанному времени и датируются IX—VIII вв. до н. э.

Подобные копья, кроме Джархеча, известны из Дилижана (Дилижанский музей, 1 экз.), Кировакана (табл. I, рис. 7), Степанавана и Армавира (табл. I, рис. 8). Размер их колеблется от 22 до 42 см, длина наконечника от 16,5 до 30 см, ширина от 2 до 3,5 см.

Четвертый вариант представлен пятью бронзовыми цельноотлитыми копьями, имеющими листовидный ромбический в сечении наконечник, с отходящей от него круглой втулкой. На месте соединения с наконечником втулка имеет полукруглые плечики, охватывает наконечник с двух сторон, напоминая как бы вильчатое основание (прием, частично замеченный на мече). Все они обнаружены без сопровождающего комплекса. Датирующим элементом является прием оформления основания пера, характерный в основном для конца II тыс. (хотя встречается и позднее), а также копье из Такавораниста, сопровождаемое мечом, датируемым концом II тыс. до н. э.

По всей вероятности, и остальные копья относятся к указанному времени.

Копья первого типа имеют весьма широкий ареал и охватывают приблизительно ту же хронологическую границу (на юге, как указали выше, они выступают несколько ранее). Так, копья с ромбическим в сечении наконечником и круглой втулкой известны из Угарита (2100—1900 гг. до н. э.). Аналогии, повторяющие форму лчашенского экземпляра с удлиненной втулкой, известны из Русского Талыша, датируются 1350—1200 гг. до н. э., из Мегидо—датируются эпохой поздней брон-

зы. Указанного типа копья были широко распространены в Ассирии, Зенджерли и вообще на Древнем Востоке¹⁵.

Аналогичные копья известны также в Закавказье, где они происходят из Самтавро, датируются концом среднебронзовой

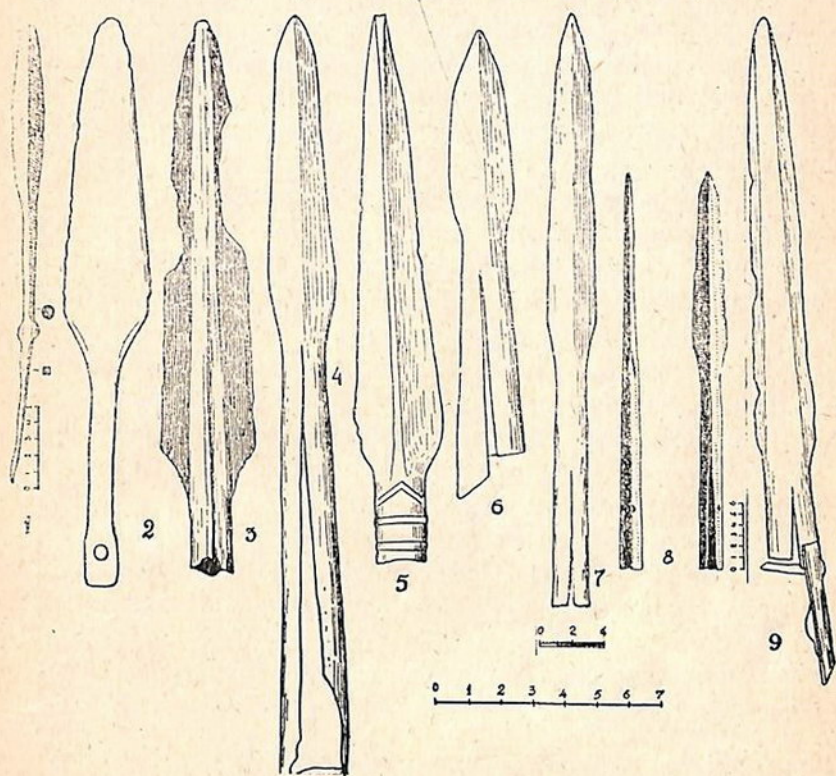

Табл. I

эпохи, у Ленкорани, в Нули, Кармрахевском могильнике Мцхета) Бешташене (VII в. до н. э.), Мингечауре, Кедабеке, в селе Турги¹⁶.

¹⁵ Cl. Schaeffer, ук. соч., рис. 18, 49, табл. X, рис. 144, 233; Bruno Meissner und Dietrich Opitz, Studien zum Bit Hilâni in Nordpalast Asurbanapals zu Ninve, Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1939, № 18, Berlin, 1940, табл. IV; John Garstang, The Land of the Hittites, London, 1910, табл. XXV, 2; Helmuth Bossett, Altsyrien, Tübingen, табл. 607; J. Bonnet, ук. соч., табл. 48.

¹⁶ Т. Н. Чубинишвили, Древнейшие археологические памятники Мцхета, рис. 16, табл. XVII; В. В. Врубел, Предметы древности в храни-

Второй тип. Представлен копьями, которые так же, как и копьё первого типа, впервые встречаются в XIII в. и бытуют до конца рассматриваемого нами периода, но отличаются от первого формой наконечника и втулки. Копья рассматриваемого типа имеют в основном листовидный наконечник (ранние образцы перьевидные) и круглую полую втулку, продолжение которой переходит на наконечник и, как правило, проходит по всей его длине, образуя круглое или плоское ребро, оставляя по своим краям неширокие поля, образующие лезвие наконечника.

Первый вариант. Древнейшим экземпляром подобных наконечников является копьё из Лчашена, имеющее наконечник с широким плоским срединным ребром и неширокими полями и короткую круглую втулку. Близко к нему и относится к XII в. до н. э. копьё из Кировакана (табл. II рис. 5).

Второй вариант представлен тринадцатью бронзовыми копьями, имеющими аналогичное строение, отличаясь от первого варианта своей удлиненной формой втулки, а также округлым срединным ребром. Копья рассматриваемого варианта бытуют с XIII до VI вв. до н. э.

Замечательными экземплярами являются два аналогичных копья из Лчашена (ГМА 2007/109, 110). Близко к ним копьё указанной формы из Такии, датируемое концом II тыс. до н. э.¹⁷

К рассматриваемому варианту относятся аналогичные копья из Астхадзора (табл. I, рис. 9), датируемые IX в. до.

лище «Общества любителей кавказской археологии» Тбилиси, 1877, вып. I, табл. I; Т. Пассек и Б. Латынин, Очерки до истории Сев. Азербайджана, Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, № 3, Баку, 1926, рис. 5; Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триалети, рис. 46, табл. VII, IX, X; С. М. Казиев, О некоторых типах оружия из Мингечаура, Материальная культура Азербайджана, II Баку, 1951, IV; Г. М. Асланов, Р. М. Валдов, Г. И. Ионне, Древний Мингечаур, табл. XV, стр. 79; А. А. Ивановский, По Закавказью, МАК VI, табл. V, рис. 2; Б. А. Куфтин, Арх. маршрутная экспедиция 1945... табл. XVIII; XXXII; Р. М. Рамисвили, Кармрахевский могильник, Материалы по археологии Грузии и Кавказа, том II, стр. 52, табл. XVII; А. П. Круглов, Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., МИА 68, стр. 18.

¹⁷ А. А. Мартиросян, Т. С. Хачатрян, Комплекс изделий из могильника Такиа, Изв. АН АрмССР, 1959, № 11—12, рис. 5.

н. э.¹⁸, два копия из Айриванка (табл. III, рис. 1—2, датируемые IX—VIII вв. до н. э.¹⁹ По всей вероятности, к рубежу II—I тыс. до н. э. относятся аналогичные копия из Элара, два копия неизвестного происхождения (табл. II, рис. 2, 7, 8) из Эрмитажа и ГМА и копьё из Ворнака. Размеры указанных копий колеблются: длина от 19 до 50 см, длина наконечника от 9 до 24 см, ширина наконечника от 3 до 6 см.

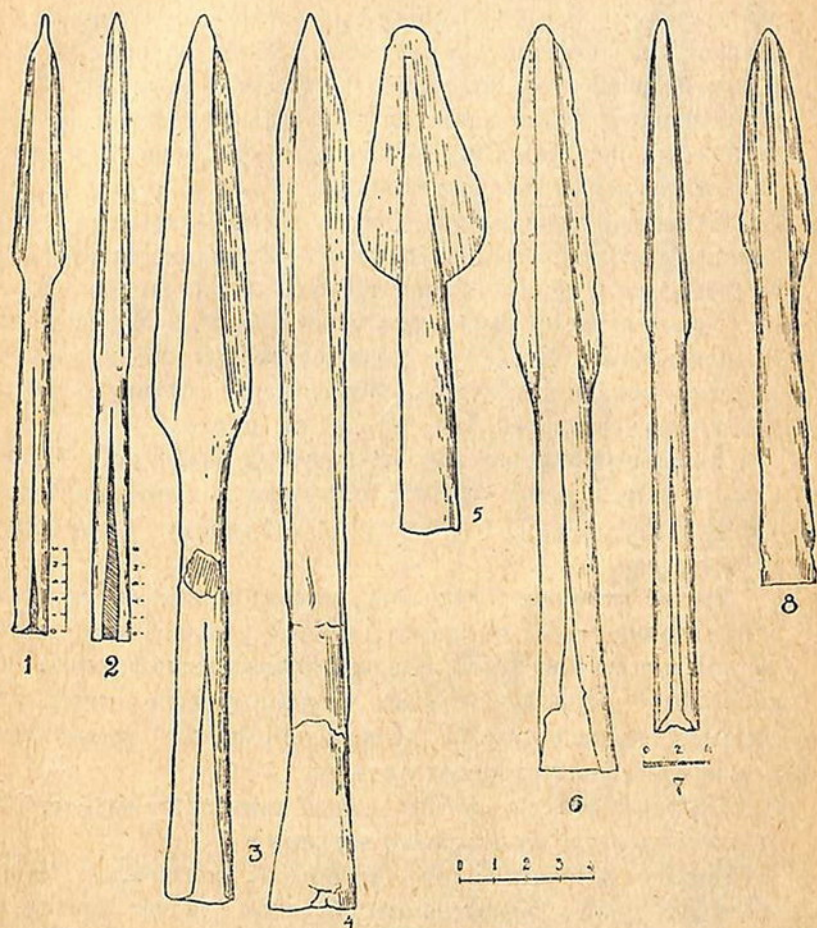

Табл. II.

¹⁸ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материал не опубликован.

¹⁹ Т. С. Хачатрян, Раскопки в Айриванке, Изв. АН АрмССР, 1957, № 2, рис. 1.

Третий вариант. Представлен пятью копьями, имеющими аналогичное с рассматриваемым типом строение, отличааясь от экземпляров первого варианта удлиненным наконечником и сравнительно короткой втулкой. Бытует он и с начала I тыс. до VI в. до н. э.

Первыми хронологически являются бронзовые копья из Астхадзора и Камо (табл. II, рис. 1, 4). Близко к указанному бронзовое копьё из Чамбарака (табл. II, рис. 3) (Красносельский район) и, очевидно, относится к указанному же времени. Длина 22,5 см, длина наконечника 15,5 см, ширина 17 см. К рассматриваемому же варианту относится железное копьё из Атарбеяна. Оно отличается лишь круглой формой срединного ребра, датируется VII—VI вв. до н. э.²⁰ Длина 37 см, длина наконечника 27 см, ширина 4, 8 см.

Четвертый вариант представлен тремя железными копьями из Атарбеяна (табл. III, рис. 3—4), аналогичными вышеупомянутому копыю. Отличительной чертой рассматриваемых копий является форма срединного ребра, заходящего на 1/3 наконечника. Подобную форму срединного ребра, как мы заметим ниже, имеют и копья третьего типа. Датируются они, как и вышеуказанное копьё, VII—VI вв. до н. э.

Копья второго типа находят широкую аналогию в Закавказье и сопредельных странах, охватывая приблизительно тот же территориальный и хронологический ареал, что и копья первого типа.

Третий тип представлен бронзовыми и железными копьями, бытующими с X—VI вв. до н. э. Копья указанного типа также имеют в сечении форму несколько приплюснутого ромба, но отличаются от вышеуказанных типов наличием четко выраженного срединного ребра, проходящего по всей длине наконечника и сходящего на нет у втулки.

Основная масса подобных копий приходится на I тыс. до н. э. Они делятся на несколько вариантов.

Первый вариант состоит из четырех бронзовых и девяти железных копий. Характерным образцом является копьё из Золакара²¹ (IX в. до н. э.), представляющее собой неболь-

²⁰ А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников у сел. Атарбеян в АрмССР, КСИИМК, вып. 60.

²¹ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материал не опубликован.

шой листовидный наконечник с четко выраженным срединным ребром, придающим в сечении форму вытянутого ромба, и продолжающейся от него небольшой втулкой. Аналогичные копыя

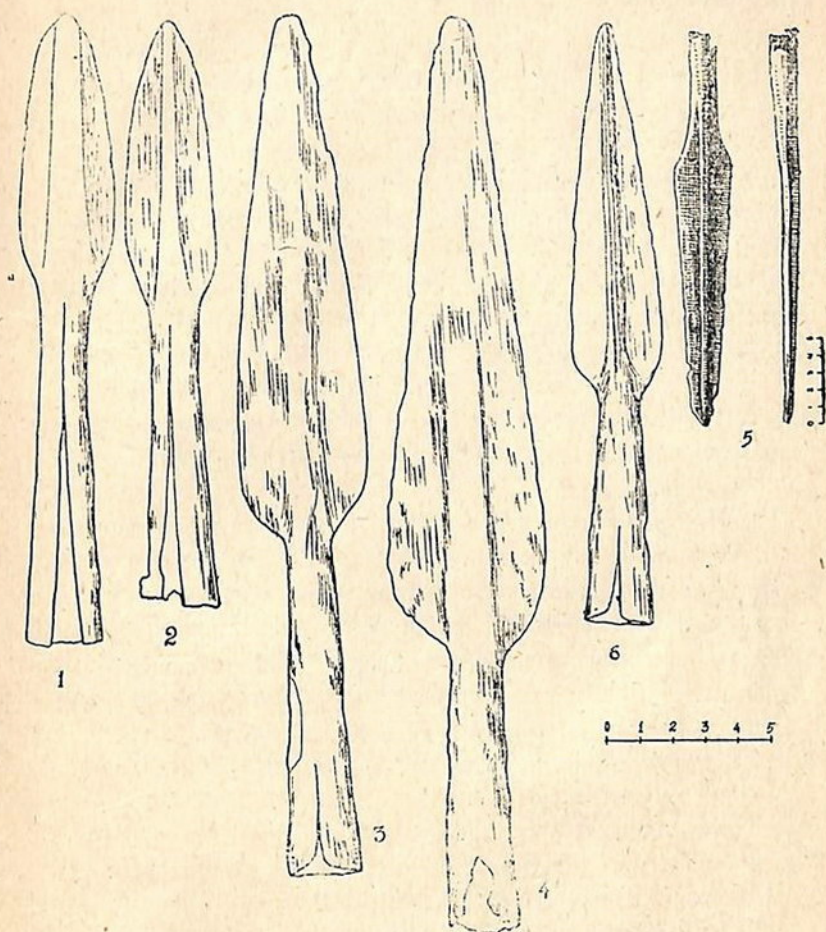

Табл. III.

известны из быв. Эчмиадзинского музея, Памбака, Дилижана (табл. IV, рис. I), размер их колеблется от 17 до 24 см, длина наконечника—от 11,5 до 16 см, ширина наконечника—от 3,4 до 4,2 см. Железные копыя, имеющие аналогичную форму, в основном относятся к VIII—VI вв. до н. э. и происходят из Макарашена, Гориса (2 экз., Горисский музей), Ворнака (Эрмитаж,

16960), Головино, Мусиери²², Атарбеяна, причем последний имеет аналогичное срединное ребро, проходящее на 1/3 наконечника, прием, замеченный на копьях четвертого варианта II типа.

Второй вариант состоит из двадцати железных копий, датируемых VIII—VI вв. до н. э. Все они имеют неширокий листовидный наконечник с четко выраженным ребром и сравнительно короткую втулку, хотя часть их, имея одинаковое строение наконечника, отличается наличием более длинной втулки. Подобные копья известны в основном из Дилижана, Головино, (табл. IV, рис. 4), Качагана (табл. III, рис. 6), Макарашена (Кироваканский музей), Ворнака (Эрмитаж, К—16), Ангегакота. Размеры их колеблются: длина от 18 до 43 см, длина наконечника от 11 до 28 см, ширина от 2,5 до 4,5 см.

Необходимо указать, что вышеуказанное копье из Ангегакота (ГМА 278а) имеет срединное ребро, аналогичное вышеуказанным копьям I варианта рассматриваемого типа и V варианта второго типа.

Третий вариант состоит из четырех бронзовых и одиннадцати железных копий, относящихся к IX—VI вв. до н. э. Повторяя форму копий второго варианта, они отличаются массивностью четырехгранного или округлого срединного ребра. Подобные копья известны из Астхадзора (табл. II, рис. 6). Железные копья аналогичной формы, относящиеся также к VII—VI вв., известны из Куртана (3 экз.), Налбанда (табл. III, рис. 5), Такавораниста, им подобны копья из Лепинаканского, Горисского музеев.

Копья третьего типа происходят из Рас-Шамры, Мегидо, Русского Талыша, Ассирии, Ленкорани, Кедабека, Мингечаура, Самтавро, Бешташена, Дагестана²³.

Четвертый тип представлен немногочисленной группой железных копий. В отличие от вышеприведенных типов, рассма-

²² J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, рис. 45—47.

²³ Cl. Schaeffer, ук. соч., табл. 18, 144, 233; H. Bonnet, ук. соч., табл. 47; Bruno Meissner und Dietrich Opitz, ук. соч., табл. IV; Т. Пассек, Б. Л. Латынин, ук. соч., рис. 5; А. А. Ивановский, ук. соч., табл. V; Т. Чубинишвили, Древнейшие арх. памятники Мхета, табл. XVI, XVII; А. П. Круглов, ук. соч. рис. 18; Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе, ук. соч., табл. XV; Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триалети, рис. 43.

триваемые экземпляры имеют плоский, чуть овальный в сечении наконечник без срединного ребра. В основном все они листовидной формы с небольшой раструбной втулкой. Бытуют с начала I тыс. до н. э. по VI в. до н. э. и делятся на три варианта.

Первый вариант состоит из трех железных копий указанной формы с плоским небольшим клинком и короткой раструбной втулкой со швом. Хронологически первым из них является норадузское копье, относящееся к началу I тыс. до н. э. Два других копья относятся к VIII—VI вв. до н. э. и обнаружены на территории Еревана. Одно из них найдено из цитадели Кармир-блур, а второе—в Ботаническом саду (инвентарь состоит из железного кинжала, маслбойки и другой керамики, также относятся к VIII—VII вв. до н. э.).

Второй вариант представлен четырьмя железными наконечниками, происходящими из Ленинакана, Кармир-блур и Басаргечара. Копья второго варианта имеют аналогичное строение, отличаются несколько вытянутой втулкой. Размеры их колеблются: длина от 19 до 26 см, длина наконечника от 9 до 11 см, ширина от 1,5 до 2,5 см.

Третий вариант представлен двумя копьями рассматриваемого типа, отличающимися от вышеуказанных небольшой миниатюрной раструбной втулкой. Оба происходят из Севанского бассейна: первый—из Камо (табл. IV, рис. 3), второй—из Басаргечара и датируются VI в. до н. э. Размеры первого: длина 14,5 см, длина наконечника 11,5 см, ширина 3 см, второго соответственно 12, 10 и 3 см.

Копья четвертого типа имеют сравнительно мало аналогий. Подобные наконечники известны из Газа, Ассирии, Библа, Игдира, Самтавро, Хизатавра²⁴.

Необходимо указать, что наряду с копьями в качестве колющего оружия применялись также пики, представляющие собой четырехгранный плоский заостренный шип с втулкой

²⁴ Cl. Schaeffer, ук. соч., табл. 123; H. Vernet, ук. соч., рис. 48; Б. А. Куфтин, Урартский „Колумбарий“ у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит, Вестник музея Грузии, т. XIII-B, табл. VII; Helmut Bossert, Altsyrien Tübingen, табл. 605; Т. Н. Чубинишвили, ук. соч.; Т. И. Татишвили, О. С. Гамбашидзе, арх. разведки в южных районах Грузии, С. А., 1957, № 4, стр. 123, рис. 7, 2.

для насадки на древко. Находки их в Армении и Закавказье ограничены несколькими экземплярами. Подобные пики, датируемые, по всей вероятности, VIII—VII вв. до н. э., известны из Норадуза, Головино (табл. IV, рис. 5) (4 экземпляра), Дилижана (хр. в Дилижанском музее), Ворнака, Сисиана, Кюлатеке, Кедабека, Шамхора, Самтавро, на Северном Кавказе и на Украине²⁵.

Из вышеприведенного текста видно, что наиболее ранние металлические черенковые копья (Камо, Кировакан), по всей вероятности изготовленные на месте, находятся под сильным влиянием месопотамских и особенно сирийских изделий.

Во II тыс. до н. э. в Закавказье появляются втульчатые наконечники копий. Наиболее ранние (Кировакан, Триалети) датируются серединой II тыс. до н. э. Завершенные формы их и отсутствие более примитивных втульчатых копий дает возможность считать их импортными.

С XIV—XIII в. до н. э. втульчатые копья получают широкое распространение в памятниках Армении. Ранние образцы сохраняют форму архаичных черенковых наконечников, имея такое же перьевидное лезвие и отличаясь лишь наличием втулки вместо шипа. С указанного времени появляются четыре новых типа бронзовых втульчатых копий, каждый из которых, имея соответствующие варианты и переходя в железные, бытует до конца рассматриваемого нами периода (VI в. до н. э.) и в несколько видоизмененных формах продолжает бытовать и в более позднее время.

ТОПОРЫ

Характерными предметами вооружения, встречающимися с глубокой древности, являются боевые топоры. Найдены они в сравнительно большом количестве, что позволяет рассмотреть генетическое развитие на всех этапах их применения. Развитие их четко наблюдается по находкам в Армении и под-

²⁵ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, стр. 73, табл. III; ОАК за 1893 г., стр. 14—16; А. А. Ивановский, ук. соч. табл. V; Б. А. Куфтин, арх. раскопки в Триалети, рис. 74; О. А. Артамонова-Полтавцева, рис. 20; Б. Ханенко и В. Ханенкс. Древности Приднестровья, вып. II, 1900, абл. I, рис. 7, табл. IV, рис. 86.

тверждается наличием аналогических типов в сопредельных странах. Топоры, найденные в Армении, делятся на несколько типов.

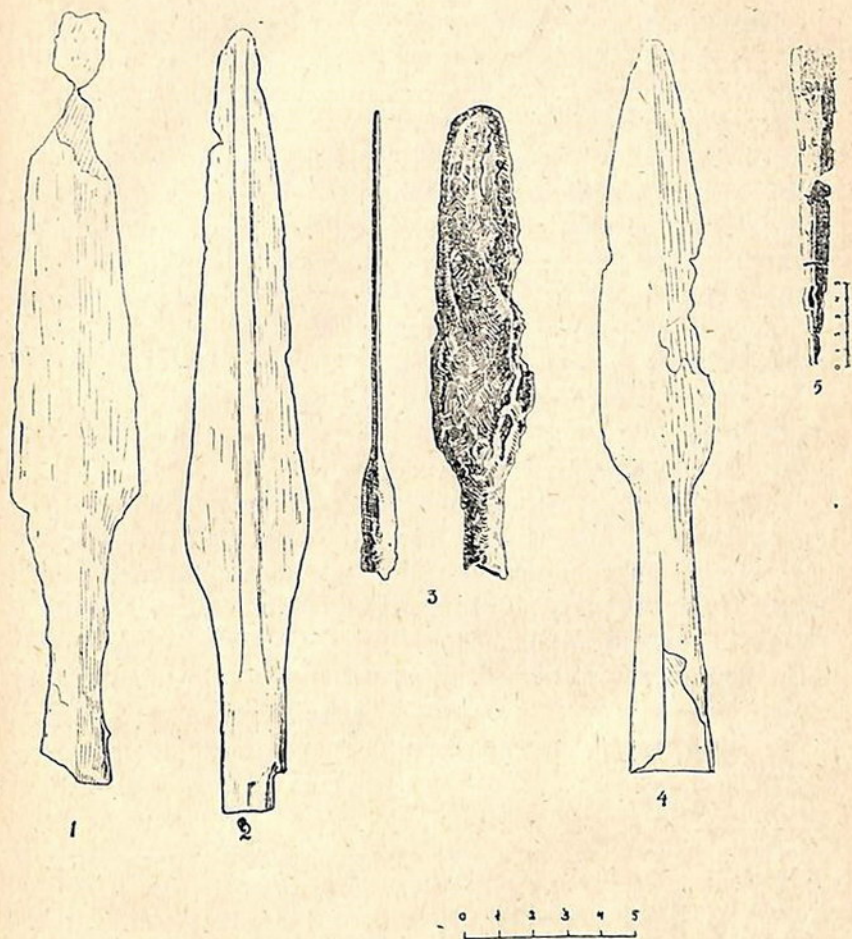

Табл. IV.

Первый тип. Проушные топоры. Древнейшей находкой, свидетельствующей о наличии топора указанного типа, можно считать обломок створки каменной формы для отливки проушного топора, обнаруженной при раскопках Шенгавитского по-

селения²⁶; отливка по этой форме дает клиновидное лезвие топора с расширением у обуха, что характерно для проушных топоров. По всей вероятности, в этой форме отливался топор с клиновидной короткой лопастью и круглым обухом²⁷.

Глиняные формочки топоров, по-видимому несколько более поздней формы, происходят из энеолитического слоя Гарини и Нахичеванского Кюль-тапа²⁸.

Близкую аналогию топора, отливавшегося в шенгавингской форме, дает проушный топор из Ленинанканского музея²⁹ со слабо опущенным лезвием и выгибом в верхней части у рукоятки. Плечики узкие, сильно сплюснутые, с чуть заметным ребром. Отверстие рукоятки имеет форму подтреугольного овала. Длина 12 см, ширина лопасти у острия 4 см, диаметр отверстия 2,8 см x 1 см (табл. V, рис. 1).

С территории Армении к указанным топорам близок каменный просверленный топорик из села Кети (табл. V, рис. 2), того же Ленинанканского района³⁰.

Подобные топоры в небольшом количестве известны и из других мест Закавказья и Северного Кавказа. Так, близкую форму к ленинанканскому топору имеет загэсский топор, который, как отметил Б. А. Куфтин, является точной аналогией топора из большого Майкопского кургана, уступая ему лишь в размере³¹. Промежуточным по времени между ленинанканским и загэским топорами является проушный топор из Бердадзора³². По-видимому, ко времени загэского топора относятся проушные топоры из Юго-Осетии. Один из них был обнару-

²⁶ Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века в Армении, стр. 172.

²⁷ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы... стр. 26, 28.

²⁸ Формочка не опубликована, см. Р. М. Мунчаев, Древнейшая культура Северо-восточного Кавказа, МИА—100, стр. 57.

²⁹ А. А. Мартиросян, ук. соч.

³⁰ *Ե. Քալուրտյան, Աշխատանքի գործիքները հին Հայաստանում, ՀՄԽ Գիտությունների և գրականության ինստիտուտ, տեղեկագիր, 1, էջ 186—197, հ. 5, 1938*

³¹ Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триалети, стр. 10.

³² О. М. Джапаридзе, Ранний этап древней металлургии меди в Грузии, стр. 103; О. М. Джапаридзе, К истории грузинских племен... стр. 253, рис. 20, 3; Д. Л. Коридзе, Новые находки медных орудий в Квемо-Картли, С. А. № 1, 1958, стр. 137, рис. 2, 1.

жен из села Ялбузи³³, второй—из района Кулбакеби³⁴. Все указанные топоры имеют толстые клинообразные кованые лопасти и резко суженный обух, что сближает их отливкой к шенгавитскому топору и указывает на местное производство подобных топоров.

По всей вероятности, рассмотренные топоры, встречаемые в большинстве своем без сопровождающего инвентаря, относятся ко второй половине III тыс. до н. э. В пользу этой датировки говорят факт обнаружения вышеуказанных форм и то обстоятельство, что часть грузинских топоров также связывается с эпохой энеолита.

Несколько поздними по сравнению с нашими являются северо-кавказские проушные топоры из кубанских курганов (Большой костромской курган, Андрюковский, Псебайский, Махосевский, относящиеся к концу III и началу II тыс. до н. э.), которые, по мнению А. А. Иессена, хотя и являются местной продукцией, но изготовлены под влиянием импорта с юга. Каменный проушной топор, по своей форме схожий с металлическими, известен из хутора Новый Аршти (Чечено-Ингушская АССР).

Топоры рассматриваемого типа известны и на юге, где они несколько опережают во времени наши. Подобные топоры зафиксированы в памятниках последней четверти IV тыс. до н. э., как-то: Сиалк III, Сузы В, Ур, Окиар, а также из Шахти-Тумпа, Чанху-Дара (Индия) и в районах минойской культуры³⁵.

Развитие проушных топоров в Армении (и в Закавказье) приводит к появлению местного варианта топора вислообушного типа³⁶. Древнейшим экземпляром, относящимся, по всей вероятности, к концу III тыс. до н. э., является вислообушный топор, происходящий из Араратской долины (ГМА 75) (табл. V, рис. 3). Он имеет овальное отверстие в чуть отвисающем обухе и почти прямую лопасть, приближающуюся по своей

³³ Б. А. Куфтин, Арх. маршрутная экспедиция 1945 г., стр. 35, табл. XX.

³⁴ В. П. Любин, Археологическая разведка в окрестностях города Сталинири, КСИИМК, вып. 60, стр. 15, рис. 1.4.

³⁵ Г. Чайлд, Древнейший Восток, стр. 311.

³⁶ Б. Б. Piotrovskiy, Поселения медного века в Армении, стр. 182.

форме к лопастям топоров из Ленинакана и Осетии, отличающейся от них несколько удлинненным лезвием (длина 17,5 см, длина обушка 4,5 см, ширина лезвия 4,5 см.). Топоры аналогичной формы известны из эшерских дольменов в Кюрдаре³⁷.

Второй тип. Трубчатообушные топоры. Топоры рассматриваемого типа известны из Армении в трех экземплярах и происходят из Мартуни⁴², Ленинакана (табл. V, рис. 4—5) и Карса⁴³.

³⁷ И в а щ е н к о, Исследование архаичных памятников материальной культуры в Абхазии, стр. 25, 29, рис. 11—12.

³⁹ Е. Т. Крупнов, Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода, МИА, 23, стр. 38—39, рис. 7.

⁴¹ Б. А. Куфтин, Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г.... табл. VI.

⁴³ *б. Բ ա ղ ը ը ը ը ը ը ը ը*, ук. соч., 212, 231, рис. 112; Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триалети, стр. 15, рис. 14, 1; Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века... стр. 182, А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы.... стр. 40.

несколько расширенное в нижней части узкое лезвие и длинную втулку. В наружной стороне лезвия при переходе к обуху имеется небольшой выступ. Длина 17 см, длина обуха 3,5 см, длина втулки 6,5 см, диаметр отверстия 2,8 см, ширина лезвия 4,7 см. Ленинанканский топорик имеет аналогичную форму и отличается отсутствием указанного выступа и размерами. Длина 14 см, длина обуха 2,6 см, длина втулки 6 см, диаметр втулки 2,3 см, ширина лезвия 4,7 см. Карский топор, повторяющий форму ленинанканского, близок к нему и по своим размерам: длина 15 см, длина втулки 5 см, длина обуха 2,5 см, ширина лезвия 4 см.

Рассмотренные топоры, вероятно, являются дальнейшим развитием форм проушных топоров. Имея приспособленное для удара лезвие, заточенное в горизонтальном направлении по отношению к древку, они являются специфическим боевым оружием и, по всей вероятности, относятся к периоду древней бронзы и датируются концом III тыс. до н. э.

Рассматриваемые топоры имеют довольно широкое распространение. Они происходят из Сачхери, где представлены в виде серповидно изогнутых топоров с косо заточенным острием и по своей форме тяготеют к луристанским образцам⁴⁴. Необходимо указать, что армянские топоры по своим формам более близки к шумерским и эламским образцам из Киша, Ура, Лагаша, Тепе-Али-Абада, Тепе Хазинака, Тель-Ахмара, Тель-Вареноа, Тепе-Гавра, относящимся к концу IV—началу III тыс. до н. э.⁴⁵, хотя по времени приближаются к северо-месопотамским образцам⁴⁶.

Третий тип. Топоры-клевцы. Указанные топоры представлены двумя экземплярами, представляющими собой универсальное оружие и орудие, комбиниравшее в себе топор-мо-

⁴⁴ Б. А. Куфтин, *Арх. раскопки в Триалети*, стр. 15, рис. 14, 2—4; Б. А. Куфтин, *К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе*, стр. 304; О. М. Джапаридзе, *Ранний этап древней металлургии*, табл. XII; Б. А. Куфтин, *К истории грузинских племен...* стр. 263, табл. XV, рис. 1—3.

⁴⁵ С. L. Woolley, там же, табл. 233; Чайлд, *Древнейший Восток...* стр. 224, рис. 83, стр. 241, рис. 89; O. Montelius, там же, рис. 2, 63i; Б. А. Куфтин, *К вопросу о древнейших корнях...* рис. 2, Н. Bonnet, *ук. соч.*, рис. 8; Cl. Schaeffer, там же, табл. 82, 90.

⁴⁶ O. Montelius, *ук. соч.*, стр. 563;

тыгу и топор-кирку, т. е. оружие, состоящее на вооружении и необходимое как для строительства временных укреплений дорог, так и для разрушения захваченных укреплений. Указанные топоры, как увидим ниже, относятся ко второй половине III тыс. до н. э.

Первый из вышеуказанных топоров найден в Алаверди. (табл. V, рис. 6). Представляет собой топор-кирку с длинным чуть изогнутым узким массивным острием и небольшим клювом в верхней части и круглым в верхней части лезвием для насадки на рукоять. Длина 24 см, длина острия 16 см, ширина на месте отверстия (самое широкое место) 5 см, толщина 3 см. Диаметр отверстия 2,8 см, ширина острия 3,2 см. Второй клевец (хранится в Ленинанском музее) представляет собой топор-мотыгу, с притупленной мотыжной частью, имеющей по сравнению с алавердским меньшую величину и сравнительно сильно изогнутое лезвие. Длина 11 см, длина лезвия 9 см, ширина 4,6 см, толщина 2,4 см, ширина лезвия 3 см, диаметр отверстия 3 см.⁴⁷ По всей вероятности, из Армении же происходит близкий к алавердскому беспаспортный клевец из Государственного музея Грузии. Из Грузии известны также еще два клевца—один из Дманиси, второй из Кахетии. А. А. Мартиросян вполне справедливо отмечает, что указанные клевцы происходят из Алаверды или в непосредственной близости от него, т. е. в местности, исключительно богатой медными рудами и считает, что здесь необходимо искать производственный центр, распространявший указанные предметы.

Подобные топоры имеют довольно широкий ареал и известны из Ашура аккадской эпохи: в IV слое Тепе-Гавра, в изображении боевого клевца на стеле Нарам-синна (XXII в. до н. э.), в III слое Тепе-Хиссары во II слое Хиссарлика, в тепе Сялке; Астрабаде, Мохенджо-даро, Крите, Венгрии, Болгарии, Румынии, Чехословакии, Галиции, Кневе (село Веремье), Майкопском кургане и других местах⁴⁸.

⁴⁷ А. А. Мартиросян, *ук. соч.*, стр. 32.

⁴⁸ Маккей, *Древняя культура Инда*, М., 1951, стр. 91, табл. 32; Г. Чайлд, *У истоков европейской цивилизации*, стр. 56, рис. 2, 3; Т. С. Пассек, *Периодизация трипольских поселений*, МИА, 10, стр. 213; А. А. Иессен, *К вопросу о древнейшей металлургии меди...*, гл. I этап, рис. 3.

Четвертый тип. Секиры. В производстве топоров в конце древнебронзовой эпохи начинается новый этап развития. По всей вероятности, на синтезе проушных и трубчатосбушных топоров появляется новый тип, известный в археологической литературе под термином «секиры». Наиболее архаичным топором этого типа является проушный топор из Лениакана, имеющий короткий выступающий обух наподобие обуха вислобушного топора из Царцис-Горы, но совершенно отличающийся от него по форме лезвия⁴⁹.

Рассматриваемый топор имеет оттянутый назад овальный обухок, сильно выдвинутое вперед плоское лезвие, образующее выступ под проушиной с наружной стороны, серповидный изгиб с внутренней стороны лезвия для соединения с обухом, вследствие чего лезвие с наружной стороны почти прямоугольное, с внутренней—изогнутое. Длина топора 14,5 см, длина лезвия 11 см, ширина лезвия 7,5 см, ширина выступа 2 см, диаметр отверстия 4 x 2 см. Развитием указанного типа являются топоры из села Навур Шамшадинского района.

В отличие от лениаканского, шамшадинские топоры имеют несколько опущенный вниз обухок, лезвие не так сильно выдвинуто вперед, наоборот, оно в режущей части имеет округлую форму и оттянуто назад. От обуха по обеим сторонам тулова отходят сделанные наискось вырезы, придающие лезвию форму полусекиры.

При абсолютно одинаковой форме оба топора отличаются размерами. Размеры одного из топоров: длина 16,5 см, длина клинка 11,5 см, ширина лезвия 11 см, диаметр отверстия 4,8 см x x 2,4 см, ширина выреза в передней части 2 см, а под проушной частью 1,5 см. Размеры второго топора: длина 16,6 см, длина клинка 12 см, ширина лезвия 10 см, диаметр отверстия 5 см x x 2,5 см, ширина выреза в передней части 1 см, под проушной частью 1,6 см.

А. А. Мартиросян вполне справедливо отмечает, что рассмотренные шамшадинские топоры являются прототипами боевых секир типа Кироваканского кургана, с которым непосредственно связываются по строению обуха, тулова и лезвия, а также колхидских топоров⁵⁰.

⁴⁹ А. А. Мартиросян, Армения в эху бронзы... стр. 62, рис. 27.

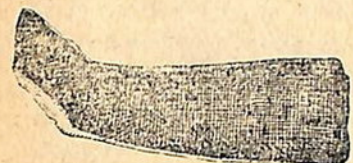
⁵⁰ Там же, стр. 60.

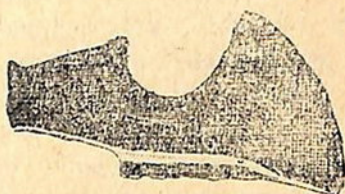
4

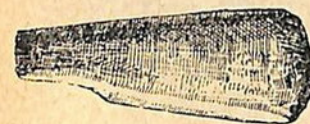
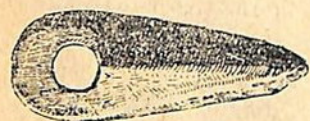
8

3

7

2

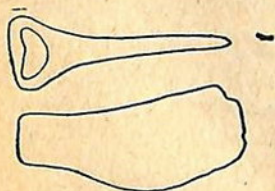

6

5

Табл. V.

1

Единственную аналогию в Закавказье указанные топоры находят в «парадной секире» из Грма-Гела. Они отличаются от шамшадинских размерами и кружковым орнаментом на обушной части, что свидетельствует о наличии третьей формы для отливки рассматриваемого типа в Закавказье⁵¹. Аналогичен им северо-кавказский топор из села Галашки⁵².

Близкие по форме лезвия, подобные топоры отличаются обушной частью. Эти топоры имеют прямой оттянутый назад обух. Происходят они из Куль-тапа и датируются 2000—1900 гг. до н. э., из Русского Талыша—1500—1400 гг. и из Дауд-Кепрю (Талыш)—1500—1450 гг. до н. э.⁵³

Кироваканская секира (табл. VI, рис. 1), имеющая аналогичное строение с вышеуказанными, отличается строением лезвия. Оно имеет не оттянутую назад форму, а полукруглую с приподнятым и закругленным вверх острием⁵⁴.

Переходным от кироваканского секировидного топора к секирам является арктический топор⁵⁵, имеющий удлиненную обушную часть с овальным отверстием, узкое тулово с расширяющимся лезвием слегка округлой формы и косыми вырезами по обеим сторонам тулова, идущим от обуха к приподнятым краям острия. По своей форме к арктискому приближается топор из села Гари, отличающийся более удлиненным туловом⁵⁶. Рассмотренный топор приближается вплотную по своей форме к секирам, отличаясь от них меньшей приподнятостью краев острия. Происходя из памятника, датируемого XIII—XII вв. до н. э., арктический топор, по-видимому, по своей форме относится к самому началу второй половины II тыс. до н. э., хотя сам, наверное, является пережиточным.

На основе развития вышеуказанных топоров в северной части Армянского нагорья и частично в Закавказье появляется

⁵¹ Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Тиалети, стр. 17—19, рис. 20.

⁵² В. И. Морковин, Культура племени Северного Кавказа в эпоху бронзы, МИА, 93, стр. 83, рис. 33.

⁵³ C. I. Schaeffer, ук. соч., табл. IX, рис. 16, 22, 26.

⁵⁴ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 47.

⁵⁵ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, 1963, стр. 55.

⁵⁶ Б. А. Куфтин, Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г., табл. XXIX, рис. 6.

ся новая форма топоров-секир, которые по своей форме делятся на несколько вариантов.

По своему строению и внешним признакам секиры имеют почти одинаковое строение, хотя по ряду деталей делятся на четыре основных варианта.

Первый вариант представлен несколькими десятками секир, с массивными лезвиями в виде полулуния с отходящим из центра проушины овальным отверстием. Секиры рассматриваемого варианта снабжены плечиками, от которых отходят выступы, оконтуривающие проушные отверстия. В центре верхней части проушины они снабжены массивным шипом. Часть секир снабжена клиновидным выступом, отходящим от шипа и проходящим по всей длине обушной части.

В Армении подобные секиры происходят из Лчашена, Артика (табл. VI, рис. 6), Ахталы (табл. VI, рис. 2; табл. VII, рис. 1.), Алаверди (табл. VI, рис. 3, 4), Ноемберяна, Степанавана⁵⁷, Ворнака⁵⁸ и других мест. Подобные секиры известны также из Самтавро⁵⁹, Ханлара⁶⁰, Мингечаура⁶¹, Арчадзора⁶², Қировабада⁶³ и других мест.

Второй вариант образуют 15 секир, аналогичных секирам первого варианта и отличающихся отсутствием шипа на обушной части. Подобные секиры известны из Лчашена, Зангезура, Коти (табл. VI, рис. 5), Хаштарака, Ахталы (табл. VII, рис. 2), Алаверди (табл. VII, рис. 3) и Такии (табл. VII, рис. 4) (проушина такийской секиры отбита, однако сравнение ее с секирой из Киркиджанского клада убеждает нас в том, что на обушине такийской секиры также отсутствовал шип).

⁵⁷ М. Я. Сагатов, Арх. находки в урочище Джалал-оглу. Изв. Кавказского отд. Московского археологического об-ва, т. I, Тбилиси, 1904, рис. 4.

⁵⁸ ОАК за 1894 г., стр. 14—15, рис. 2.

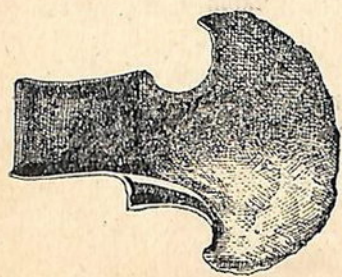
⁵⁹ Т. Н. Чубинишвили, Древнейшие арх. памятники Мцхета, рис. 16; Р. М. Абрамишвили, К вопросу о датировке памятников средней бронзы и широкого железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике, Вестник музея Грузии, 1957, XIXA и XIXB, табл. I, рис. 220.

⁶⁰ Я. Н. Гуммель, Погребальный курган № 1, табл. V, экз. 15.

⁶¹ Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе, Древний Мингечаур, табл. XIII, рис. 3.

⁶² К. Х. Кушнарeva, Некоторые памятники поздней бронзы... стр. 156.

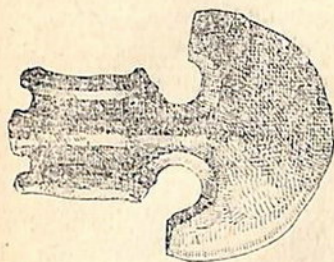
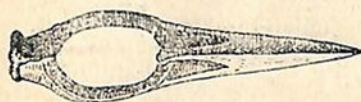
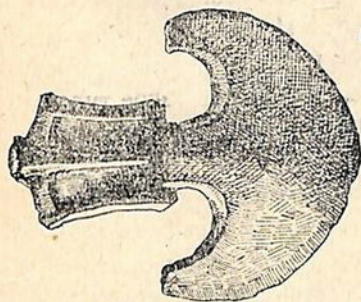
⁶³ Т. Пассек, Б. Латынин, ук. соч., рис. 13, 14.

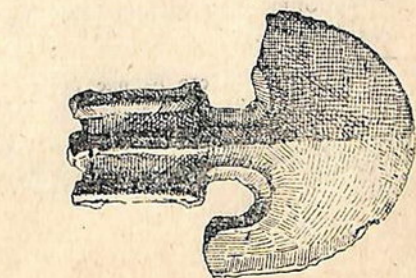
1

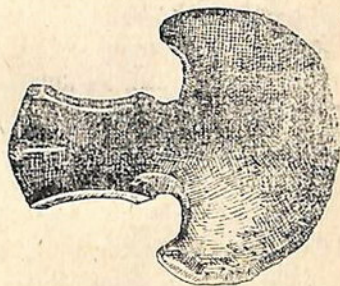
2

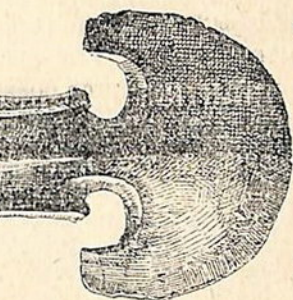
5

6

7

8

0 1 2 3 4 5

Табл. VI.

Датировка указанных секир уточняется комплексами Лча-шена XIII в. до н. э., Алаверди XII в. до н. э. и такийского комплекса, относящегося к рубежу II—I тыс. до н. э.

Третий вариант представлен единичной секирой из Лча-шена, имеющей аналогичное строение лезвия и проушины с вышеописанными секирами (табл. VII, рис. 6). Отличается наличием шести круглых конусообразных шипов, расположенных в два параллельных ряда по обеим сторонам проушины. В центре проушины проходит массивный гвоздь, заклепанный с двух сторон проушины. Аналогичные секиры в Закавказье известны в небольшом количестве. Подобная секира известна из кургана № 4, раскопанного Реслером около Кировабада, и несколько отличается округлой формой приподнятых вверх плечиков острия и наличием пятью аналогичных шипов на обухе⁶⁴. Подобная же секира известна из окрестностей Ханлара⁶⁵. Аналогичная секира имеется в руках Тешуба на богазкейском рельефе (конец XIV в. до н. э.), хронологически приближающимся к лчашенскому⁶⁶.

Четвертый вариант также представлен в единичном экземпляре—секирой из Иджевана (табл. VII, рис. 5). По форме лезвия она повторяет секиры с высоко поднятыми плечиками с двумя седловинами на концах плеч. Небольшое узкое тулово имеет в верхней части отверстие, над которым параллельно лезвию проходит прямая планка—крестовина с небольшим выступающим шипом в центре. Поэтому древко рукояти, проходя через отверстие, нижней частью садится в выемки седловины на плечиках лезвия, а верхней—плотно придерживается планкой. Длина секиры 8 см, длина лезвия 5 см, ширина лезвия 9,5 см, длина планки-крестовины 9,5 см, ширина обуха 1,6 см.

Единственной нам известной аналогией, почти полностью повторяющей нашу секиру, является подобная секира из царских гробниц Ура, отличающаяся лишь несколько вытянутой формой лезвия⁶⁷.

⁶⁴ ИАК, вып. 12, стр. 52, рис. 14.

⁶⁵ К. Х. Кушнарёва, там же, стр. 158.

⁶⁶ Н. Д. Флиттнер, Культура и искусство Двуречья, стр. 226.

⁶⁷ С. L. Wolléy, ук. соч., табл. 224; А. А. Мартиросян, ук. соч., стр. 72.

Из изложенного можно заключить, что основная масса секир, произведенных на месте, приходится на северные районы Армянского нагорья. Северная граница их проходит по Кавказскому хребту, восточная доходит до Мингечаура и Нухи, западная граница неустойчива, она доходит до западной Грузии, где они встречаются в основном вкладах с предметами колхидского типа.

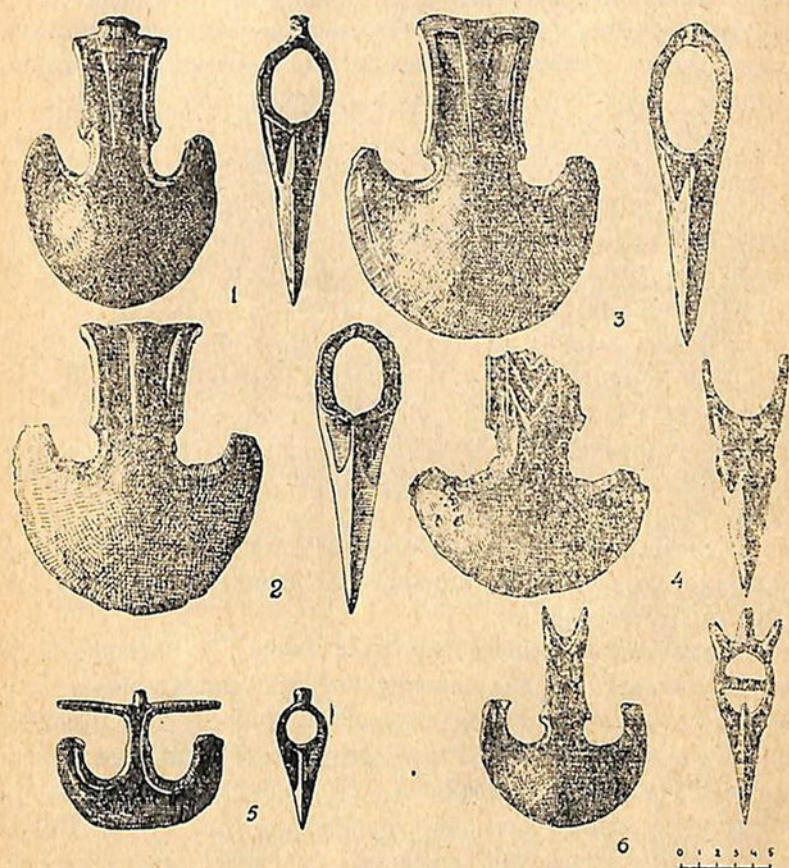

Табл. VII.

Карта распространения секир, составленная А. А. Иессеном еще в 1935 г., в основном подтверждает наше мнение⁶³. Хотя после составления карты имеются новые находки, ареал

⁶³ А. А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди, карта № 5.

их не изменился. Интересно отметить, что и колхидские топоры изредка встречаются в Армении, что свидетельствует о межплеменном обмене. Так, подобные топоры происходят из Ленинакана и Паракара (табл. IX, рис. 6)⁶⁹.

Подтверждением местного происхождения и производства секир служат ранние типы полусекир, явившиеся развитием и синтезом вислообушного и трубчатообушного топора, приведшего к полусекирам типа ленинаканской, шамшадинской, кироваканской и артикской. Подтверждением их местного производства являются также находки каменных форм для отливки секир, обнаруженных в Ленинакане⁷⁰, Кармир-блуре⁷¹ и Шамхоре⁷².

Датировка рассмотренных секир относится в основном к XIII—X вв. до н. э. Являясь боевым оружием, принявшим особенно массивные формы, секиры, по всей вероятности, также частично применялись и в хозяйстве, о чем свидетельствуют утолщения на лезвиях некоторых секир.

В начале первого тысячелетия до н. э. бронзовые секиры начинают убывать и уже в IX—VIII в. совсем исчезают. К этому же времени в Армении появляются железные топоры, известные по раскопкам Кармир-блуре, наряду с которыми применяются скифские топоры, известные по памятникам VII—VI вв. до н. э.

Железные топоры по своему виду делятся на несколько типов, которые мы даем в общей последовательности вместе с бронзовыми топорами.

Пятый тип. Железные проушные топоры. Из раскопок Кармир-блуре известны два клиновидных проушных топора. Первый из них представляет небольшой топорик с узким длинным лезвием и круглым отверстием рукояти. Длина 14 см, длина лезвия 10 см, ширина лезвия 4,5 см, ширина обушины 4,5 см, диаметр (проушина сломана) приблизительно 2,5 см. Второй топор, имея аналогичное строение, отличается своей массив-

⁶⁹ А. А. Мартиросян, О древнем поселении около Ленинакана, Изв. АН АрмССР, 1952, № 10, стр. 92—93.

⁷⁰ А. Калантар, Открытие поселения дохалдского периода близ Ленинакана, ПИДО, 1937, № 9—10.

⁷¹ Хранится в Гос. музее Армении.

⁷² J. Hummel, Zur Archeologie Aserbaidschans, Esz, том. VIII, 1933, стр. 233—234, рис. 29; А. А. Иессен, ук. соч., стр. 144—145, рис. 25.

ностью и представляет тяжелое рубящее орудие, применяемое, по всей вероятности, и как оружие. Лезвие его отбито. Длина 14 см, ширина сохранившейся части лезвия 7 см, ширина тыльной части обуха 8 см х 6 см. Отверстие для рукояти заполнено раздувшимся железом. Сохранилось чуть заметное стверствие и выемка овальной формы—диаметр 2 см х 3,5 см (табл. IX рис. 12). Топоры типа второго известны по хеттским барельефам из Богазкея и Зенджирли⁷³. Интересно отметить, что на ассирийских изображениях подобными топорами саперы подрубают деревья на понораме захваченной крепости⁷⁴.

Шестой тип. Представлен топориками скифского типа. Указанные топоры обнаружены в Головино⁷⁵, Куртане и в Му-сиери⁷⁶. Они представляют собой топор-молот с узким туловом с расширяющимися лезвиями. Верхняя часть округлой формы, расширяется, образуя молоток. Отверстие круглое. Подобные топорики, по всей вероятности, не получили широкого распространения в Армении⁷⁷ и в основном происходят из скифских памятников. Такие топоры известны из хутора Шумейко (три топорика) и в Курганах близ Триполья⁷⁸, на Северном Кавказе в Осетии⁷⁹. Аналогичный бронзовый топор известен из кургана № 7 близ Андриюковской станицы⁸⁰, а также из Дагестана.

Таким образом, со II половины III тыс. до н. э., в связи с развитием металлообработки, литейного производства, появляются топоры.

Первые типы проушных и трубчатообушных топоров появились под влиянием месопотамских образцов. По всей вероят-

⁷³ J. Garstang, там же, табл. XXVI.

⁷⁴ Archibald Patterson. BM Assyrian sculptures. Palace of Sînacherib.

⁷⁵ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, табл. XV, рис. 10.

⁷⁶ J. de Morgan, ук. соч., рис. 52.

⁷⁷ А. А. Мартиросян, ук. соч., стр. 72.

⁷⁸ Б. Ханенко, В. Ханенко, Древности Приднепровья, вып. II стр. 7—8, 11—12.

⁷⁹ МАК XIII, табл. II, рис. 10—11, табл. IX—XI, рис. 5—6.

⁸⁰ А. А. Иессен, Прикубанский очаг металлургии и металлообработки, МИА 23, рис. 55, ОАК за 1898 г., стр. 160—164.

ности, до появления металлических топоров применялись аналогичные изделия из камня (топор из Кети, Ленинкаканского района).

Местным развитием проушного топора являются вислобушные топоры типа эчмиадзинского.

Следствием развития и синтеза проушных трубчатосбушных топоров является создание полусекир типа Навура и Кировакана. В свою очередь, это приводит к появлению секир, широко применявшихся в Северной части Армянского нагорья и некоторых районах Закавказья. Указанные секиры нашли широкое развитие в конце II тыс. до н. э. В начале I тыс. до н. э. они исчезают. В связи с появлением Урартского государства и развитием его культуры в Армении, по всей вероятности, применяются железные топоры, известные пока что из раскопок Кармир-блур. Следствием культурных взаимоотношений племен Армянского нагорья со скифами является обнаружение в могильниках VII—VI вв. до н. э. с типично местным инвентарем скифских топоров-молоточков, не нашедших, по всей вероятности, широкого применения.

СТРЕЛЫ

Одним из основных видов оружия является лук. Судя по изображениям в Армении (и в Закавказье), имелись два вида лука. Один деревянный, большого размера с равномерным изгибом, второй значительно меньшего размера⁸¹. Изображения луков известны сравнительно в небольшом количестве и в основном на керамике и поясах, происходящих из Кировабада, Шамхора, Ахталы, Триалети, Камо, Двина⁸², на урартских бронзовых предметах, а также на каменной статуе из Ваца⁸³.

⁸¹ Б. Б. Пиотровский, Арх. Закавказья, стр. 77; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, т. III, стр. 38.

⁸² J. Hummel, Zur Archeologie Aserbaïdžans, стр. 230, рис. 26; J. Hummel, Памятники древностей в окрестностях Килик-дага, Изв. Аз. ФАНа СССР, 1941, № 2, стр. 39, рис. 9, ОАК за 1899г., стр. 87, рис. 179; Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триалети, табл. XXV; J. de Morgan, ук. соч., рис. 190—191; *В. Димитров, Триалетски археологически находки*, рис. 186; Двинские материалы не опубликованы.

⁸³ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 239, рис. 77.

Стрелы хранились в колчанах, которые, по всей вероятности, изготовлялись из дерева, кожи или металла.

Остатки деревянного колчана известны из Топ-Кара⁸⁴, Лчашена и Кармир-блур⁸⁵. О форме ранних колчанов можно судить по изображению на бронзовом поясе из Маралын-Дереси в Триалети.

Начиная с урартской эпохи в Армении применяются металлические колчаны, представляющие собой трубку длиной около 65—70 см, изготовленную из согнутой бронзовой пластины, имеющей в сечении овальную форму, точнее, одна сторона полукруглая, а другая сходится под углом. По всей вероятности, часть колчана, соприкасающаяся с телом воина, была кожаной.

Колчан снабжен в верхней и нижней частях кольцами для закрепления ремней, в нем находилось около 30—35 стрел.

Колчаны украшались полосами—поясами, внутреннее пространство которых заполнялось зигзагообразным орнаментом, украшалось точеным узором, создающим впечатление треугольников. При раскопках Кармир-блур было обнаружено 18 колчанов, часть которых заполнена бронзовыми и железными стрелами. Некоторые колчаны имеют надписи с именами Аргишти I и Сардури II, они украшены художественными изображениями боевых колесниц и всадников. Подобные колчаны известны также из Топрах-кале и из гробниц Алтын-тепе около Ерзынка⁸⁶.

Однако первые сведения о применении лука дают находки наконечников стрел, происходящие в Армении из энеолитических поселений Шенгавита и Кюль-тапа, именно каменные наконечники стрел легли в основу более поздних закавказских металлических стрел.

Ранние образцы в основном готовились из кости и обсидиана. Впоследствии кость почти исчезает, но обсидиан (и кремнь) еще долгое время остается наравне с металлическими обычными материалами для наконечников стрел, зачастую

⁸⁴ Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Цалкинском районе, стр. 15, табл. XIVa и XVI.

⁸⁵ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 38

⁸⁶ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 167.

даже занимая доминирующее положение, в то время как другие виды оружия (кроме булав) полностью переходят в металлические.

Стрелы, обнаруженные в Армении, делятся на несколько типов, каждый из которых приводится в хронологическом порядке.

Первый тип представлен немногочисленной группой костяных наконечников, происходящих из Шенгавитского поселения⁸⁷ и относящихся, по всей вероятности, к середине третьего тыс. до н. э.

Обнаруженные здесь стрелы делятся на два варианта.

К первому варианту относятся две стрелы с длинным, круглым в сечении, заостренным наконечником и коротким круглым черенком для насадки на древко. Длина первого 6 см, длина наконечника 5 см, диаметр наконечника 0,3 см; длина второго 8,1 см, длина наконечника 5,7 см, диаметр 1,1 см.

Второй вариант стрел, имея круглое сечение наконечника, отличается меньшим его размером и удлиненным черенком. Длина 4,5 см, длина наконечника 1,6 см, диаметр 1 см (табл. VIII, рис. 1—3).

К рассматриваемой же эпохе относятся обсидиановые наконечники из Кюль-тапа⁸⁸, составляющие второй тип и делящиеся на два варианта. К первому варианту мы относим миниатюрные наконечники с плоским или асимметрично выемчатым основанием, что в Армении менее выражено, чем на северокавказских образцах (табл. VIII, рис. 4—7).

Стрелы аналогичной формы известны из Лугового поселения⁸⁹, Гори⁹⁰, Цхинвали⁹¹, Сачхери, Кулбакеби, Нацаргора, Гудабертка, Очемчири, Мингечаура⁹².

⁸⁷ Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века в Армении, стр. 174.

⁸⁸ Там же, рис. 2.

⁸⁹ Р. М. Мунчаев, Древняя культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 15.

⁹⁰ Б. А. Куфтин, К проблеме энеолита во внутренней Картлии к Юго-Осетии, ВМГ 143—В, стр. 77, табл. III, 3.

⁹¹ В. П. Любим, Арх. разведка в окрестностях Сталинири, стр. 15, рис. 1, 6.

⁹² О. М. Джапаридзе, К истории грузинских племен... стр. 258, рис. 19, 5, О. М. Джапаридзе, Ранний этап древней металлургии в Гру-

Б. А. Куфтин считает, что подобные стрелы появились благодаря влияниям с севера⁹³. Однако нам кажется правильным мнение О. М. Джапаридзе, что предположение Б. А. Куфтина ошибочно⁹⁴, т. к. хотя асимметричная форма рано появляется на С. Кавказе, но наши стрелы указанной формы бытуют с эпохи энеолита (если не раньше) и к тому же они более симметричны, чем северокавказские образцы.

Необходимо указать, что уже часть кюль-тапнских стрел имеет симметрично выемчатые наконечники.

Второй вариант представлен треугольными стрелами с коротким черенком для насадки, причем сами стрелы несколько отличаются друг от друга. Так, наконечник из Кюль-тапа имеет небольшие, слегка округлые усики⁹⁵, а другой, происходящий из Гарни, лишен таких усиков, вследствие чего и принял почти ромбовидную форму. Очень тонкие и характерные образцы подобных кремневых стрел происходят из раскопок Эларского могильника.

Подобные стрелы известны из Эшерских дольменов⁹⁶, Очемчир⁹⁷, Бешташени⁹⁸, Хизанаат-Гора, Гудабертка, Цихнагори, Юго-Осетии⁹⁹, Степанакерта¹⁰⁰, Узерлик-тепе¹⁰¹.

Третий тип образуют каменные (обсидиан и кремнь) стрелы миндалевидной формы с острыми ретушированными краями и небольшим прямоугольным или округлым вырезом в нижней части. Встречаются они в памятниках XIII—VI вв. до н. э.

зин, табл. XIII, рис. 5; Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе, ук. соч., стр. 31, табл. IX.

⁹³ Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 77.

⁹⁴ О. М. Джапаридзе, К истории грузинских племен... стр. 258.

⁹⁵ Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века... рис. 2.

⁹⁶ О. М. Джапаридзе, Ранний этап древней металлургии, табл. X, 3.

⁹⁷ Л. Н. Соловьев, Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии, Материалы по истории Абхазии, 1, Сухуми, 1939, табл. IX, 2.

⁹⁸ Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триалети, стр. 110, табл. СХХ.

⁹⁹ В. П. Любин, ук. соч., стр. 15, рис. 1, 5, 7; О. М. Джапаридзе, К истории грузинских племен... рис. 19, 22.

¹⁰⁰ Я. И. Гуммель, Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана, КСИИМК, XX стр. 18, рис. 8; К. Х. Кушнарёва, Памятники медного века в Нагорном Карабахе, С. А. XX, рис. 2.

¹⁰¹ К. Х. Кушнарёва, Раскопки на холме Узерлик-тепе, около Агдама, КСИИМК 69, стр. 132.

Такие стрелы известны из Лчашена (табл. VIII, рис. 8,12), Бамаберта (табл. VIII, рис. 9), Маймунджуга, из коллекций Эчмиадзинского музея (табл. VIII, рис. 10—11), Камо, Макарашена¹⁰² (Кироваканский музей), Редкина Лагерь, Кармир-блур, Ленинакана.

Аналогичные стрелы известны из Арчадзора, Самтавро, Кедабека, Ханлара, Узерлик-тепе, Триалети и других мест¹⁰³.

Четвертый тип составляют костяные стрелы, имеющие четырехгранную форму с резкозаостренным концом с небольшим круглым черенком. В нижней части наконечника имеются небольшие треугольные вырезы. Подобные стрелы происходят в Армении из Камо и Степанавана¹⁰⁴ (табл. VIII, рис. 13). Датируются они, по всей вероятности, концом II—началом I тыс. до н. э. Подобные стрелы известны также из Самтавро и Бешташена¹⁰⁵.

Пятый тип образуют бронзовые стрелы, имеющие плоский листовидный наконечник с выступающими усиками и с плоским или четырехгранным черенком. Подобные наконечники вырубались из пластинчатого металла и дополнительно обрабатывались ковкой и заточкой. Датируются они XIII—VII вв. до н. э. и известны из многих памятников Армении и сопредельных стран. В Армении подобные стрелы происходят из Лчашена, Степанавана (табл. VIII, рис. 14, 16, 17), Маймунджуга (табл. VIII, рис. 15), Ленинакана (Ленинаканский музей), Камо, Макарашена (Кироваканский музей), Кармир-блур¹⁰⁶ и ряда других мест. Аналогичные стрелы известны в инвентаре Так-Килисского могильника и могильника у дороги

¹⁰² А. А. Мартиросян, Раскопки в Кировакане... стр. 64.

¹⁰³ К. Х. Кушнарева, Некоторые памятники поздней бронзы Н. Карабаха, рис. 2, 9; Т. Н. Чубинишвили, Древнейшие арх. памятники Мцхета, рис. 16; А. А. Ивановский, По Закавказью, стр. 157—164; Я. И. Гуммель, Погребальный курган № 1, табл. 10; Б. А. Куфтиш, Арх. раскопки в Триалети, табл. CVI; К. Х. Кушнарева, Раскопки на холме Узерлик-тепе, стр. 132.

¹⁰⁴ Т. С. Хачатрян, Каменные ящики Степанавана, труды ГМА, стр. 108.

¹⁰⁵ Т. Н. Чубинишвили, Древнейшие арх. памятники Мцхета, рис. 16.

¹⁰⁶ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 40.

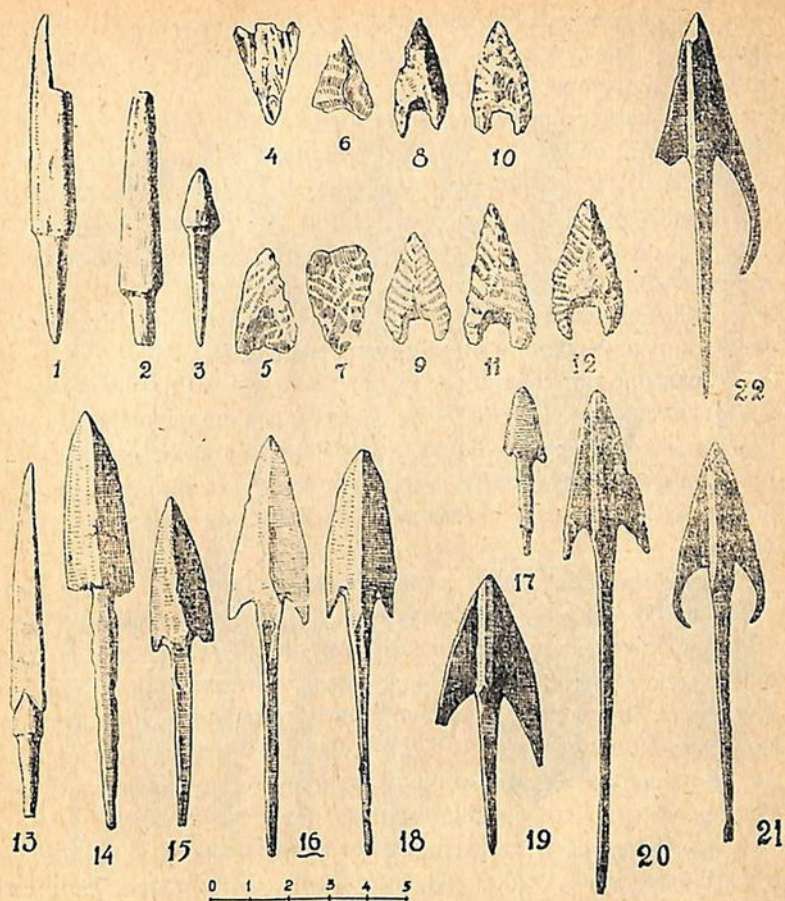

Табл. VII.

Бешташен—Сафар-Хараба¹⁰⁷, из Мингечаура¹⁰⁸. Кедабека¹⁰⁹ и Самтавро¹¹⁰.

Шестой тип образуют стрелы, имеющие в основном плоские наконечники с четко выступающим плоским или округлым срединным ребром и с длинным черенком.

¹⁰⁷ Б. А. Куфтиц, Арх. раскопки в Триалети, стр. 55, табл. X.

¹⁰⁸ С. М. Казиев, Арх. раскопки в Мингечауре, стр. 41; Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе, Древний Мингечаур, табл. XV, рис. 38.

¹⁰⁹ А. А. Ивановский, По Закавказью, стр. 110.

¹¹⁰ Г. А. Ломтатидзе, Арх. Раскопки в Мухета, табл. VI

Датируются они концом II—началом I тыс. до н. э. и также, как и стрелы пятого типа, известны из многих районов Армении и сопредельных стран.

В Армении они известны из Камо (табл. VIII, рис. 18, 19, 21; табл. IX, рис. 3—4, 8, 10), Степанавана, Мухана, Ленинакана (табл. VIII, рис. 20, табл. IX, рис. 9), Маймуджуга (табл. VIII, рис. 22), Ворнака (табл. IX, рис. 1), Норадуза, Толорса (табл. IX, рис. 2), Айриванка, Астхадзора, из Эчмиадзинского музея (табл. IX, рис. 5) и многих других мест¹¹¹.

Подобные стрелы известны также из Самтавро, Мингечаура, Дманиси, Мугани и ряда других мест¹¹².

Седьмой тип составляют довольно часто встречаемые в памятниках Армении и в сопредельных странах стрелы так называемого скифского типа, которые в основном делятся на два варианта: двухперые и трехгранные. Подобные стрелы в большом количестве известны из раскопок урартских крепостей.

Так, при раскопках Ариин-берда в большом количестве (свыше 100 шт.) были обнаружены бронзовые стрелы, большинство которых представлено трехгранными наконечниками ромбической формы без втулок, имеются также одиночные экземпляры двухперых наконечников и трехгранных со втулками и срезанными перьями¹¹³. Подобные стрелы известны также из раскопок Кармир-блур, где они обнаружены как в помещениях, так и у северо-западных ворот крепости¹¹⁴.

Наконечники рассматриваемого типа известны из Мусиери, Маймуджуга (табл. IX, рис. 7—8), Астхадзора, Ворнака (хр. в Эрмитаже), Ноемберяна, Дилижана (хр. в Дилижанском музее). Подобные стрелы известны также из Кедабека,

¹¹¹ А. А. Мартиросян, О древнем поселении около Ленинакана, стр. 88; А. О. Минацаканян, Находки предметов бронзового века в селении Толорсе, КСИИМК, 54, стр. 10; Т. С. Хачатрян, Раскопки в Айриванке, Изв. АН АрмССР, № 12, 1957, стр. 93.

¹¹² В. Рубцов, Предметы древности в хранилище об-ва любителей казказской археологии, табл. II; Г. Ниорадзе, Дманийский некрополь, В. М. Г. XIV—В, рис. 8 и 27; Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе, ук. соч., табл. XV, рис. 2, 10, 16.

¹¹³ К. Л. Оганесян, Ариин-берд, I, стр. 8;

¹¹⁴ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, стр. 85; Кармир-блур, II, стр. 9, 14, 16; Кармир-блур, III, стр. 41.

Ленкорани, Самтавро, Цицамури, Казаха, Бешташена и ряда других мест за пределами Кавказа¹¹⁵. Датируются указанные стрелы IX—IV вв. до н. э.

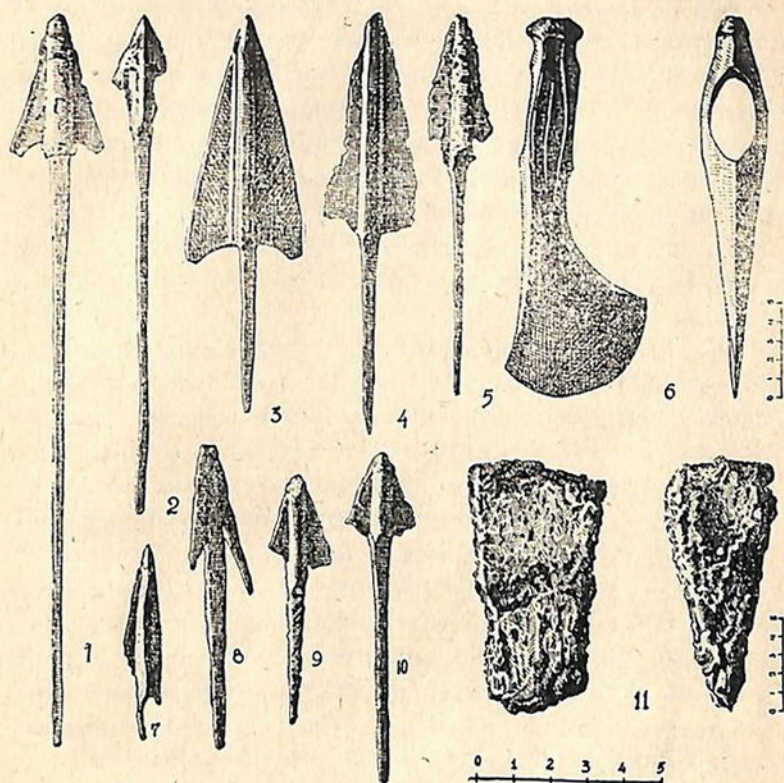

Табл. IX.

Уже самые ранние стрелы, обнаруженные из раскопок в Армении, показывают их большое разнообразие. Так, энеолитические памятники (Шенгавит, Кюль-тапа) дают два типа выемчатых и черенковых стрел, с многочисленными вариантами, которые имеют соответствующие аналоги в других областях Закавказья и Северного Кавказа.

¹¹⁵ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 247; Г. И. Ионин, Мингечаурская разновидность наконечников скифского типа, Мат. культуры Азербайджана, III, стр. 91; А. А. Ивановский, ук. соч., рис. 35, 36; Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 247; Вырубов, ук. соч. табл. I, рис. 12; Б. А. Куфтин, Триалети, рис. 41; Нариманов, Арх. раскопки на пос. холма Сары-тепе, Изв. АН АзССР, 1959, № 2, стр. 42, табл. V.

Каменные наконечники из энеолитических поселений легли в основу стрел из более поздних памятников. В эпоху бронзы, благодаря свойству металла принимать при отливке любые формы, появляются новые стрелы весьма разнообразных типов. Однако как каменные, так и металлические наконечники (кость почти исчезает) в основном делятся на две характерные группы черенковых и с выемчатым основанием стрел. Втульчатые стрелы, как правило, отсутствуют (за исключением небольшой группы так называемых скифских стрел). Особенно большого разнообразия стрелы достигают со второй половины II тыс. до н. э., что, на наш взгляд, связано с общим развитием военного дела и частыми войнами между племенами.

С появлением Урартского государства и регулярной армии, а также защитного снаряжения, роль лука и стрел несколько уменьшается (хотя они по-прежнему являются одним из основных видов оружия) и они становятся вооружением легкой пехоты. Тяжело вооруженные воины лук применяют редко и то, судя по изображениям, в основном при штурмах крепостей, прикрывая стрельбой легкую пехоту.

С начала I тыс. до н. э. (хотя почти все типы стрел сохранились) четко выделяется группа бронзовых и железных стрел, отличающихся своим массивным наконечником и длинным черенком, что характерно для вооружения как Урарту, так и местных племен. Подобное строение, придающее стрелам большую пробойную силу, способствовало борьбе против тяжело вооруженных воинов.

После падения Урарту в раннеармянских памятниках в основном встречаются железные стрелы, несколько отличающиеся по своим формам от ранних образцов.

БУЛАВЫ

Одним из простых и древнейших видов оружия является булава, развившаяся из простой дубины с утолщенным концом. Прототип древнейших деревянных булав в памятниках Передней Азии не сохранился. Но в древнеегипетских изображениях можно найти эту форму вооружения царской охраны, держащей дубинки, которые в эпоху Рамзеса III уже снабже-

ны металлическими выступами¹¹⁶. Булава имеет очень широкий ареал, включая территорию Европы и Азии, где она бытует до средневековья. Памятники Передней Азии (в том числе и Армянского нагорья) и сопредельных стран дают материал, позволяющий проследить появление древнейших форм каменных, а затем и металлических булав. Необходимо указать, что почти все основные формы булав, встречаемые в камне, и металлические, благодаря возможности металла принимать при отливке любую форму, лишь развивают и придают роскошный вид указанным формам. По всей вероятности, по этой причине булавы иногда стали играть роль символа.

Древнейшие булавы Армении происходят из Шенгавитского поселения¹¹⁷, где они встречаются в трех типах.

Первый тип. Шаровидные булавы.

Из раскопок Шенгавита известны две половинки булав указанной формы: одна изготовлена из черного базальта, имеет форму чуть приплюснутого шара, диаметром 6 см x x 4 см. Конусообразно просверленное отверстие рукояти в нижней части имеет диаметр 2,5 см, в верхней—2,1 см.

Вторая шаровидная булава встречена также в сломанном виде (табл. X, рис. 2) и представляет собой аналогичную булаву из белого мрамора, отличающуюся лишь по размерам. Диаметр 6,5 см x x 4,5 см, с диаметром отверстия рукояти 2 см x x 1,5 см. Подобную же форму имеет третья булава, найденная в недосверленном виде.

Шаровидные булавы известны также из бывшей коллекции Эчмиадзинского музея (табл. X, рис. 1), Кировакана, Двина.

Совершенно аналогичные шенгавитским каменные булавы происходят из Нахичеванского Кюль-тапа¹¹⁸.

Шаровидные булавы известны также из курганов древне-бронзовой эпохи в Триалети¹¹⁹, из энеолитических погребений

¹¹⁶ Н. Воннет, ук. соч., рис. 1.

¹¹⁷ Б. Б. Пиотровский, *Арх. Закавказья*, стр. 33; Б. Б. Потровский, *Поселения медного века в Армении*, стр. 174.

¹¹⁸ О. А. Абибулаев, *Раскопки холма Кюль-тапа в 1955 г.*, стр. 440, рис. 74.

¹¹⁹ Б. А. Куфтин, *Арх. Раскопки в Триалети*, стр. 101, табл. СХV.

Тквиави¹²⁰ и Нули (Осетия)¹²¹, из энеолитического слоя холма Наохваму в Колхиде¹²², а также из энеолитических могил близ Степанакерта, где были найдены две шаровидные булавы, одна из мраморизованного известняка, другая—из магнетита¹²³, Хаченагетских погребений № 2 и 4¹²⁴, из раскопок Узерлик-тепе¹²⁵, Мингечаура¹²⁶, а также из Астрахан-базарского могильника¹²⁷.

Шаровидные каменные булавы на Северном Кавказе известны по более поздним памятникам (Фаскау, Рутха, из Грозненской области),¹²⁸ а также из Калшитского и Великентского поселений¹²⁹.

Каменные булавы широко известны из энеолитических слоев таких памятников Передней Азии, как Тепе-Гиссар, Тепе-Сиялк, Шах-тепе, Алишар, Аладжа и др.¹³⁰, датируемых концом III тыс. до н. э.

Форма каменных шаровидных булав переходит также на металлическую. Так, бронзовые шаровидные булавы, повторяющие форму архаичных каменных, встречаются в Лчашене;

¹²⁰ С. И. Макалатия, Арх. раскопки курганных погребений в селе Тквиави, стр. 30, рис. 28.

¹²¹ Б. А. Куфтин, Арх. маршрутная экспедиция, стр. 33, табл. XIX.

¹²² Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, т. II, табл. 53.

¹²³ Я. И. Гуммель, Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана, стр. 18, рис. 8, 9—10; К. Х. Кушнарёва, Памятники медного века в Нагорном Карабахе, стр. 170.

¹²⁴ К. Х. Кушнарёва, ук. соч., там же.

¹²⁵ К. Х. Кушнарёва, Раскопки на холме Узерлик-тепе около Агдама, КСИИМК, вып. 69, стр. 132.

¹²⁶ Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе, Древний Мингечаур, стр. 31, табл. X, 10—14.

¹²⁷ И. М. Джафарзаде, Элементы арх. культуры, стр. 39, рис. 4.

¹²⁸ Е. И. Крупнов, Материалы по археологии Сев. Осетии докобанского периода, М И А 23, стр. 44, рис. 3.

¹²⁹ А. П. Круглов, Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., М И А 68, стр. 24, рис. 34; Р. М. Мунчаев, Древнейшая культура Северо-восточного Кавказа, М И А, 100, стр. 66; Р. М. Мунчаев, Калкетское поселение и проблема Кавказского энеолита, С. А. 1955, стр. 9.

¹³⁰ E. Schmidt, Excavations at Tepe-Hissar, the museum journal, XII 1933; E. Schmidt, Anatolia through the ages, Discoveries at the Alischar mound 1927—1929, Chicago, 1931, стр. 93, рис. 138; R. Ghirshman, Fouilles de Sialk pres de Kashan, II, Paris, 1939, Pl. XIII, 4, 5, Pl. XIII, 1; H. Kosay, Ausgrabungen von Alaca Höyük, Ankara, 1944, стр. 145, табл. CVIII.

причем здесь имеется два варианта, I несколько приплюснутый и II с небольшой шейкой-выступом.

Подобные булавы найдены в Камо (табл. X, рис 3), Димаце (хр. в Кироваканском музее, 2 экземпляра), Степанаване¹³¹ и в Джархече (Эрмитаж, 17936)¹³². Джархечская булава отличается от рассмотренных наличием на боках спиралевидного орнамента, выполненного инкрустацией, имитирующей выступы. Шаровидная булава, повторяющая форму вышеуказанной лчашенской булавы № 2 и отличающаяся лишь наличием круглого отверстия рукояти и размерами, происходит из Кармир-блур¹³³. Аналогичные булавы происходят также из Триаleti¹³⁴ и Калху¹³⁵.

Второй тип. Грушевидные булавы.

Древнейшая булава рассматриваемого типа происходит из раскопок Шенгавитского поселения, где была обнаружена булава из сероватого базальта с недосверленным отверстием с диаметром 6 см, х 5 см.

Замечательная грушевидная булава из сероватого базальта известна из коллекции бывшего Эчмиадзинского музея (табл. X, рис. 5) (ГМА 766/622) высотой 6,6 см, диаметром 5,6 см. В нижней части имеет небольшой выступ-шейку (высота шейки 0,5 см.), в центре которой просверлено отверстие диаметром в нижней части 1,9 см, в верхней—1 см. Отверстие просверлено не прямо вертикально, а несколько вкось.

Гематитовые грушевидные булавы известны из Триаleti¹³⁶, Кармир-Ванка¹³⁷, Каякентского, Великентского поселений¹³⁸ и манасских курганов¹³⁹.

¹³¹ Т. Хачатрян, Каменные ящики Степанавана, Труды ГМА, т. 5, стр. 108; М. Я. Сагатов, Арх. находки в урочище Джалалоглы, Изв. Кавказского отделения Московского археологического общ., т. 1, тб. 1901, стр. 52.

¹³² А. А. Мартиросян, Арх. раскопки в Кировакане, стр. 69—70.

¹³³ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 16—17.

¹³⁴ Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триаleti, стр. 68, т. XV и XIX.

¹³⁵ Н. Д. Флиттнер, Культура и искусство Двуречья, стр. 255.

¹³⁶ Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триаleti, стр. 101, табл. CXV.

¹³⁷ Б. Б. Пиотровский, Арх. Закавказья, стр. 48.

¹³⁸ А. П. Круглов, Северо-восточный Кавказ, стр. 24; Р. М. Мунчаев, Древнейшая культура Сев.-Восточного Кавказа, стр. 66.

¹³⁹ К. Ф. Смирнов, Арх. исследования в Дагестане в 1948—1950 гг., КСИИМК, вып. XV, стр. 86, рис. 36,5.

Форма каменных грушевидных булав переходит на бронзовые. Грушевидная булава с вытянутой нижней частью, образующей полую шейку с прорезным краем для вдевания на рукоять, происходит из Лчашена. На боках они снабжаются четырьмя круглыми небольшими выступами. Аналогичную форму имеет и другая булава из Лчашена¹⁴⁰, также снабженная четырьмя выступами и отличающаяся цилиндрическим по всей длине отверстием и наличием орнамента в виде ромба из двойных линий, окаймляющих выступы. Аналогичную форму имеет также булава из Артика, имеющая пять выступов и сквозное цилиндрическое отверстие¹⁴¹.

Такие же булавы с выступами в верхней части и гладкие, датируемые IX—VIII вв. до н. э., известны из Степанавана (табл. X, рис. 4), Алаверди (табл. X, рис. 6), Макарашена (в Кироваканском музее)¹⁴² и Камо¹⁴³.

Подобные же булавы известны из Триалети и Самтавро¹⁴⁴.

Каменные и бронзовые грушевидные булавы, датируемые последней четвертью II тыс. до н. э., известны из погребений № 6 Квасатальского могильника¹⁴⁵.

Каменные грушевидные булавы с несколько округлым туловом известны из могильников Северной Осетии (Фаскау, Рутха и др.). Они делятся, по определению Е. И. Крупнова, на четыре типа. Третий и четвертый типы близки к нашим грушевидным булавам¹⁴⁶.

Третий тип. Дисковидные булавы. Известны всего в нескольких экземплярах. Первая из них происходит из Шенгавита и представляет собой половину диска с цилиндрическим

¹⁴⁰ Раскопки А. О. Мнацаканяна. Булавы из Лчашена не опубликованы.

¹⁴¹ Т. С. Хачатрян, Мат. культура древнего Артика, стр. 59.

¹⁴² А. А. Мартиросян, Раскопки в Кировакане... стр. 69—70, р. 9.

¹⁴³ Б. И. Шашин, там же, рис. 117.

¹⁴⁴ Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триалети, стр. 74, рис. 81; Т. Н. Чубинишвили, Древнейшие археологические памятники Мцхета, стр. 119, табл. XVII; Р. М. Абрамашвили, ук. соч., табл. 1, р. 228.

¹⁴⁵ О. М. Джапаридзе, Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии (Цхинвали), КСИИМК, вып. 60, стр. 24, рис. 4, 1, 2.

¹⁴⁶ Е. И. Крупнов, Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода, стр. 44, рис. 9, 10.

отверстием в центре. К этой форме приближаются и другие булавы из Шенгавита, изготовленные из белого мрамора и сероватого базальта. Они имеют форму сильно приплюснутого шара, толщиной 3—4 см, диаметром 5—6 см.

Аналогичная по форме булава имеется в руке бронзовой статуэтки бога Тейшебы из раскопок Кармир-блур¹⁴⁷.

Четвертый тип. Ребристые булавы. В Государственном музее Армении хранится очень интересная булава из сероватого пористого базальта, имеющая форму слегка приплюснутого шара с пятью лепестковидными выступами, каждый шириной в 4 см. Диаметр 11 см, высота 8 см. Диаметр отверстия: нижний 5 см, верхний—4 см. Отверстие сверлилось с двух сторон и имеет вид сходящихся конусов (ГМА 564) (табл. X, рис. 7—8).

Указанная форма встречается и в бронзовых булавах, имеющих более ажурную форму. Так, шаровидная бронзовая булава, снабженная лепестковидными ребрами и центральной круглой втулкой цилиндрической формы, известна из Астхадзора. Диаметр 4 см, высота 5 см (табл. X, рис. 9).

Аналогичная булава известна из того же Севанского бассейна (раскопки Е. Лалаяна)¹⁴⁸.

Третий известный нам экземпляр бронзовой булавы, происходящий, по всей вероятности, из Армении, приобретен у Неверовского и хранится в Эрмитаже. Делать это предположение нас заставляет то обстоятельство, что нигде в Закавказье, кроме Армении, подобные булавы нам не известны. Диаметр 6 см, высота 6,5 см (Эрмитаж, К—312). Единственным, кроме размера, отличием от астхадзорского является то, что оба конца втулки выступают над булавой (у астхадзорской выступает только нижний конец).

Кроме четырех вышеуказанных типов булав, встречающихся в камне и металле, в памятниках Армении имеется еще несколько типов, встречающихся только в металле.

Пятый тип. Шиповидные булавы, представлены двумя экземплярами, происходящими из Камо¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, стр. 68—69, рис. 41.

¹⁴⁸ А. А. Мартиросян, Раскопки, в Кировакане... стр. 80.

¹⁴⁹ В. І. ш і ш і ш і ш, ук. соч., рис. 130.

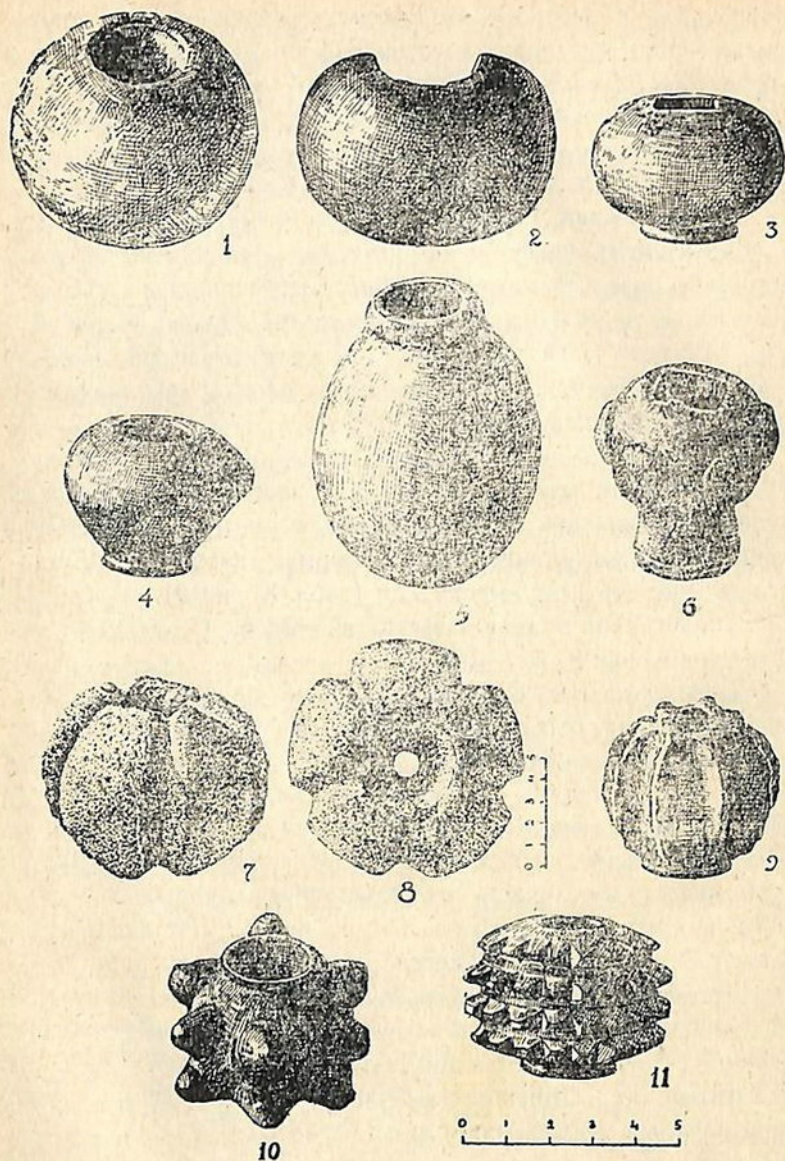

Табл. X.

Первая представляет собой короткий цилиндр с массивными стенками, от которого отходят в два параллельных ряда (с нижнего и верхнего краев) по шесть шиповидных выступов.

Через отверстие вдевается рукоять. Диаметр 5,5 см, высота 4 см. Диаметр отверстия: нижний—1,8 см, верхний—1,6 см, (табл. X, рис. 10).

Вторая булава имеет аналогичное строение, отличаясь количеством и расположением шипов. На рассматриваемой булаве имеется восемь шипов, из них четыре приподняты и выступают над нижним краем, четыре—над верхним.

Подобные булавы известны из богатого погребения близ села Корягино в Нагорном Карабахе¹⁵⁰.

Шестой тип. Булавы с лепестковидными выступами.

Представлен двумя булавами из Лчашена. Первая представляет собой грушевидную булаву с восьмью лепестковидными выступами в верхней части с аналогичными вырезами в центре каждого выступа. Шейка имеет ребристую форму и восемь ребер, являющихся продолжением указанных выступов. На каждой стороне ребра имеется по одному треугольному вырезу. Отверстие круглое, цилиндрическое, конец—четыреугольный. Диаметр 4 см, высота 5,3 см. Диаметр отверстия: нижний—1,6 см, верхний—1,3 см.

Вторая булава имеет шаровидную форму с цилиндрическим отверстием, снабженным небольшим выступом-шейкой. Верхний конец отверстия четырехугольный. От верхнего отверстия отходят вниз до середины булавы, прикрывая собой плечи, четыре лепестковидных широких выступа, снабженных посередине треугольными вырезами, которые создают впечатление раскрытого цветка. Диаметр 5 см, диаметр отверстия: нижний—1,6 см, верхний—1 см.

Аналогичные булавы, датируемые концом III тыс. до н. э. и отличающиеся наличием круглых прорезей вместо треугольных, происходят из Вавилона¹⁵¹.

Седьмой тип. Зубчатые булавы. Представлен одним экземпляром, происходящим из Базмаберта (Таллин), и имеет форму приплюснутого шара с чуть выступающей втулкой рукояти. Шар украшен чуть выступающими мелкими шипами—зубьями, расположенными в четыре ряда, создающими впечат-

¹⁵⁰ А. А. Ивановский, ук. соч., табл. 15, 1, 2.

¹⁵¹ H. Bonnet, ук. соч., рис. 5.

ление современной зубчатой шестерни. Диаметр 5,5 см, высота 3 см, диаметр втулки 2 см (табл. X, рис. II).

Булавы являются одним из древнейших видов оружия. Применение их в военном деле известно по древневосточным изображениям. Так, грушевидные булавы имеются в руках Нингирсу, изображенного на «Стеле коршунов», держащего в левой руке каменную булаву грушевидной формы. Каменные булавы являлись обычным оружием древнейшего Шумера и Аккада. Некоторые из них, как, например, булава царя Месилина, была украшена резьбой, изображающей животных.

Изображения воинов с булавами имеются также на обломке стелы, найденной в Лагаше¹⁵². Булава является также излюбленным оружием в Тепе-Гавра¹⁵³.

Булавы также широко применялись и в ассирийском войске. На вышеуказанных изображениях булавами в основном вооружены лучники. По всей вероятности, булавы, как и кинжалы, являлись самостоятельным оружием и с развитием военного дела стали личным оружием лучников, пращников, копьеносцев, а с появлением конницы—всадников, прибегавших к ее помощи в рукопашных схватках.

КИНЖАЛЫ

Развивавшееся в энеолитическую эпоху полукочевое, а затем и яйлажное скотоводство требовали для одиноких или немногочисленных пастухов надежного и негромоздкого оружия, оставлявшего свободными руки и при необходимости служившего эффективной защитой. Подобным оружием явился кинжал, небольшой по размеру, удобно носимый, служивший действенным оружием рукопашного боя и имеющий одновременно и хозяйственное значение (вырезывание дерева, свежевание туш и т. д.). Обнаруженные в Армении кинжалы делятся на следующие типы.

Первый тип. Хронологически первые кинжалы, обнаруженные на территории Армении, датируются последней чет-

¹⁵² Б. Б. Пиотровский, Военное дело Древнего Двуречья, стр. 112—115.

¹⁵³ Г. Чайлд, Древнейший Восток .. стр. 316.

вертью III тыс. до н. э. К ним относятся медный кинжал, обнаруженный в Лениакане (табл. XI, рис. 1), с чуть округлым в сечении треугольным клинком как бы с обрубленным концом. Клинок имеет округлые плечики и длинный язычок для насадки рукояти. Длина 26 см, длина клинка 20 см, ширина 5 см. Очень близки к лениаканскому кинжалы из Эларского могильника (4 экземпляра), отличаясь вытянутой формой и заостренным клинком¹⁵⁴.

Указанные формы кинжалов в несколько видоизмененном виде встречаются и в середине второй половины II тыс. до н. э. К ним примыкают два листовидных клинка из Артика с широким ромбическим в сечении клинком указанной формы и коротким плоским язычком.

Оба кинжала по своей форме архаичны, однако, по всей вероятности, являются пережиточной формой, так как сопровождающий их инвентарь, в частности керамика, относится к XIII—XII вв. до н. э.

Близок к указанным арктиским кинжал из Зейвы (Эчмиадзинского района), имеющий аналогичную форму, овальный в сечении клинок и плоский язычок. Длина 18 см, длина клинка 13 см, ширина 2 см. По сопровождающей керамике он, так же как и арктиский клинок, относится к XIII в. до н. э. Очевидно, к этой же эпохе относится аналогичный кинжал со сломанным острием из коллекции бывшего Эчмиадзинского музея (табл. XI рис. 3).

К этому же типу относится другой кинжал из Зейвы, обнаруженный вместе с вышеуказанным, имеющий форму узкого клинка с приподнятыми плечиками и узким язычком, снабженным отверстиями на плечиках и язычке, что сближает его с кинжалами второго и пятого типов.

Второй тип. К середине II тыс. до н. э. появляется второй тип кинжальных клинков, которые делятся на два варианта: подтреугольной и листовидной формы.

К первому варианту относится происходящий из Элара кинжал с овальным в сечении удлинненным клинком с покаты-

¹⁵⁴ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы... стр. 30, 36.
Է. Վ. Խանդավազյան, Մետաղաձուլության առաջին փուլերը Հայկական լեռնաշխարհում հնագույն բրոնզի դարաշրջանում, Պատմա-բանասիրական հանդես, 1963, № 3, 300:

ми плечиками, острым концом и коротким цельноотлитым язычком. Длина 18 см, длина клинка 15 см, ширина 3 см (табл. XI, рис. 4). Близок к указанному и клинок из Ангегакота, отличающийся лишь размерами и наличием отверстия на язычке. Длина 17 см, длина клинка 13 см, ширина 3,4 см. Оба клинка, по всей вероятности, необходимо отнести к концу половины II тыс. до н. э. К ним можно присоединить и кинжальный клинок из Артика, повторяющий их форму, но отличающийся размерами: длина 11,5 см, длина клинка 9 см, ширина 3,3 см. Артикский клинок, по-видимому, является пережиточным и датируется последней четвертью II тыс. до н. э. Подобные клинки известны из Чамбарака, Редкина Лагерь (Эрмитаж, 17960, раскопки Мурье), Мегри, Камо (хранится в музее гор. Камо). К рассматриваемому периоду относятся также два кинжала, несколько сближающиеся по форме клинка к артикскому. Один из них происходит из Армавира (табл. XI, рис. 5), имеет аналогичную форму, снабжен срединным ребром. В верхней части клинка имеются два отверстия для закрепления рукояти, длина 10,5 см, ширина 4 см. Близок к нему по форме аналогичный кинжал из Элара, отличающийся наличием короткого язычка с одним отверстием для закрепления рукояти. Длина 11 см, длина клинка 9 см, ширина 4 см. По своей форме он является связывающим звеном между двумя вариантами рассматриваемой группы. Датируются они, по всей вероятности, первой половиной II тыс. до н. э. По-видимому, к рассматриваемой группе относятся кинжалы из бывшего Эчмиадзинского музея (табл. XI, рис. 2), представляющие собой плоские подтреугольные клинки со слабо выраженным срединным ребром. Черенок представляет собой суженное продолжение клинка и имеет три парных выреза в верхней части. Длина 14,5 см, длина клинка 12 см, ширина 5 см.

Кинжальные клинки, аналогичные рассмотренным, особенно артикскому кинжалу, известны из хаченагетских курганов¹⁵⁵, Сачхери¹⁵⁶, Абхазии¹⁵⁷, а также в карабудах-кентских и

¹⁵⁵ К. Х. Кушнарёва, Памятники медного века в Н. Карабахе, С. А., XX, стр. 173.

¹⁵⁶ Б. А. Куфтин, Арх. маршрутная экспедиция, стр. 70—72.

¹⁵⁷ Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, т. I, табл. XXX, XXXII.

в одном из таркинских погребений в Дагестане¹⁵⁸, и в Степанакерте¹⁵⁹.

Второй вариант—листовидные кинжалы. К ним относится листовидный кинжал из Кировакана с округлым нижним концом. Верхняя часть суживается и имеет следы трех отверстий для закрепления рукояти. Клинок в средней части утолщен и, пока утончаясь, образует двустороннее лезвие, давая клинку в сечении ромбовидную форму. Рукоять, по всей вероятности, вдевалась на клинок и закреплялась гвоздями. Длина 22 см, длина клинка 15 см, ширина 5 см. Близок к рассмотренному кинжал из Горисского музея, представляющий собой аналогичный клинок, на верхнюю часть которого вдета треугольной формы деревянная рукоять, захватывающая одну треть клинка, закрепляемая тремя гвоздями, расположенными в трех сторонах рукояти. Длина кинжала 17 см, длина клинка 11 см, ширина 5 см. Кинжалы различаются размерами и у кироваканского клинка отверстия расположены в самой верхней части. Оба кинжала относятся к концу первой половины II тыс. до н. э., что подтверждается комплексом Кироваканского могильника (секира, копье и т. д.). Из Кировакана же происходит другой аналогичный кинжал, несколько отличающийся размерами (табл. XI, рис. 7). Длина 17 см, ширина 4,5 см. Судя по комплексу (мечи) относится к несколько позднему периоду (II в. до н. э.), хотя по своей форме тяготеет к вышеуказанным клинкам. Указанная форма кинжальных клинков бытует до конца II тыс. до н. э., хотя и несколько видоизменяется.

Рассматриваемая группа имеет также листовидные клинки с округлым острием; верхняя часть клинка несколько сужена и имеет два или три отверстия. Длина их колеблется от 17 до 35 см. Подобные кинжалы в Армении известны из Ленинакана, Камо (табл. XI, рис. 8), Редкина Лагерь.

Кинжалы, близкие по форме клинка и способу закрепления, известны еще с III тыс. до н. э. Они происходят из Шу-

¹⁵⁸ К. Ф. Смирнов, Арх. исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИМК, XV, стр. 85, рис. 35, Е. И. Крупнов, Арх. исследования в районе села Тарки, МИА № 23, стр. 255, рис. 14.4.

¹⁵⁹ Я. И. Гуммель, Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана, стр. 17, рис. 8, 1—2.

мера, Кипра¹⁶⁰ и Библа¹⁶¹. Более близкую аналогию находит указанный вариант кинжалов среди инвентаря Самтаврского могильника¹⁶², Триалети¹⁶³, а также в Квасатальском могильнике¹⁶⁴.

Третий тип. Кинжалы с трубчатой рукоятью. С XIII в. до н. э. в Армении появляется новый тип кинжалов с круглой рукоятью, который бытует всю эпоху бронзы и продолжает существовать в начале раннежелезного века.

Первые экземпляры указанного типа были обнаружены в Лчашене. Они делятся на три варианта.

Первый вариант составляют замечательные бронзовые цельноотлитые кинжалы с широким плоским треугольным лезвием, имеющим желобчатую поверхность. Клинок завершается крестовиной, от которой поднимается короткий полый ствол рукояти, завершающийся полушаровидным навершием (полая рукоять заполняется черной массой, которая имеется внутри всех литых предметов из Лчашена). На стволах кинжалов рассматриваемого типа замечается выпуклый орнамент в виде двойного кольца, что замечается и на рукоятках лчашенских мечей. Подобные кинжалы встречены в богато орнаментированных ножнах, сплошь покрытых прорезными треугольниками с ползущими по ним змеями. Длина подобных кинжалов достигает 50 см, длина клинка 36 см, ширина клинка 8 см (рис. 1).

Второй вариант, повторяя форму вышеописанных кинжалов (и ножен), отличается меньшим размером и узкой, несколько клиновидной формой клинка. Верхняя часть имеет покатые плечики, трубчатый ствол и круглое навершие с вписанным крестом, образованным из бронзовых пластин. Меж-

¹⁶⁰ Н. Bonnet, там же, рис. 19 (e, f);

¹⁶¹ Marcel Dunan *Fouilles de Byblos*, т. I, 1926, Paris, табл. CLXXXIX;

¹⁶² Т. Н. Чубинишвили, Древнейшие археологические памятники Мхета, табл. XVI; Т. Н. Чубинишвили, К истории культуры раннего этапа позднебронзовой эпохи—Мида-Картли. Автореферат; Т. Н. Чубинишвили, Самтаврское курганный погребение № 243, Материалы по археологии Грузии и Кавказа, т. I, табл. IV—V.

¹⁶³ Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триалети, табл. CV.

¹⁶⁴ О. М. Джапаридзе, Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии, КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 24, рис. 2.

ду сторонами креста помещены квадратные бронзовые пластины. Длина кинжала в ножнах 40 см, длина клинка в ножнах 30 см, ширина клинка 4 см. По всей вероятности, близок к указанному кинжал из Головино, имеющий узкий равномерно суживающийся клинок с двумя срединными ребрами, соеди-

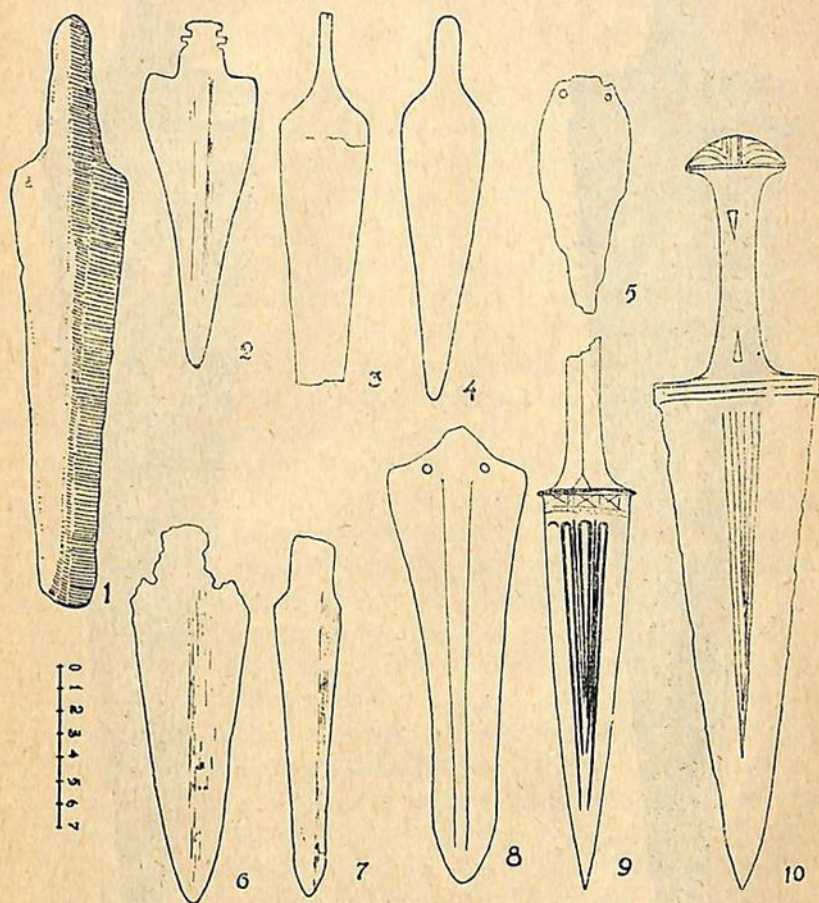

Табл. XI.

няющимися в нижней части. С наружных краев ребер имеются неглубокие желобки. Клинок в верхней части завершается ромбовидной пластиной, от которой отходит полая круглая рукоять, завершающаяся круглым навершием, орнаментированным шестисторонним крестом.

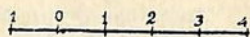
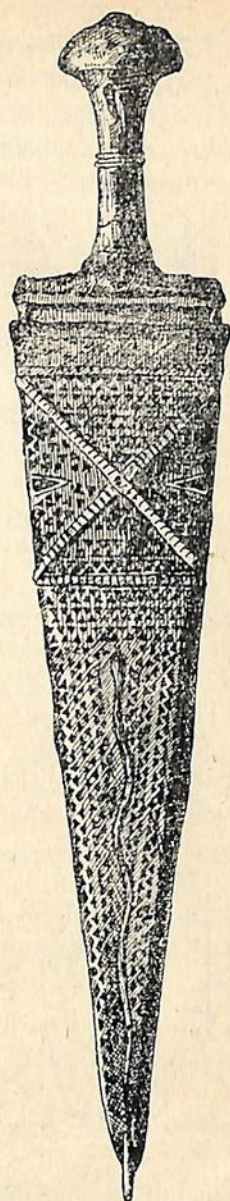

Рис. 1

Третий вариант представлен бронзовым кинжалом с широким, плоским, листовидным клинком с тремя срединными ребрами. Верхняя часть клинка завершается массивной плоской крестовиной, переходящей в круглый полый ствол с круглым навершием с вписанным крестом, образованным из широких пластин. Длина кинжала 36 см, длина клинка 22 см, ширина 6 см.

Кинжалы рассматриваемого типа сохраняют свою форму до конца II тыс. до н. э. Замечательным экземпляром подобного типа кинжалов является найденный в 1952 г. в 3-м кромлехе Айриванка кинжал (табл. XI, рис. 10) с плоским (слегка округлым) массивным, треугольной формы клинком с пятью углубленными полосами. Ствол круглый, в верхней и нижней части снабжен клиновидными вырезами и завершается круглым навершием с вписанным в него крестом, концы которого соединены друг с другом полукружьями. Клинок переходит к стволу посредством крестовины, украшенной линейным орнаментом, что несколько сближает его с мечом из Камо. Длина кинжала 32 см, длина клинка 23 см, ширина 7 см.

Рассматриваемого типа кинжалы, относящиеся к концу II тыс. до н. э., известны из Норадуза, Кедабека¹⁶⁵, Корнис¹⁶⁶.

Четвертый вариант близок к первому. Представлен цельноотлитым кинжалом из Артика с длинным треугольным, почти плоским клинком. Отличается он от указанного варианта наличием широкого массивного прямоугольного ребра, сходящего на нет у острия. Длина кинжала 33 см, длина клинка 21 см, ширина 3,5 см. Подобные клинки известны из персидского Талыша, где они датируются 1350—1200 гг. до н. э.¹⁶⁷

К указанному варианту относится бронзовый кинжал из Артика с треугольным острым клинком, с двумя четко выраженными срединными ребрами. Цельноотлитая рукоять соединяется с клинком посредством ромбовидной пластины, переходящей в полый ствол с закругленными в трубочку боковы-

¹⁶⁵ А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы... стр. 155; А. И. Ивановский, По Закавказью, погреб. 33, 69, 77, 78, 91, табл. III, рис. 3.

¹⁶⁶ Б. А. Куфтин, Арх. маршрутная экспедиция, стр. 27—28, таб. IX, рис. 2.

¹⁶⁷ Cl. Schaeffer, ук. соч., рис. 231 (2—3).

ми пластинами с помещенной деревянной закладкой. Рукоять завершается полушаровидным навершием со срезанным верхом и с шестью отверстиями в боковых стенках для закрепления гвоздями. Длина кинжала 31 см, длина клинка 20,3 см, ширина 4,5 см. Аналогичная рукоять клинка (618) известна из бывшего Эчмиадзинского музея. Она имеет на стволе кольцо, что сближает ее с лчашенскими клинками.

Пятый вариант представлен кинжалами из Артика, Джуджевана, Ворнака и ряда других мест.

Указанные кинжалы, повторяя форму арктического кинжала, отличаются от него размерами и наличием на клинке вместо ребра трех желобков, образованных тремя парными бороздками, верхние части которых соединены округлой выемкой. Указанные желобки, не доходя на 5 см до края, соединяются и образуют острие.

К рассматриваемому варианту относятся кинжальные клинки из бывшего Эчмиадзинского музея (табл. XI, рис. 9) и из Бжни.

Подобные кинжалы с составными (Джуджеван) и цельноотлитыми (Артик) рукоятями известны из Самтаврского могильника, где они датируются XIII—XII вв. до н. э., и из Кахети¹⁶⁸.

К четвертому типу относятся кинжальные клинки XII—XI вв. до н. э., имеющие почти аналогичный клинок с кинжалами третьего типа и отличающиеся от них плоской формой рукояти со свернутыми бортами. Подобная форма рукояти произошла от рамочных кинжальных клинков. Ранние экземпляры их в Армении не обнаружены, но имеются мечи с подобной рукоятью. Характерным для указанного типа является кинжал из Кироваканского музея, найденный в Димаце (рис. 2). Он имеет широкий плоский клинок с сливающимися в центре четырьмя желобками. Рукоять образована кованым полукруглым загибом бортов, захватывающим деревянные вставки. Длина кинжала 30 см, длина клинка 20 см, ширина 6 см. Кинжал снабжен ножами, аналогичными первому варианту

¹⁶⁸ Р. М. Абрамишвили, К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике, табл. I, рис. 200—202; К. И. Пицхелаури, Кинжал кахетинского типа, Материалы по археологии Грузии и Кавказа, т. II, стр. 37.

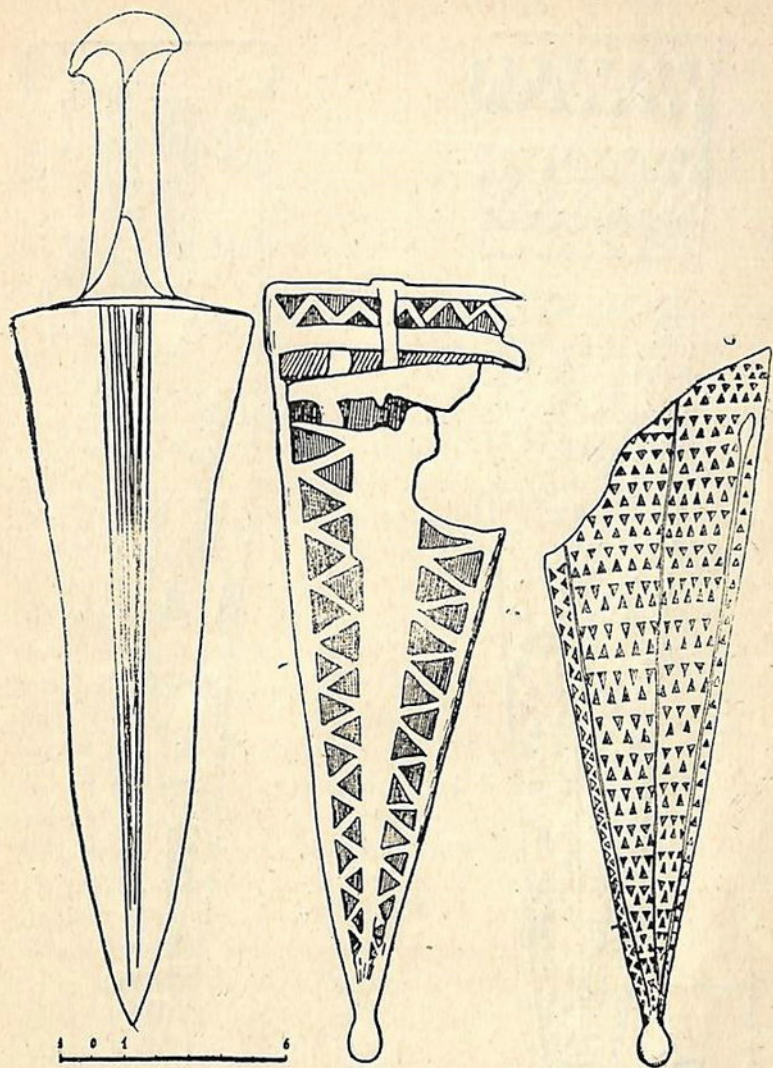

Рис. 2.

кинжалов третьего типа. Подобного типа кинжальный клинок известен из раскопок Ж. де Моргана в Алаверди¹⁶⁹ и из Баязета, ножи которого увенчаны фигуркой льва (рис. 3).

¹⁶⁹ J. de Morgan, ук. соч., стр. 32, рис. 36; баязетский экземпляр хранится в музее Грузии.

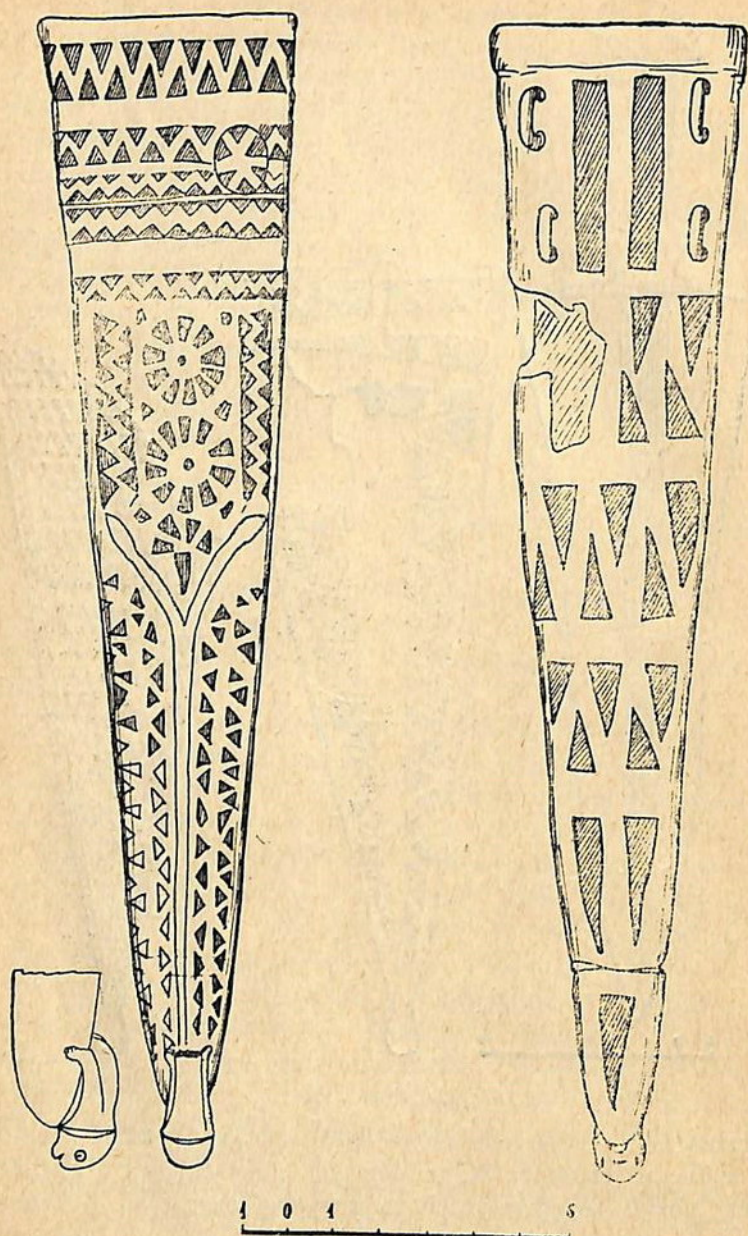

Рис. 3.

К рассматриваемому типу относится немногочисленная группа кинжальных клинков. Характерным для данной группы является цельноотлитый кинжал из Артика с узким треугольным клинком, со слегка приподнятыми плечиками, придающими клинку чуть вогнутую форму. Срединное ребро широкое, в верхней части повторяет форму клинка и доходит до острия. Рукоять кинжала повторяет форму рукояти кирово-канского кинжала. Подобные кинжалы известны из Головино (Хртаноц) (табл. XII, рис. 4), Дилижана (Дилижанский музей), Ханлара и Корниси¹⁷⁰.

Рассматриваемого типа клинки бытуют до начала IX в. до н. э. К указанной эпохе относится группа кинжалов из Зангезура (3 шт.) и Норадуза (1 экз.).

Характерным для этой группы является цельноотлитый кинжал из Норадуза (хр. в музее гор. Камо), имеющий узкий треугольный, чуть овальный в сечении клинок с овальным щитком в верхней части, от которого отходит слегка суженный в центре ствол рукояти, увенчанный ажурным колоколовидным навершием. Борта ствола слегка приподняты для закладывания вкладышей. На клинке чуть ниже рукояти отходят от краев к центру по две параллельные линии, которые, не доходя до центра, округло сворачивают к острию, образуя срединное ребро.

К сожалению, все указанные кинжалы (кроме Норадузского) обнаружены случайно и без сопровождающего инвентаря, что затрудняет их датировку. Однако учитывая, что норадузский клинок датируется VIII в. до н. э., можно датировку указанных кинжалов отнести к указанному времени. Подобная датировка подтверждается близким по форме кинжалом из Мугани, относящимся к указанному периоду¹⁷¹.

Подобные кинжалы известны также из Дилижана (табл. XII рис. 6), Редкина Лагера и Мингечаура¹⁷².

¹⁷⁰ Я. И. Гуммель, Погребальный курган № 1... табл. V; Б. А. Куфтин, Арх. маршрутная экспедиция... стр. 27—28, табл. IX, рис. 1.

¹⁷¹ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы... стр. 195; И. М. Джафарзаде, Элементы арх. культуры древней Мугани, рис. 2.

¹⁷² В. В. Рубов, Предметы древностей в хранилище обвалобителей Кавказской археологии, табл. III, № 3; Т. Пассеки Б. Латынин, Очерк до истории Сов. Азерб., рис. 20; Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионне, Древний Мингечаур, табл. XIII, рис. 4—5, 8—9.

Пятый тип. Кинжалы с рамочной рукоятью. Подобные кинжалы в археологической литературе носят название переднеазиатских и имеют, как увидим ниже, довольно широкий ареал распространения. Основной характерной чертой этих кинжалов являются рукояти, имеющие плоскую форму с выступающими бортами для закладки вкладышей. Подобный тип клинков появляется на Древнем Востоке с начала II тыс. и бытует до конца VIII в. до н. э.

Указанные кинжалы бытуют в Армении в XV—VIII вв. до н. э. и известны в небольшом количестве. Первый кинжал рассматриваемого типа, датируемый серединой II тыс. до н. э., происходит из Кармир-Ванка. Представляет собой овальный в сечении клинок с срединным ребром и рамочной рукоятью. Кинжаловые клинки с подобной рукоятью известны из Лчашена, откуда происходит цельноотлитый кинжал с овальным в сечении узким клинком и рамочной рукоятью, верхняя часть которой открыта. На клинке в верхней части расположены уступом три коротких параллельных желобка, оконтуренных маленькими углублениями, по два с верхней и нижней стороны. Длина кинжала 30 см, длина клинка 23 см, ширина 4 см. Кинжалы указанного типа известны и из бывшего Эчмиадзинского музея (два кинжала, табл. XII, рис. 1—2). Они повторяют форму вышеописанного клинка с той разницей, что на аналогичном клинке проходят два четко выступающих срединных ребра. Верхняя часть рукояти несколько расширена и окантурована выступающим бортом. Длина 40 см, длина клинка 28 см, ширина 4 см (у одного экземпляра сломан нижний конец).

По своей форме эчмиадзинские клинки не отличаются от ассирийских кинжалов времен Ашшурнасирпала II (884/3—859 гг.).¹⁷³ Из эчмиадзинской же коллекции (табл. XII, рис. 2) происходит рамочный кинжал, рукоять которого в отличие от известных кинжалов этого типа не имеет расширения в верхней части и углубления для вкладыша. Борты имитированы линиями. Длина кинжала 32 см, длина клинка 20 см. Кинжалы с подобной же рукоятью известны из Кировакан-

¹⁷³ А. А. Мартиросян, Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского периода, Изв. АН АрмССР, 1956, № 9, стр. 80.

ского музея, Мугани¹⁷⁴, Богви (Западная Грузия), села Галнат «Фаскау», Магино (Кахетия), Маджалис (Дагестан), Ага-Евлар (Персидский Талыш), из селений Кваса-тали и Гари (Грузия)¹⁷⁵. Подобный же кинжал, несколько отличный от вышеуказанных, известен из раскопок А. А. Иванова в Кедабеке¹⁷⁶. Указанное отличие заключается в том, что рукоять от клинка отделяет не прямая перемычка, как на других кинжалах, а глубоко рельефный незамкнутый круг—прием, характерный для вильчатых мечей. Указанный прием, как увидим ниже, служит еще одним доказательством нашего мнения, что рассмотренные клинки являются развитием и ответвлением вильчатых клинков. Кедабекский кинжал, обнаруженный в могиле 23 вместе с инвентарем, типичным для Ходжалы-Кедабекской культуры, относится к началу I тыс. до н. э. Близкий к кедабекскому кинжал известен из Персидского Талыша. Подобные же клинки, относящиеся к началу I тыс. до н. э., известны из Ашура и Газы¹⁷⁷. Они имели широкое распространение по всей Передней и Малой Азии, известны из Ассирии, Сирии и других областей.

Бонне датирует их временем XVIII династии и вторжения гидксосов в Египет (XVIII—XIV вв. до н. э.)¹⁷⁸. О. Монтелиус указанные кинжалы из Ассирии и Нимруда датирует XIV—XII вв. до н. э., Р. Дюссо кинжалы из Нихавенда (Иран) датирует 2000—1500 гг. до н. э., а из Рас-Шамры—XII в. до н. э. Иессен относит их к 1500—800 гг. до н. э. С. Пржеворский нижнюю границу доводит до 800-х гг. до н. э.¹⁷⁹. Наиболее вероят-

¹⁷⁴ И. М. Джафарзаде. Элементы арх. культуры, табл. V, рис. 2.

¹⁷⁵ А. А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди стр. 162—163, р. 27, карта VI; Е. И. Крупнов, Материалы по арх. Сев. Осетии докобанского периода, стр. 66, р. 25; Б. А. Куфтин, Арх. маршрутная эксп., стр. 223, т. IX и XXIX; ИАК, вып. 29, с. 11, р. 31.

¹⁷⁶ МАК VI, стр. 101, табл. VII, рис. 15.

¹⁷⁷ Cl. Schaeffer, ук. соч., табл. 231 (I); H. Bonnet, ук. соч., рис. 9; Helmut T. H. Bossert, ук. соч., рис. 1191.

¹⁷⁸ H. Bonnet, ук. соч., стр. 65, рис. 24.

¹⁷⁹ Oscar Montelius, Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord. Deutschland und Skandinavien, Braunschweig, 1900, стр. 137—138, рис. 339; „The British museum Quarterly“, IV, 1929, стр. 4, табл. IV-B. А. А. Иессен, там же, стр. 162—163; S. Przeworski, Altorientalische Altertümer in Skandinavischen Sammlungen ESA, 1936, стр. 120—121, рис. 37.

ной датировкой появления кинжалов и мечей рассматриваемого типа в Армении, нам кажется, необходимо считать XV—X вв. до н. э. Подтверждением такой датировки служит появление в комплексе арктических могильников XIII—XII вв. мечей с рамочной рукоятью (см. ниже). Необходимо указать, что в специальной литературе существует мнение о ввозе указанных кинжалов из переднеазиатских стран¹⁸⁰. В настоящее время трудно точно указать время и место происхождения настоящих кинжалов, но уже можно бесспорно утверждать, что Армения является одним из очагов их производства. Дополнительно можно указать, что наличие в лчашенских курганах вышеописанного кинжала рамочной системы, тесно связываемого с остальным комплексом даже по способу литья, доказывает их местное происхождение. Области Северного Кавказа, по всей вероятности, подобные мечи ввозили через Армению.

В рассматриваемую эпоху в Армении (Камо, табл. XII, рис. 5) применялся и другой вариант цельноотлитого кинжала, встречаемый в сравнительно малом количестве, который мы условно причисляем к рассматриваемому типу. Он представляет собой массивный, длинный, узкий, равномерно суживающийся клинок. Средняя часть клинка резко суживается, образуя острие. Рукоять представляет собой квадратный ствол, в верхней части которого с двух сторон имеются глубокие выемки для закладывания вкладышей. Рукоять завершается полусферической головкой, украшенной тремя выпуклыми линиями.

Аналогичный кинжал происходит из Персидского Талыша, отличаясь лишь отсутствием резкой суженности в конце клинка. Датировается 1450—1360 гг. до н. э.

Близок к нашим кинжалам по форме рукояти и особенно крестовины кинжал из Шагула-Дера, датируемый 1350—1200 гг.¹⁸¹ до н. э.

По всей вероятности, и наши кинжалы датируются последней четвертью второго тысячелетия.

¹⁸⁰ А. А. Иессен, ук. соч., стр. 112; Е. И. Крупнов, ук. соч., стр. 66—63.

¹⁸¹ Cl. Schaeffer, ук. соч., рис. X(5), 231(2), 219(1), 227, 217.

К рамочным относятся также два кинжала из Кафана (табл. XII, рис. 7) и Мегри, которые, повторяя форму норадузского кинжала IV типа, отличаются от них рамочной формой рукояти, снабженной колоколовидным навершием. Указанные кинжалы датируются, по всей вероятности, VIII—VII вв. до н. э.

Шестой тип. В начале первого тыс. до н. э. на территории Армении появляется новый тип кинжальных клинков с многочисленными вариантами. Указанный тип в археологической литературе носит также название кинжалов севанского типа и представляет собой небольшие цельноотлитые кинжалы с закругленным или заостренным клинком и язычком для насадки рукояти. В большинстве случаев на клинках сохраняется бронзовая ажурная обойма для закрепления деревянных рукоятей, завершающихся, как правило, ажурным же навершием весьма разнообразной формы, отлитым по восковой модели. В отличие от предыдущих типов рассматриваемые кинжалы встречаются в массовом количестве, что, на наш взгляд, объясняется развитием литейного производства, способным выделывать оружие в количестве, удовлетворяющем растущие требования армии. Массовость их объясняется легкостью его отливки по сравнению с вышеуказанными типами.

Указанные кинжалы, на наш взгляд, являются возрождением кинжальных клинков первого типа, бытовавших до XII—XI вв. до н. э. Утверждением такого мнения служит вышеописанный клинок из Зейвы, обнаруженный с характерной для XIII—XII вв. до н. э. керамикой и приближающийся по форме к кинжалам первого и шестого типов, но носящий на себе элементы второго типа (отверстия на плечиках). Указанные кинжалы, грубо схематизируя по внешним признакам, можно разделить на четыре варианта.

К первому варианту относятся кинжалы рассматриваемого типа, имеющие ромбовидный и овальный в сечении клинок с округлым или заостренным концом и широким округлым или узким прямоугольным язычком для насадки рукояти. Некоторые из них имеют приподнятые плечики, как и кинжал из Зейвы. Кинжалы первого варианта составляют самую большую

ларе, Шуше, Кедабеке, Арчадзоре, Мугани, Триалети, Самтавро¹⁸⁸.

Второй вариант, повторяя форму вышеописанных кинжалов первого варианта, отличается наличием в верхней части клинка плоской полоски, являющейся продолжением язычка. Подобные кинжалы известны из Астхадзора (табл. XIII, рис. 6), Камо (табл. XIII, рис. 5) и из села Ацарат того же района, Парни, Ленинанканского района (табл. XIII, рис. 3). Длина их колеблется от 20 до 28 см, ширина от 2,5 до 4 см.

Подобные кинжалы известны также из Шушинского района, Мингечаура, Кедабека, Мугани¹⁸⁹.

Третий вариант представляет аналогичный второму варианту кинжал с массивным выпуклым треугольным средним ребром. Подобные кинжалы происходят из Камо (табл. XIII, рис. 7—8), Гориса и Кировакана. Последний на язычке имеет два четырехугольных ажурных кольца для закрепления рукояти. Длина их колеблется от 21,5 до 29 см, ширина от 1,8 до 4,5 см. Подобные кинжалы встречаются в Мингечауре, Кедабеке, Дагестане¹⁹⁰.

Четвертый вариант представлен двумя кинжалами из Золакара с овальным в сечении клинком, снабженным по всей длине узким прямоугольным четко выступающим ребром. Длина 16—26 см, ширина 3—4 см. Эти кинжалы, насколько нам известно, не имеют аналогий.

¹⁸⁸ Г. М. Асланов, Р. И. Вандов, Г. И. Ионе, Древний Мингечаур, стр. 78, табл. XIV, 1—3; Вырубов, ук. соч., табл. III, № 2; Я. И. Гуммель, Погребальный курган, табл. V, эксп. 14; Т. Пассеки Б. Латынин, ук. соч., рис. 8; Ивановский МАК VI, табл. III, 1, 2, 4, 6. А. А. Иессен, К вопросу о древней металлургии, рис. 24,4; Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триалети, рис. 71; Джафарзаде, ук. соч., рис. 2; Р. М. Абрамшвили, ук. соч., табл. I, рис. 7, 140; Т. Пассеки Б. Латынин, ук. соч., рис. 8, 12; Х. Кушнарева, ук. соч., рис. 7 (5, 6).

¹⁸⁹ Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе, ук. соч., рис. 40, табл. XIV, рис. 12, 14; А. А. Ивановский, ук. соч., табл. III, рис. 10—12; И. М. Джафарзаде, ук. соч.

¹⁹⁰ Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе, ук. соч., стр. 78, табл. XIV; Р. М. Вандов, Арх. работы в Мингечауре в 1950 г., КСИИМК, вып. XVI, 1952, стр. 88, рис. 23/14; А. А. Ивановский, ук. соч., табл. III, рис. 13; П. П. Круглов, Северо-восточный Кавказ в II—I тыс. до н. э., МИА 68, стр. 74, рис. 18/7;

Рассмотренный тип кинжальных клинков бытует сравнительно недолго и IX—VIII вв. до н. э. заменяется железными кинжалами аналогичной формы, снабженными бронзовыми обоймами и навершиями. Указанные железные клинки повторяют форму бронзовых, относясь к вышеуказанным первому и второму вариантам.

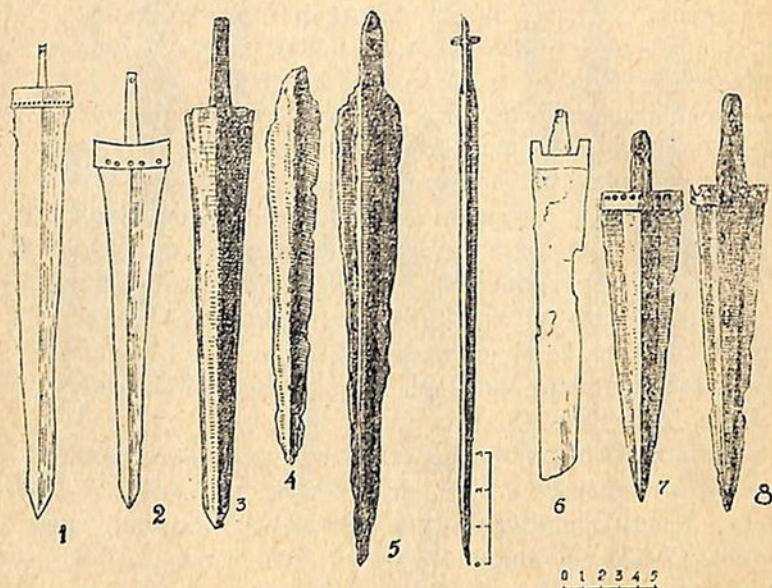

Табл. XIII

К первому варианту бронзовых клинков относятся железные кинжалы из Камо (табл. XIII, рис. 4), Макарашена (хр. в Кироваканском музее)¹⁹¹, Ворнака (отдел Востока, Эрмитаж), Ленинакана, Джархеча.

Подобные кинжалы встречены в Триалети (Б. А. Куфтин считает их очевидным дериватом бронзовых кинжалов Севанского плоскогорья)¹⁹².

Седьмой тип. С VII в. до н. э. появляется новый тип, именуемый в специальной литературе лалварским типом. Подобные кинжалы, обнаружены в Ахтале, Алаверди, Хртаноце

¹⁹¹ А. А. Мартиросян, Раскопки в Кировакане ... стр. 62, рис. 4.

¹⁹² Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триалети, стр. 58, рис. 54, 55.

и др. районах Армении, характерны, в отличие от оружия ранних эпох, сильным разнообразием клинков и еще не поддаются строгой классификации¹⁹³.

Таким образом, с III тысячелетия до н. э. появляется новый вид оружия—кинжал, удобное и действенное оружие. Кинжалы, обнаруженные в Армении, по грубой схематизации делятся на семь типов, каждый из которых имеет многочисленные варианты. Наиболее постоянным являются кинжалы первого типа, которые бытуют с III тыс. до н. э. до XII—XI вв. до н. э. и, несколько видоизменившись, образуют шестой тип, известный под названием севанского.

К середине II тысячелетия до н. э. появляется новый тип кинжальных клинков, подтреугольной и листовидной формы, что было обусловлено приданием большей крепости клинку. Под влиянием переднеазиатской культуры в это же время в Армении появляются кинжалы с рамочной рукоятью.

С XIV в. до н. э. появляются кинжалы с трубчатой рукоятью, бытующие до раннежелезного века. На основе кинжалов с рамочной и трубчатой рукоятью появляются кинжалы, имеющие плоскую рукоять со свернутыми бортами—прием, наблюдаемый и на мечах. Подавляющее большинство вышеуказанных кинжалов специально отливалось, что было характерно для эпохи поздней бронзы.

С начала тысячелетия, в связи с появлением многочисленных армий, появляется массовая потребность в простом и прочном оружии. Именно в это время появляются железные мечи, топоры, копья и, как указали выше, кинжалы шестого типа, являющиеся возрождением кинжальных клинков первого типа.

М Е Ч И

Со второй половины II тыс. в связи с развитием военного дела на Армянском нагорье появляется новое оружие—меч. более эффективное для ведения ближнего боя. Мечи развиваются на основе кинжалов, принявших более удлиненную форму (иногда даже трудно отличить длинные кинжалы от меча), чему способствовали также импортные мечи—рапиры. Появ-

¹⁹³ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головинно, стр. 20.

лению мечей, по всей вероятности, способствовало также развившееся металлургическое производство на базе местных меднорудных залежей.

Археологическими раскопками и случайными находками на территории Армении и Закавказья обнаружено несколько десятков мечей, которые принято было делить на четыре типа¹⁹⁴.

Однако обнаружение нового материала из памятников Армении позволяет в настоящее время уточнить вышеуказанную типологию и предложить деление мечей из Армении на следующие типы, которые имеют свои варианты:

первый тип—мечи с вильчатой рукоятью;

второй тип—цельноотлитые мечи с рамочной рукоятью;

третий тип—цельноотлитые мечи с круглой рукоятью.

Рапиры, как было указано выше, являются хронологически первыми мечами из числа известных на Армянском нагорье. Будучи импортными изделиями для стран Передней Азии и Закавказья, они не получили здесь широкого распространения и насчитываются единичными экземплярами. Немногочисленность их и отсутствие подобного типа оружия в местных памятниках заставляют нас не причислять рапиры к местным мечам, а выделить их как группу импортных изделий, не нашедших своего развития на Армянском нагорье и в сопредельных странах. Однако появление их и применение в указанных странах, по всей вероятности, сыграло определенную роль в превращении кинжалов в короткие мечи или удлиненные кинжалы, способствуя тем самым появлению мечей местных указанных типов¹⁹⁵.

Рапиры в Армении известны в двух экземплярах, причем найдены они без сопровождающего инвентаря, что затрудняет вопрос их датировки.

Первая из них происходит из Дзорагета (табл. XIV, рис. 1) и представляет собой рапиру с длинным узким клинком (длина 93 см, ширина в верхней части 6 см). Верхняя часть клин-

¹⁹⁴ К. Х. Кушнарева, Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе, СА XXVII, 1957, стр. 159—160.

¹⁹⁵ Т. Н. Чубинишвили, Древнейшие археологические памятники Мухета, стр. 122—123.

ка чуть округлена, образует покатые плечики. На всю длину клинка проходит сильно выступающее срединное ребро, придающее предмету крестовидное сечение. В верхней части клинка имеется язычок (сломанный) для прикрепления рукояти, имеющей в сохранившейся части 6 см, шириной 1,5 см. На сломанной части язычка сохранилась часть отверстия для гвоздя, закрепляющего рукоять. Клинок в нижней части резко суживается, образуя острие.

Вторая рапира найдена в Качагане и имеет такое же строение, несколько отличаясь лишь размерами и приподнятой формой плечиков. Длина 98 см, ширина клинка в верхней части 6 см, длина язычка 9 см, ширина 1,2 см. В верхней части язычка также имеется отверстие для закрепления рукояти. Рапиры дзорагетского типа известны из Ходжа-Дауд Кепрю (Талыш персидский)¹⁹⁶, а рапира Качаганского типа обнаружена в курганном погребении Самтавро¹⁹⁷.

На основании аналогии с рапирами Эгейского мира Т. Чубинишвили датирует указанные рапиры XVIII—XVI вв. до н. э. Б. А. Куфтин их относит к XV—XIV вв. до н. э. Датировка Б. А. Куфтина нам кажется более точной, так как и в самом Крито-Микенском мире, т. е. на родине их производства, указанные рапиры впервые встречаются в середине III среднеминойского периода и имеют длину до 1 метра. Их задний край округлен и имеет плоский язычок для прикрепления рукояти. Указанные мечи переходят и в I позднеминойский период, однако они несколько видоизменяются—покатые плечики несколько приподнимаются, и впоследствии в позднеминойский II период вытягиваются в горизонтальном направлении, вследствие чего эфес принимает крестообразную форму¹⁹⁸. Г. Чайлд указанные мечи считает развитием (удлинением) местных кинжальных клинков и датирует рапиры с по-

¹⁹⁶ C. I. Schaeffer, ук. соч., табл. IX.

¹⁹⁷ Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триалети, стр. 99; Т. Чубинишвили, ук. соч., стр. 122—123; Т. Чубинишвили, К истории культуры раннего этапа позднебронзовой эпохи Мида-Картли, автореферат, Тбилиси, 1954; Т. Чубинишвили, Самтаврское погребение № 243, материалы по арх. Грузии и Кавказа, т. 1, стр. 24.

¹⁹⁸ Д. Ш. Пендлбери, Археология Крита, стр. 184—185, 230.

катыми плечиками среднеминойским III периодом, а рапиры с приподнятыми плечиками—позднеминойским I периодом, т. е. соответственно 1700 и 1550 гг. до н. э.¹⁹⁹.

По всей вероятности, импорт подобных рапир в страны Переднеазиатского мира начал проникать не ранее XV в. до н. э., тем более что сами рапиры второго типа происходят лишь во второй половине XVI в. до н. э. и, следовательно, появление их в Закавказье следует считать с XV в. до н. э., как и в восточных Альпах²⁰⁰.

Такая датировка нам кажется тем более вероятной, что вышеуказанную рапиру из Талыша Шеффер также датирует 1550—1450 гг. до н. э.²⁰¹.

Первый тип. Мечи с вильчатой рукоятью. Наиболее ранними типами мечей местного производства на Армянском нагорье являются лчашенские мечи²⁰².

Обнаружение их из такого твердо датированного памятника XIV—XII вв. до н. э., как Лчашен, помогает уточнить время происхождения не только оружия из указанного комплекса, а также многих других случайных находок.

К рассматриваемому типу мечей относятся бронзовый меч из кургана 10 (табл. XIV, рис. 2) с удлинненным, равномерно суживающимся, овальным в сечении клинком. По середине клинка проходят два четко выступающих срединных ребра, которые, не доходя на 3 см до острия, сливаются в одну линию.

Круглый стержень рукояти имеет вертикальные на всю длину вырезы для закладывания деревянной инкрустации и завершается круглым плоским навершием с углублением также для закладки инкрустации. По диаметру навершия проходит узкая бронзовая пластинка. Рукоять имеет вильчатое основание, с двух сторон заходящее и плотно охватывающее клинок меча. Нижние края плеч полукруглые и острыми кон-

¹⁹⁹ Гордон Чайлд, У истоков европейской цивилизации, стр. 58, рис. 14.

²⁰⁰ Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 99; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы... стр. 71.

²⁰¹ C. I. Schaeffer, ук. соч., стр. 418, табл. IX.

²⁰² А. О. Мнацаканян, Основные этапы развития материальной культуры Лчашена, Историко-филологический журнал АН АрмССР, № 2, 1965, табл. I.

цами доходят до срединных ребер клинка и сливаются с ним. Длина меча 58 см, длина клинка 48 см, ширина клинка у рукояти 4,5 см.

По своей форме близок к вышеописанному мечу из кургана № 1²⁰³. Повторяя по форме клинок вышерассмотренного меча, он отличается формой рукояти и размерами. Отдельно отлитая рукоять круглой в сечении формы образована из вильчатого основания, ажурного слегка суженного в центре ствола и круглого навершия, аналогичного навершию вышерассмотренного меча, с той лишь разницей, что в навершие вписан крест. В суженной части ствола рукояти надето кольцо. Плечики основания рукояти не заходят на клинок, а с двух сторон плотно охватывают его. Длина меча 52 см, длина клинка 44 см, ширина клинка у рукояти 4 см.

Совершенно аналогичный меч происходит и из погребения № 5.

Меч, аналогичный мечу из погребения № 10 и лишь несколько отличающийся формой стержня и навершия, происходит из Персидского Талыша и датируется 1450—1350 гг.²⁰⁴

Близок к лчашенским мечам по форме рукояти и меч из Ленкорани, имеющий аналогичный эфес с характерным кольцом в центре ствола и вильчатыми плечиками, которые напоминают меч из кургана 10 закруглены и доходят до центра клинка; датируется 1450—1200 гг. до н. э.²⁰⁵

К рассматриваемой эпохе, очевидно, относится меч из Эчмиадзинского музея (табл. XIV, рис. 3), представляющий собой длинный узкий клинок, с плоским двусторонним лезвием. Клинок представляет прямоугольную пластину, нижняя часть которой, сужившись, образует острие. Характерна форма рукояти, представляющая собой круглый стержень со срезаемым вертикальным пазом и образующая вилку, куда заходит клинок. Подобная форма присоединения клинка к рукояти наблюдается на лчашенских и арктических князях, где указанный стержень заходит в деревянную рукоять, для прочного закрепления которой сверху в части соединения клинка и ру-

²⁰³ А. О. Минаканян, Раскопки курганов на побережье оз. Севан, С. А., 1957, № 2, стр. 149.

²⁰⁴ C. I. Shaeffer, ук. соч., рис. 217.

²⁰⁵ Там же.

кояти вдевается ажурная втулка. Длина меча 50 см, ширина 2 см.

По всей вероятности, меч датируется эпохой Лчашена—Артика—XIII—XII вв. до н. э.

Следующим вариантом вильчатых мечей являются широко распространенные в Армении железные мечи с бронзовой рукоятью, состоящие из четырехгранного стержня с вильчатым основанием и навершием с валютами.

В Государственном музее Армении в коллекции вещей из Камо имеется рукоять такого меча, представляющая собой четырехгранный ствол, на котором имеется орнамент в виде двух выпуклых горизонтальных линий, огибающих ствол под валютами и над основанием. Между валютами имеется шиповидный выступ, аналогичный выступам закавказских секир. Вильчатое основание образовано продолжением стержня, состоящего из двух широких пластин, между которыми закладывался клинок меча. Длина рукояти 15 см, ширина ствола 2,5 см, ширина навершия 10 см, расстояние между валютами 4,5 см, длина вильчатых плечиков 4 см. Подобная рукоять известна из раскопок Лалайя в селе Алигрех²⁰⁶. Повторяя форму вышеуказанной рукояти из Государственного музея Армении, алигрехская рукоять отличается отсутствием шипа между валютами, взамен которых имеется вертикальный линейный орнамент на седловине между валютами. Некоторое различие наблюдается и в форме плеч вильчатого основания. Здесь вместо двух широких массивных выступов наблюдаются четыре легких выступа—стержня, расходящиеся книзу и обхватывающие клинок двумя стержнями—плечиками с каждой стороны.

Совершенно аналогичны вышеуказанным эфесы из Ачи, Куши и Мхрата. Они повторяют указанную форму, отличаясь отсутствием шипа между валютами и наличием орнамента на седловине подобно алигрехской рукояти²⁰⁷.

Несколько иное место занимает по форме рукоятка кироваканского меча длиной в 52 см и длиной рукояти 15 см. Повторяя форму вышеописанных мечей, она отличается формой

²⁰⁶ Е. Л а л а я н, ук. соч., стр. 156, рис. 112; Б. А. К у ф т и н, Арх. раскопки в Триалети, стр. 64, рис. 59.

²⁰⁷ Б. А. К у ф т и н, ук. соч., стр. 64.

вильчатого основания, которое по своей форме приближается к вильчатому основанию лчашенского меча из погребения № 5. Отличается от лчашенского прямоугольной формой плечиков, что сближает его с мечом из Мугани²⁰⁸ и особенно с цельноотлитым бронзовым мечом из Курвина, имеющим вильчатое основание, но по форме клинка и навершия приближающимся к цельноотлитым мечам так называемого закавказского типа²⁰⁹. Отличие вильчатого основания кироваканского меча от вышеуказанных заключается в том, что у кироваканского меча между плечиками имеется клиновидный выступ, обхватывающий клинок с двух сторон, что сближает его с вышеописанным цельноотлитым бронзовым мечом с вильчатой рукоятью из Эчмиадзинского музея, у которого взамен клиновидного выступа между плечиками имеется полукруглый выступ.

Б. А. Куфтин указанные мечи датирует по аналогии с луристанскими VII—VI вв. до н. э.²¹⁰.

А. А. Мартиросян на основании анализа инвентаря, анийского эфеса, как-то: бронзовые браслеты, железные кольца и т. д.—указанные мечи датирует раннеурартским временем²¹¹, Почти тем же временем (VIII—VII вв. до н. э.) датирует их И. М. Джафарзаде²¹², используя для этого совершенно иной материал, сравнивая их с материалом из Ходжалы, Кедабека и Кармир-Ванка.

Датировка рассмотренных мечей раннеурартским временем (IX—VIII вв.) нам кажется более точной из анализа рукояток самих мечей. Не отрицая широких связей с загрозламским миром, что наблюдается и в ранний период (XIII—XII вв. до н. э.), нужно указать, что рассмотренная форма вильчатого основания является развитием вильчатых мечей раннего периода, которое, как увидим ниже, шло по двум направлениям.

²⁰⁸ И. М. Джафарзаде, *Элементы арх. культуры древней Мугани*, стр. 30.

²⁰⁹ *Archeologie de l'Iran*, L. Vanden Berghe Leiden, 1957, табл. 157a.

²¹⁰ Б. А. Куфтин, *ук. соч.*, стр. 64.

²¹¹ А. А. Мартиросян, *Раскопки в Кировакане и некот. памятн. раннеурартского периода*. Изв. АН АрмССР, 1953, № 9, стр. 76.

²¹² И. М. Джафарзаде, *ук. соч.*, стр. 25.

Первое—дальнейшее развитие вильчатых мечей, второе—переход к цельноотлитым мечам.

К началу I тысячелетия относятся железные мечи, снабженные бронзовыми частями рукоятей, имеющих сравнительно широкое вильчатое основание. Указанные мечи были обнаружены Морганом в Лалваре. Такая бронзовая рукоять была обнаружена в Мусиери и представляет собой круглой формы ствол с круглым навершием с глубокими горизонтальными прорезями для закладки инкрустаций и широким вильчатым основанием, по своей форме напоминающим основание лчашенского меча из погребения 5, отличаясь от него лишь своей массивной формой. Почти подобной формы железная рукоять с бронзовой инкрустацией хранится в отделе Востока Эрмитажа (№ 16867), представляет прямой стержень длиной в 10 см, со вдетыми тремя бронзовыми кольцами шириной в 1,5 см, промежуточное пространство между которыми, по всей вероятности, также инкрустировалось. Стержень рукояти украшен полусферическим навершием, имеющим горизонтальные углубления в верхней части и насечки—в нижней. По своей форме указанная рукоять очень схожа с рукоятью из Мусиери. Указанное навершие приобретено у Неверовского и, по всей вероятности, происходит из Армении.

Вильчатая рукоять меча обнаружена также Н. Я. Марром в Ворнаке. Она представляет собой бронзовый четырехгранный стержень с тремя парными выпуклыми выступами на каждой стороне стержня. По центру стержня по каждой стороне проходит точеный вертикальный орнамент с вписанными пятью ромбовидными выступами (инв. Эрмитажа, 16867). В верхней части стержня имеется небольшой шиловидный выступ. Основание широкое, массивной формы, с небольшим полукруглым вильчатым вырезом. Замечательный меч подобной формы обнаружен Л. Барсегианом в Ноемберяне.

Железные мечи с бронзовыми обоями, придающими им вильчатую форму, характерны и для урартского периода. При раскопках Кармир-блур обнаружено несколько таких мечей двух вариантов. Первый—короткий меч с расширением в нижней части, переходящей под сильным уклоном в острие²¹³. Рукоятка указанного меча аналогична рукояткам мечей второго

²¹³ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, стр. 38.

варианта, которые лучше сохранились. Меч второго варианта был обнаружен нами в помещении 34²¹⁴. Это узкий, овальный в сечении клинок, нижний конец которого, суживаясь, образует острие. Рукоять имеет бронзовую обойму, придающую ей вильчатую форму. Ствол рукояти с бронзовым широким кольцом, завершается полукруглой шляпкой в виде гвоздя, также обитого бронзой.

Такой же меч худшей сохранности обнаружен в помещении 13. Подобные мечи найдены в Мусиери, Ворнаке, Самтавро, Мингечауре, Казахе²¹⁵. Большое количество изображений мечей и кинжалов с подобной рукоятью имеется на ассирийских барельефах времен Ашшурнасирипала (IX в. до н. э.), Саргона (VIII) и Ашшурбанипала²¹⁶.

Таким образом, вильчатые мечи являются первым типом мечей, появившихся на территории Армении. Первые такие мечи происходят из лчашенских курганов, датируемых XIV—XII вв. до н. э. Однако их развитая форма и наличие аналогичных мечей в памятниках Ирана XV—XIV вв. до н. э. дает основание предположить, что и у нас они впервые начинают применяться в этот же период. Как видно из вышесказанного, мечи с вильчатой рукоятью продолжают бытовать до VII в. до н. э., форма вильчатого основания у них сохраняется для украшения.

Наряду с вильчатыми мечами со II половины II тыс. до н. э. появляется и получает широкое распространение еще два новых типа мечей, имеющих свои варианты.

Второй тип. Цельноотлитые мечи с рамочной рукоятью.

Параллельно с мечами и кинжалами с вильчатым основанием развивается также другой тип мечей, названных в археологической литературе мечами с рамочной рукоятью, представляющих собой узкий, длинный, овальный в сечении кли-

²¹⁴ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 41.

²¹⁵ J. de Morgan, там же, табл. III, 1.; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 42; С. М. Казиев, Арх. раскопки в Мингечауре, Мат. культура Азерб., I, Баку, 1949, стр. 26, рис. 17; Д. А. Халилов, Могилиник у сел. Казахбейли Казахского р-на, Изв. Аз. ССР, 1958, № 2 стр. 39.

²¹⁶ Perrot et Chipiez, Histoire de l'Art Assyrie, Paris, табл. 22, Assyrische skulpturen, табл. LXV—LXVII, DE Rotta, там же, табл. 163.

нок и плоскую рукоять, борта которых несколько приподняты для закладки пластинок. Наиболее древний кинжал этого типа длиной в 30 см происходит из раскопок Кармир-Банка и относится к середине II тыс. до н. э.²¹⁷

Первый известный меч рассматриваемого типа происходит из Лчашена, представляет собой длинный, узкий, ромбовидный в сечении клинок с рамочной рукоятью, завершающейся круглым навершием с вписанным широким крестом. В части соединения с клинком стержень несколько расширяется и, чуть сузившись полукругло, сливается с клинком; борта в нижней части более округлены, создавая собой втулку. Длина 46 см, длина клинка 34 см, ширина клинка 4,5 см.

Мечи указанного типа известны из Алаверди и Артика. Меч из Алаверди (табл. XIV, рис. 4) имеет узкий, длинный, овальный в сечении клинок и плоскую рукоять, борта которой несколько приподняты для закладки пластинок. Борта рукояти в части соединения несколько приподняты и сужены в центре.

По середине клинка проходят два четко выступающих срединных ребра. Меч в верхней части рукояти и в части острия клинка сломан. Длина сохранившейся части меча 40 см, длина клинка 33 см.

Артикский меч (рис. 4, 1) аналогичен алавердскому и отличается лучшей сохранностью и некоторыми деталями²¹⁸. Один из них имеет узкий, длинный, овальный в сечении клинок, с проходящими по середине тремя четко выраженными ребрами, которые, не доходя на 5 см до конца, сливаются друг с другом, образуя острие.

Цельноотлитый стержень рукояти имеет плоскую форму и четырехугольные выемки для деревянных вставок. В части соединения с клинком стержень несколько расширяется и, чуть сузившись, полукругло сливается с клинком, создавая в отличие от алавердского меча более полную аналогию с лчашенским мечом. Борта в нижней части округлены и также создают собой втулку, чтобы деревянные вкладыши, придающие рукояти круглую и удобную для обхвата форму, не вывалива-

²¹⁷ ИАК вып. 29, стр. 11, рис. 31.

²¹⁸ Т. С. Хачатрян, Материальная культура др. Артика стр. 52.

лись. Длина меча 55 см, длина клинка 43,5 см, ширина клинка у рукояти 3,5 см.

Меч, аналогичный алавердскому и отличающийся от него лишь отсутствием изгиба в нижней части рукояти, недавно стал известен из Эчмиадзина (рис. 4—2). Длина меча 42 см, длина клинка 30 см, ширина в верхней части 4 см. Нижняя часть, видимо второго такого же меча, известна из Алаверди.

Датировка мечей с рамочной рукоятью уточняется по аналогии с мечами из сопредельных стран. Они известны из Персидского Талыша и датируются 1450—1350 гг. до н. э., из Рас-Шамры (Угарит) датируются 1450—1365 гг. до н. э. Ленкоранские мечи с плоским без серединных ребер клинком с рамочной рукоятью датируются 1250—1100 гг. до н. э.²¹⁹

Таким образом, если их нижней хронологической границей считать 1450 г. до н. э., а верхней 1100 г. до н. э., то наши мечи (Кармир-Банк, XV в.; Лчашен, XIII в.; Артик, XIII—XII вв.) полностью входят в указанные хронологические границы.

Третий тип. Цельноотлитые мечи закавказского типа.

К первому типу рассматриваемых мечей относятся мечи с широким, имеющим срединное ребро клинком, с обрубленным концом и короткой полой круглой рукоятью. Вариантами этого типа служили мечи с заостренным концом. Рассматриваемого типа мечи в Армении происходят из Ворнака, Узунлара (меч с острым концом) и Кировакана. Последний по форме клинка приближается к земо-авчальскому мечу из раскопок Г. К. Ниорадзе.

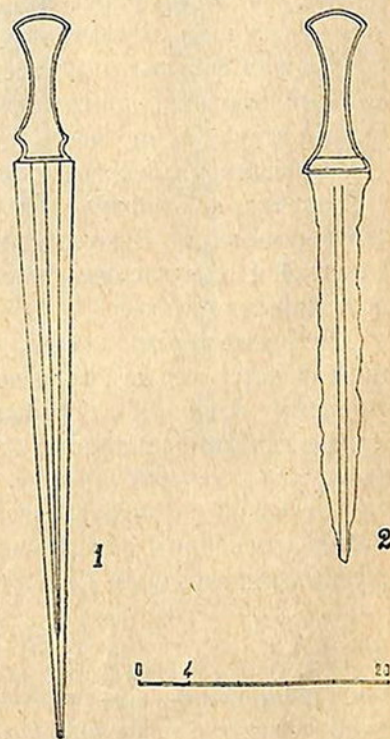

Рис. 4.

²¹⁹ Cl. Shaeffer, ук. соч., рис. 44, 215, 217, 443.

Кироваканский меч (табл. XIV, рис. 5) представляет собой длинный плоский клинок с закругленным концом. На клинке два желоба, которые, не доходя на 15 см до острия, сливаются. Рукоять круглая, полая, образована заворачиванием бортов и завершается полукруглым навершием с треугольными вырезами. В верхней части клинка орнамент в виде пояса, образованного двумя горизонтальными линиями. Внутреннее пространство клинка заполнено зигзагообразным орнаментом из пяти линий. Длина меча 72 см, длина клинка 60 см, ширина клинка в верхней части 5,7 см, в нижней части 2,7 см.

Замечательный меч рассматриваемого типа происходит из Редкина Лагерь, представляет собой плоский клинок с четырьмя желобками, выше которого проходит орнаментированный пояс из соединенных спиралей, а под ним располагается другой пояс из полукруглых двух линий с точечным орнаментом между ними. Рукоять круглая, полая, образована заворачиванием боковых сторон и завершается плоским выступом, который, очевидно, прикрывался головкой вкладышей.

Ко второму типу мечей относятся мечи с плоским, сильно суживающимся и заостренным на конце клинком. Обе стороны клинка, как правило, украшены глубокими желобками, сходящими вниз. Рукоятка имеет двойную втулку, сделанную отковкой и закруглением боковых сторон. Втулка заполнялась деревянными частями.

Замечательным экземпляром мечей рассматриваемого типа является меч из Головино²²⁰ с массивным, плоским и заостренным клинком, с проходящими по всей длине четырьмя желобками. По обе стороны от рукояти выгравированы по два полулуния с каждой стороны. Рукоять имеет втулку, сделанную отковкой и закруглением боковых сторон, с сохранившимся деревянным заполнением, инкрустированным мелкими бронзовыми гвоздями. Длина меча 72 см, ширина клинка у ру-

²²⁰ А. О. Мнацаканян, О раскопках могильников у села Головино Арм. ССР КСИИМК, вып. XVI, 1952 г., стр. 62; А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников в селении Головино. Труды Гос. исторического музея Армении, том. V, стр. 30.

кояты 8 см, длина рукояти 12,7 см. Подобный же меч неизвестного происхождения (табл. XIV, рис. 6) хранится в Историческом музее Армении, отличается от головинского наличием орнаментированного пояса над желобками, состоящего из двух параллельных линий, заполненных косыми линиями.

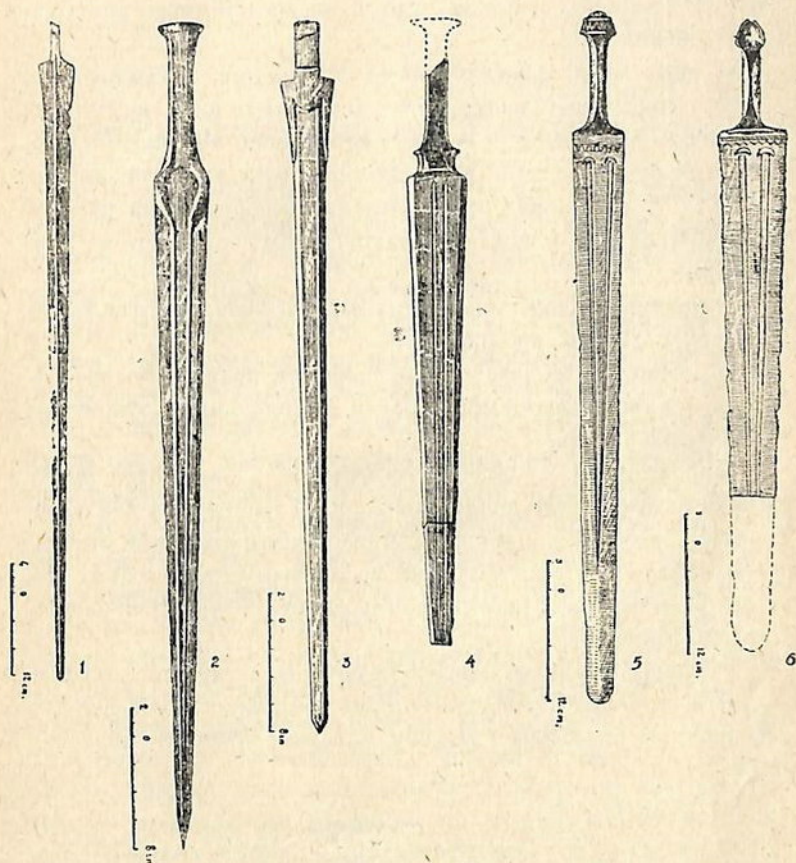

Табл. XIV.

Подобные мечи имеют довольно широкое распространение. Основной район их распространения—среднее течение Куры и Аракса. Южнее Аракса подобные мечи не встречены. В указанной области они происходят из Редкина Лагеря, Ленина-

кана, Кирги, Айгедзора, Казаха, Калакента, Ханлара, Шамхора, Мингечаура, Шуши и Дагестана²²¹.

Таким образом, из вышензложенного можно заключить, что с середины II тыс. до н. э. на территории Армянского нагорья появляются импортные рапиры, которые стимулируют развитие начавшегося процесса появления мечей путем удлинения кинжальных клинков, что видно на примере алавердского кинжала.

Первые мечи, применявшиеся в Армении, насколько известно в настоящее время,—вильчатые мечи из Лчашена, относящиеся к XIII в. до н. э. Их совершенная форма и аналогии сопредельных стран позволяют нам отнести их появление к XV—XIV вв. Вильчатая форма мечей, переходя на железные, бытует до конца рассматриваемого периода (VII в. до н. э.).

В ранний период применения железа используются бронзовые рукояти с волютами.

С развитием железного производства появляются железные мечи с бронзовыми обкладками, придающими рукояткам вильчатую форму.

Параллельно с вильчатыми мечами развиваются также рамочные мечи, бытующие до начала I тыс. до н. э. Обладая большой крепостью, они служили рубящим и колющим оружием, однако, не обладая большим весом, они не могли быть эффективным оружием против все более усиливающегося защитного снаряжения.

Особенно увеличившаяся потребность в тяжелых мечах в конце II и начале I тыс. стимулировала появления мечей так называемого закавказского типа, описание которых приведено выше.

²²¹ А. А. Ивановский, По Закавказью, стр. 103 и 132, табл. I; Я. И. Гуммель, там же, стр. 18, табл. VI; Казиев, Арх. раскопки в Мингечауре, стр. 15, рис. 3а; Казиев, О некоторых типах оружия в Мингечауре, Материальная культура Азербайджана, т. II, Баку, 1951, стр. 10, табл. II, 8—3; Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе, Древний Мингечаур, стр. 78, табл. XIII, 1—3; А. П. Круглов Северо-восточный Кавказ во II тыс. до н. э., стр. 76; Т. Пассек и Б. Латынин, Очерк до истории Сев. Азербайджана, стр. 125, рис. 8; К. Х. Кушнарёва, там же, стр. 160.

Глава II

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ И ПЕШЕЕ ВОЙСКО

Начиная с середины III тыс. до н. э. в связи с вооруженными столкновениями между племенами, хотя в основном нерегулярными и не носящими еще характера войн, начинается производство предметов вооружения.

Применявшееся оружие охоты (лук, копье) в целях самозащиты от зверей или нападения соседних групп получает свое дальнейшее развитие. Появляются новые типы вооружения: топоры, кинжалы и булавы, служившие не только для самозащиты, но и нападения. Указанный процесс усиливается с разложением родового строя. В связи с появлением и распространением кинжалов, топоров и другого наступательного оружия встает насущная необходимость защитного вооружения.

Древнейшие щиты. Типы щитов Армянского нагорья представлены на памятниках изобразительного искусства. Наиболее интересным из этих памятников является бронзовый пояс из разрушенного в Степанаване погребения¹, в центре которого показано движение пешего строя. Впереди крупная фигура вождя или военачальника, держащего крупный продолговатый щит, который резко отличается от урартских полуцилиндрической формой, расширенной нижней частью и узким верхним краем (табл. XV, рис. 7).

Форма щита и крупные размеры его позволяют предположить, что щит был покрыт кожей и бронзовыми (?) пластинками, которые украшали и укрепляли его.

¹ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы... стр. 160, рис. 65.

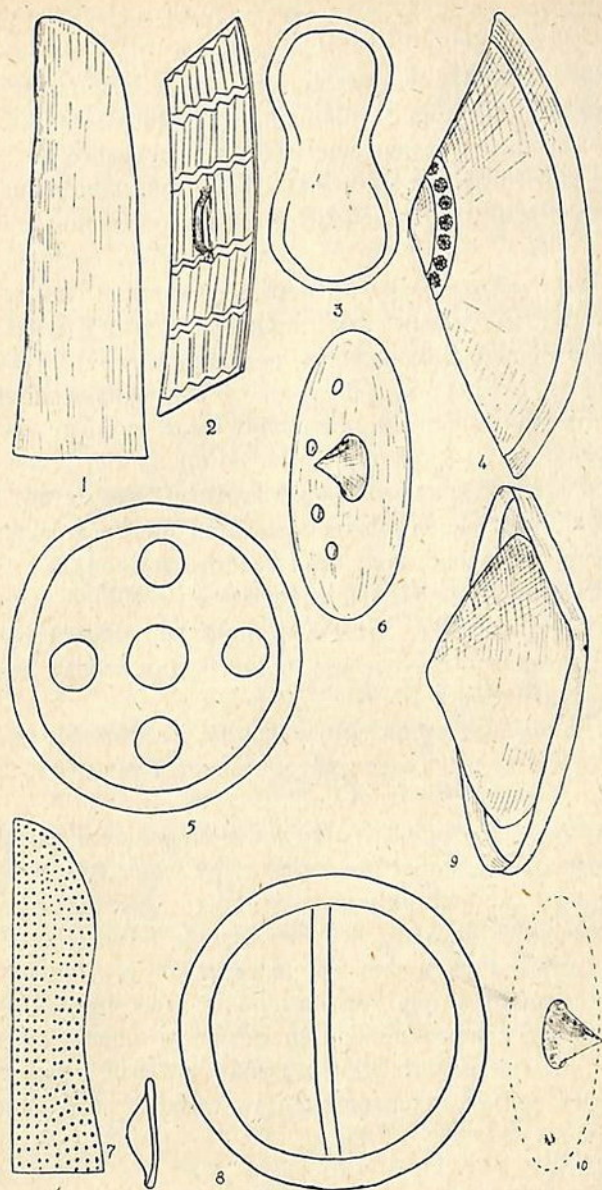
Вождя сопровождают семь воинов, меньших по размеру и держащих в руках такие же щиты. На левом боку вождя изображен длинный меч с двухсторонним лезвием. Сопровождающие его воины вооружены копьями, которые они держат в высоко поднятых руках, как бы собираясь закинуть ими противника. В верхнем ряду изображены боевые колесницы с колесами, имеющими по 8 спиц, со стоящими в них воинами, и грузовые двухколесные телеги типа лчашенских, отличающихся лишь тем, что ось их проходит посередине кузова. По всей вероятности, степанаванский пояс должен быть датирован X в. до н. э. Одним из датирующих элементов является изображенный на нем щит, находящий аналогии среди ассирийских щитов начала I тыс. до н. э., которые разделяются на два варианта² (табл. XV, рис. 1—2). Первый представляет собой слегка вогнутый прямоугольный щит с одной ручкой в центре. Второй вариант тождествен степанаванскому щиту, отличаясь лишь отсутствием суженности в центральной части. Это просто вертикально срезанный цилиндр, борта которого в верхней части округлены. Конечно, одного щита на поясе недостаточно для датировки, но имеется еще другой фактор—это колесницы, которые отличаются как от лчашенских, так и от урартских и занимают промежуточное положение, что заставляет нас предположить приблизительную датировку—X в. до н. э.

Вслед за рассмотренным хронологически следуют щиты урартской эпохи, изображенные на бронзовых обивках Балаватских ворот (середина IX в. до н. э.), где при сцене отступления войск Арама Урартского в горах Аддури изображены воины, держащие малые щиты круглой формы с небольшими полями и выступающей срединной частью. Щиты держатся кистью руки за ручку, закрепленную с внутренней стороны³ (табл. XV, рис. 8).

В связи с этим интересно отметить, что фигура, стоящая на колеснице, изображенной на ахталинском бронзовом поясе,

² P. D. Barnet, ук. соч., табл. 10—12, 90, 93, 103—114, 125, 168—169.

³ Billerbeck Ad und Frd. Dellfzsch, Die Palasttore Salmanassars aus Balawat, Leipzig, 1909, табл. C, полоса I.

Т а б л. XV.

имеет в вытянутой руке круглый предмет, способ держания которого очень напоминает щиты у воинов Арама⁴.

Такой способ применения щитов сближает их с изображением хеттского щита из Зенджирли (IX в. до н. э.) (табл. XV, рис. 3), несколько отличающегося от урартского по форме. Хеттские щиты вытянуты и сужены в центре, напоминая цифру 8. Способ ношения такой же, что и щитов Балаватских ворот⁵.

Однако уже в эпоху Аргишти I урартские щиты отличаются гораздо большим диаметром и по своей форме и способу применения приближаются к ассирийским⁶. Рассмотрение щитов указанной эпохи позволяет обнаружить еще два новых типа, которые полностью находят аналоги среди ассирийских. Отсутствует третий тип щита, не представленный среди находок и в памятниках изобразительного искусства, но, по всей вероятности, использовавшийся и на Армянском нагорье, что будет рассмотрено ниже, при разборе материала.

Первый тип представлен найденным в 1951 г. нами при раскопках помещения № 34 Кармир-блур замечательным щитом, изготовленным, судя по надписи, для города Эребунни царем Аргишти, сыном Менуа⁷.

Щит, имеющий характерную форму, напоминает шляпу с полями. Средняя часть щита представляет конический выступ на низком барабане.

С внутренней стороны барабана прикреплены три ручки, служившие для вдевания на руку, в чем и состоит его отличие от ранних урартских щитов, которые, как было указано выше, держались кистью. Крупная ручка помещена в верхней части щита и заклепана тремя гвоздями с каждого края, полушаровидными с наружной стороны. Две меньшие ручки расположены в левой и правой частях щита и заклепаны двумя гвоздями. Указанные малые ручки, по всей вероятности, соединялись ремнем, вдевавшимся на локоть, а большая руч-

⁴ J. de Morgan, ук. соч., рис. 145.

⁵ John. Garstang, ук. соч., табл. 17.

⁶ С. М. Бациева, Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию, ВДИ, 1959, № 2, стр. 26—27.

⁷ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 26.

ка захватывалась кистью, что давало возможность свободного оперирования щитом. Средняя конусообразная часть украшена изображениями львов и быков, размещенными в трех концентрических полосах, разделенных орнаментом в виде бутонов, связанных полукружьями.

Второй щит подобной формы, также украшенный изображениями львов и быков, обнаружен в 1953 г. в помещении А Кармир-блур и принадлежит, по имеющейся надписи, Сардур-ри II⁸.

При раскопках Кармир-блур, кроме двух указанных, обнаружены еще 18 щитов. Все они по своей конструкции аналогичны вышерассмотренным, имеют ту же форму и отличаются лишь отсутствием орнамента: диаметр их колеблется от 0,7 до 1 м. Все они VIII в. до н. э. и, судя по посвячительным надписям, семь щитов принадлежали Аргишти I, три щита — Сардур-ри II, один щит — Русе I, остальные без надписей⁹ (табл. XV, рис. 9).

Урартские щиты подобной формы найдены и на Топрак-кале, в 1880 г. О. Рассамом и Э. Клейтеном, а позже — случайными находками с надписями, содержащими имена Русы, сына Аргишти, и Русы, сына Эримены, причем на обломке щита Русы, сына Эримены, имеется орнамент, аналогичный орнаменту вышеописанного щита Аргишти I, а розетка указанного щита повторяется на щите из Британского музея¹⁰. Щиты подобной формы имеются на многочисленных изображениях, относящихся к замечательным памятникам изобразительного искусства Ассирии и Урарту.

Второй тип щитов представлен боевыми образцами, обнаруженными на Кармир-блуре. Сами щиты до нас не дошли, однако при раскопках найдены бронзовые умбоны из листовой бронзы конической формы, нижний конец которой слегка отогнут и имеет многочисленные мелкие отверстия, через которые умбоны прибивались к щиту гвоздями. Высота умбона 15 см, диаметр, наибольший, 15 см, наименьший — 12 см. Толщина листа 1 мм (табл. XV, рис. 10).

⁸ Б. Б. Piotrovskiy, ук. соч., стр. 29, 30.

⁹ Б. Б. Piotrovskiy. Ванское царство, стр. 168; Б. Б. Piotrovskiy, Кармир-блур, III, стр. 26.

¹⁰ Б. Б. Piotrovskiy, Кармир-блур, III стр. 27, 28.

Три подобных умбона найдены в 1945 г. в жилище, расположенном во дворе, у северо-западной угловой башни цитадели, на двух имелась надпись «сын Менуа». Шесть умбон были обнаружены в карасе № 55 кладовой № 28. На умбонах изображения голов быков, а на одном — птицы. На пяти из них помещены надписи с именами Аргишти, сына Менуа, и Сардури, сына Аргишти, один умбон надписи не имел¹¹.

В тексте Луврской таблички рассказывается, что в Мусасире в храме бога Халди были захвачены шесть золотых массивных щитов с умбонами, имеющими форму собачьих голов с оскаленными пастьми, и двенадцать щитов из серебра с умбонами в виде голов дракона, льва и тура¹².

Подобные щиты, по всей вероятности, были широко распространены. Судя по ассирийским аналогиям, они были круглой формы и в центре имели большую ручку, захватываемую кистью (табл. XV, рис. 4—5). По всей вероятности, в верхней части они имели ременное закрепление для вдевания на локоть, что мы замечаем на бронзовых щитах из Кармир-блур, но, к сожалению, на изображениях их прикрывает фигура воина¹³. Умбон, совершенно аналогичный кармир-блурским, имеется в отдаленной аналогии — на щите статуэтки, обнаруженной III шведской экспедицией на острове Кипр и датированной II архаическим периодом¹⁴ (табл. XV, рис. 6).

Шлемы. На бронзовых моделях колесниц богатых личашенских погребений стоящие на кузове воины носят шлемы, представляющие собой древнейший тип на территории Армении¹⁵.

¹¹ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, стр. 24. Кармир-блур II, стр. 39, 63.

¹² И. М. Дьяконов, АВИИУ 49 (352 след.); 51 Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 168—169.

¹³ Bruno Meisner und Dietrich Opitz, ук. соч., табл. 4.

¹⁴ Helmut T. H. Bessert, ук. соч., табл. 148.

¹⁵ А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан, 1956 г. С. А., 1957, № 2, стр. 150; А. О. Мнацаканян, Древние повозки из курганов бронзового века на поб. оз. Севан, С. А., 1960, № 2 стр. 142—143.

Указанные шлемы делятся на два варианта, хотя и относятся к одному типу (табл. XVI, рис. 7—10). Оба варианта имеют форму полукруглой каски с гребнями. На первых шлемах гребень находится прямо в центре каски и, имея форму высокого полулуния, с двух сторон охватывает каску. Два других шлема имеют такую же форму, отличаясь от первых лишь гребнем, причем и здесь сами гребни также несколько отличаются друг от друга. На первом из них гребень высокий, плоский, выступает над каской под углом. Тыльная сторона гребня более узкая и длинная, вследствие чего она несколько нависает над каской. Гребень другого шлема несколько округлен спереди. По своей форме он занимает промежуточное положение между гребнями двух вариантов. Вышеприведенные первые шлемы аналогичны с хеттским шлемом из Богазкея (табл. XVI, рис. 1) (XIV в. до н. э.)¹⁶, хотя и несколько отличаются от него. Хеттский шлем имеет более вытянутую форму, вследствие чего гребень охватывает головку шлема с двух сторон и имеет ниспадающие перья. Более близкая аналогия второго шлема найдена в Кархемыше (VIII в. до н. э.)¹⁷, но отличается от лчашенского несколько более высоким гребнем и оперением (табл. XVI, рис. 2), что позволяет предположить более раннее бытование шлемов кархемышского типа, хотя они не дошли до нас. Это предположение кажется нам тем более вероятным, что раннеурартские шлемы по форме гребня более близки к лчашенскому и кархемышскому, нежели богазкейскому. Ранние урартские шлемы известны нам по изображениям на Балаватских воротах¹⁸. Это шлемы воинов Арама, имеющие форму вытянутой каски (табл. XVI, рис. 11). Узкий, полукруглый гребень его вытянут книзу и завершается округлым выступом, в то время как на лчашенском и кархемышском шлемах гребень находится в центре каски с небольшим уклоном вперед.

При рассмотрении процесса развития вооружения, в том числе и шлемов, замечается, что вооружение племен Армянского нагорья VIII в. до н. э. становится близким к ассирий-

¹⁶ Н. Bonnet, ук. соч., рис. 102а.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Billerbek Ad und Frd. Dellfzsch, ук. соч., С. полоса № 1.

скому (табл. XVI, рис. 3, 6—12), хотя и имеет свои особенности. Урартские шлемы второго периода (табл. XVI, рис. 4—5) известны нам по многочисленным находкам на Кармир-блуре, а также по изображениям на шлемах, колчанах и на Кармир-блуре и на обломках бронзовых поясов из урартского колумбария Нор-Ареша¹⁹ (Ереван).

Рассмотренные шлемы по своей форме очень близки к ассирийским и представляют собой остроконечный шишак. На Кармир-блуре найдено 20 шлемов подобной формы. Четыре шлема имеют надписи, содержащие имена Аргишти I и Сардурри II, и являются замечательными памятниками урартского искусства. Высота шлема Аргишти 29,5 см, высота поля с изображениями 8 см, наибольший диаметр 25,5 см, наименьший 14 см. Лобная часть их украшена 11 изображениями священных деревьев со стоящими по их сторонам божествами; у пяти деревьев расположены фигуры безбородых божеств в длинном одеянии, в головном уборе с рогами, с ведром в левой руке и священным плодом в правой. У других шести деревьев помещены подобные же божества, но имеющие бороду и крылья, что сближает их, судя по иконографическим изображениям, с ассирийскими керубами. Священные деревья на лобной части обрамлены восьмью фигурами змей с львиными головами, оскалившими пасти. Височная и затылочная части шлема украшены изображениями 8 урартских боевых колесниц с 10 всадниками²⁰. Интересно отметить, что всадники и колесничие, изображенные на шлемах, носят такие же шлемы, на каком они изображены. Кроме указанных шлемов с изображениями священных деревьев и колесниц, на Кармир-блуре обнаружены и шлемы, лобная часть которых украшена эмблемой четырехзубца, отдаленно напоминающего голову лося или оленя, в котором Б. Б. Пиотровский видит перун бога грома Тейшебы.

Ассирийский шлем рассматриваемого типа был обнаружен в Фивах²¹. Изображения подобных шлемов в большом

¹⁹ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 167; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, 1, стр. 66—67; 2. *Մարտիրոսյան, 2. Մեջակայան, Նոր-Արշալույս արտադրված խուսճարքին, ՀՍՀՖ ԳԱ տեղեկագիր, № 10, 1939 թ. рис. 2, табл. 4—6.*

²⁰ Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 167.

²¹ Там же.

количестве имеются на ассирийских рельефах из дворца Ашшурнасерпала II²².

Очень близок к кармир-блурским шлем из Галиатского могильника в Фаскау²³, который был грубо склепан из листовой меди (высота 31 см) и представлял собой остроконечник без какой-либо орнаментации. Б. С. Рабинович шлем из Фаскау считает местного производства, однако рассматривает его как продукт культурных связей между Северным Кавказом и Передней Азией²⁴. Подобный шлем с надписью Аргишти имеется в Берлинском музее; поступил туда с Северного Кавказа из могильника Верхняя Рутха Терской области. В указанной местности концентрированы погребальные поля с инвентарем типа Фаскау²⁵. Фрагмент подобного шлема обнаружен в Абхазии (в селе Приморском)²⁶. Шлем, аналогичный по типу, обнаружен и в Триалети, в могильнике у дороги Бешташен-Сафар-Хараба, изготовленный из бронзы и имеющий коническую форму. Б. А. Куфтин отмечает сходство шлемов из Фаскау и Абхазии и указывает, что триалетский отличается лишь присутствием боковых отростков, служивших наушниками²⁷. Бронзовые шлемы найдены и в I Арчадзорском кургане²⁸. Необходимо отметить, что часть упомянутых выше шлемов Закавказья и Северного Кавказа имеет, несомненно, урартское происхождение, другая часть изготовлена, вероятно, на месте под влиянием урартских или переднеазиатских образцов.

Панцири Находки панцирей из раскопок на территории Армении

²² P. D. Barnett, ук. соч., табл. 10—12, 90, 93, 109—114, 125, 168—169.

²³ П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа, Материалы по археологии Кавказа, V, 1909, стр. 276, рис. 211; П. П. Семенов, Шлемы из Северной Осетии, КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 61.

²⁴ Б. С. Рабинович, Шлем скифского периода, Гос. Эрмитаж, Труды Отдела истории первобытной культуры, стр. 104.

²⁵ W. Nagel, Ein urartäischer Helm am dem Argistis—Magazin, Archiv für orientforschung, Берлин, том XIX, стр. 144—147.

²⁶ Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды I, Тбилиси, 1949, стр. 140, табл. X; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 26.

²⁷ Б. А. Куфтин, Арх. раскопки в Триалети, стр. табл. 68, Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 26.

²⁸ ОАК за 1894, стр. 18; Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 58.

относятся к XIII—XII вв. до н. э. Ранняя форма панцирей обнаружена в Лчашене, где при раскопках обнаружено большое количество бляшек и пуговиц различной величины. Указанные бляхи, по всей вероятности, пришивались к одежде и к конской попоне. Иногда они пришивались также к специальной панцирной рубаше. Так, в одном случае рядом со скелетом обнаружены бронзовые пуговицы различной величины, и в прогнившем слое наблюдались совершенно истлевшие остатки кожи или ткани²⁹. И бляхи, и пуговицы имеют одну и ту же выпуклую форму, они полые внутри, с одним перекинутым стерженьком для пришивания. Аналогичные пуговицы с остатками кожаной основы были обнаружены в Артике³⁰. Таким образом, можно предположить, что наиболее ранние типы панциря на Армянском нагорье были кожаные или матерчатые, причем в отдельных случаях на них пришивались бронзовые пуговицы и бляхи для усиления непробиваемости и для украшения, образуя латы. Подобного типа латы получили свое развитие и продолжали бытовать на Армянском нагорье и в I тыс. до н. э. Так, в указанную эпоху на панцирной рубаше, кроме пуговиц и бляшек, нашивались дисковидные пластины. Подобного типа латы были обнаружены А. О. Мнацаканяном в 1950 г. в Головино³¹. Латы состояли из кожаной или витых веревок, основы в виде нагрудника, перевязанные на спине (т. е. защищалась только грудь), к которой были пришиты разной величины круглые, чуть выпуклые бронзовые пуговицы и диски; на части живота имелся деревянный диск с набитыми гвоздями. Остатки подобного типа лат в незначительном количестве обнаружены в разновременных погребениях Закавказья³².

²⁹ Устное сообщение, А. О. Мнацаканяна.

³⁰ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 60.

³¹ А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников в Головино, Труды Гос. музея Армении, том. V, стр. 32—38.

³² Б. А. Куфтин, Ук. соч., стр. 101, табл. СХУ. А. А. Ивановский, По Закавказью, Мат. по археологии Кавказа, VI, табл. VIII, рис. 14—18; ОАК, 1889 г., стр. 73, рис. 149; Н. В. Минкевич-Мустафаева, Об арх. наход. из с. Доланлар, Мат. культура Азерб., 1, Баку, с. 61, т. IV, р. 9; Я. М. Гуммель, Погребальный курган № 1 около Елендорфа, т. VI; Л. Л. Карапетян, А. Н. Шагинян, Арх. находки в Дилижане, Изв. АН АрмССР, 1961, № 12, рис. 1, 7.

Наряду с вышеуказанными ~~лентами~~ ^{лентами}, под влиянием ассирийской военной культуры, появляется новый тип панцирей — чешуйчатые панцири, обнаруженные в Кармир-блуре³³. Остатки такого бронзового панциря были впервые найдены в

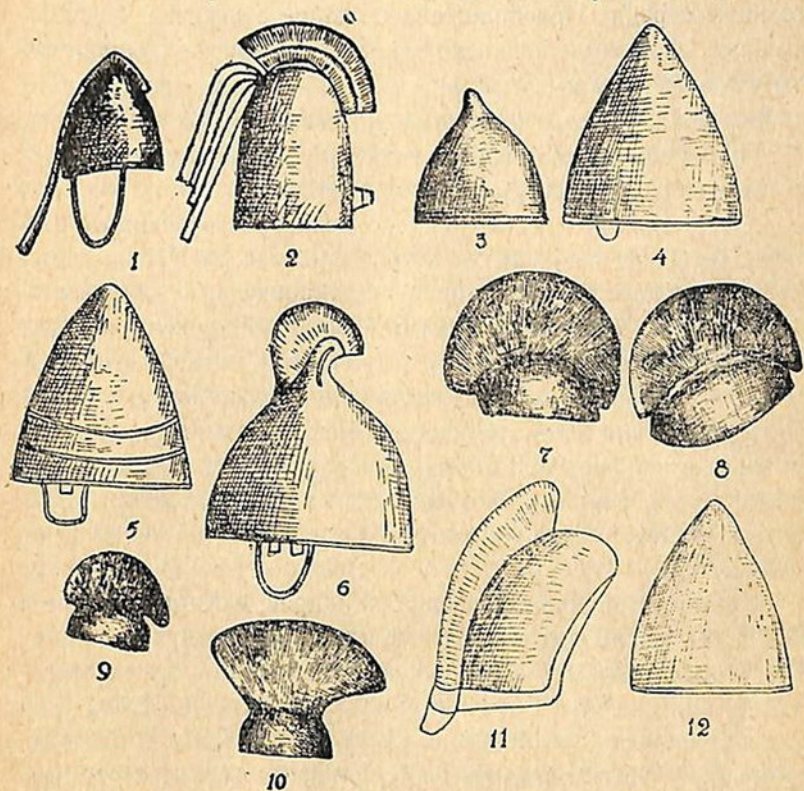

Табл. XVI

1951 г. в помещении А. Обнаруженные здесь бронзовые одноступенчатые пластины имели длину 3 см, ширину 1,5 см. Нижний край их был закруглен, в верхнем имелись три отверстия для пришивания. При такой конструкции пластины верхнего ряда прикрывали швы нижнего. В 1952 г. в помещении 36 был обнаружен замечательный бронзовый панцирь в собранном виде, что дает полное представление о расположении чешуек. Так, на местах изгибов были пришиты чешуйки меньшего размера, чем на гладкой поверхности. Пластины украшены розетками, образованными из семи точек. Они образуют 9 типов, причем

³³ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 30—36.

некоторые представлены единичными экземплярами. Основной тип имеет в длину 5—2 см, при ширине 1,7—1,9 и толщине 0,1 см. В верхней части имеется два отверстия, смещенных несколько вправо. На средней вертикальной оси пластины, немного ниже середины расположено большое отверстие. Несколько ниже, вправо расположено такое же отверстие, а между ними у левого края имеется еще два небольших отверстия. Подобное расположение отверстий указывает на то, что пластины не нашивались на основу, а составляли панцирную рубаху из скрепленных между собой пластин³⁴.

Около панциря была найдена бронзовая пуговица с надписью Аргишти I, 1) «Богу Халди, владыке, 2) Этот панцирь Аргишти подарил», что уточняет датировку этой замечательной находки. Под пластинками была обнаружена рубаха из шерстяной ткани (войлока) (?), которая, очевидно, надевалась под панцирем для усиления непробиваемости, а также для уменьшения боли при ударе. Такие рубахи, вероятно, как правило, одевались под панцирями так же, как под шлемами надевались войлочные шапочки. Бронзовые пластины чешуйчатого панциря обнаружены и в Севанском бассейне (инв. ГМА, 20/60).

Кроме указанных бронзовых панцирей, в Кармир-блуре в 1953 г. были найдены и железные пластины от двух панцирей. В помещении 38 было обнаружено 159 пластин с тремя отверстиями в ряд верхней части (длина 3 см, ширина 1,8 см) и 13 более крупных пластин (длина 4,8 см, ширина 2,2 см), которые, кроме трех отверстий вверху, имели еще по одному отверстию в правой части, немного ниже середины чешуйки. Пластины второго железного панциря были обнаружены в помещении 40 и несколько отличаются от описанных. Было собрано 150 малых пластин (длина 3 см, ширина 1,8 см.), а более крупных (длина 5,5 см, ширина 2 см.) оказалось 20, причем они имели только три отверстия в средней части пластины³⁵. Подобные панцири были широко распространены на Древнем Востоке. Ассирийские войны, изображенные на рельефах, носят корот-

³⁴ Там же, стр. 32.

³⁵ Там же, стр. 35—36.

кие панцири без рукавов³⁶. Подобные панцири готовились из металла или кожи³⁷. Бронзовые и железные панцирные пластины, иногда обтянутые золотом, обнаружены в Персеполе, они в верхней части имели отверстия для нашивания³⁸. Имеется образец подобного египетского панциря, относящегося ко времени фараона Шешонка (941—920 гг. до н. э.)³⁹.

Наряду с панцирями, как защитное вооружение широко применялись бронзовые и кожаные пояса, что подчеркивается почти на всех древневосточных изображениях. Таким образом, как видно из вышензложенного, на Армянском нагорье применялось два типа панцирей.

Первый тип. Латы, состоящие из кожаной или матерчатой основы, обшитой пуговицами, бляхами и дисковидными пластинками. Подобные латы, судя по находкам Б. А. Куфтина у Параванского озера, в Закавказье (и в Армении) применялись еще с древнебронзовой эпохи. Находки более поздних лет в Армении относятся к XIII в. до н. э. (Лчашен). Обнаруженный здесь тип лат, обшитых пуговицами, существовал и впоследствии (Артик XIII—XII вв. до н. э., Дилижан VIII—VII вв. до н. э.). Одновременно с ними бытовали латы более сложные. С начала I тыс. до н. э. появляются чешуйчатые панцири, характерные для древневосточного вооружения указанной эпохи. Однако, по всей вероятности, чешуйчатые панцири использовались лишь привелигированными слоями урартской армии. Простые воины урартской армии и воины племен, населявших Армянское нагорье, носили кожаные и матерчатые латы. Наряду с панцирями, как защитное вооружение широко применялись и пояса. Замечательно орнаментированные бронзовые пояса, известные из многих могильников Армении и Закавказья (Лчашен, Степанаван, Ахтала, Карабах и др.), имели, по всей вероятности, не столько защитное,

³⁶ P. S. Botta, ук. соч., том. I, табл. 34, 39, 145; Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 30.

³⁷ H. Vernet, ук. соч., стр. 209. Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 30.

³⁸ E. Schmidt, The Treasury of Persepolis, Oriental institute communications, № 21, Chicago, 1939, стр. 40, рис. 27 в—с;

³⁹ W. M. Flinders Petrie, Tools and Weapons, 1917, стр. 38, табл. XLII; Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 30.

сколько ритуальное значение. В основном войны применяли для защиты кожаные пояса.

Из вышеприведенного можно прийти к следующему заключению. В связи с появлением наступательного вооружения встает насущная необходимость защитного вооружения. Наиболее ранними видами его являются латы, известные с древнебронзовой эпохи (Триалети), служившие для защиты груди и живота воина. Исходя из конструкции более поздних панцирей рассматриваемого типа (Головино) латы защищали воина спереди. Это говорит о том, что бои велись группами или парными схватками и отсутствовали регулярные формы ведения боя. С развитием племенных союзов и появлением дружин появляются новые формы ведения боя. В отличие от предыдущего периода в столкновениях и сражениях принимает участие не все население, а специальные группы, в основе которых еще лежит родовая сплоченность. Воины для боя выстраивались в тесно сомкнутые, глубокие ряды в форме одной или нескольких колонн. Подобная форма построения четко видна на степанаванском поясе, когда воины под предводительством вождя одной колонной наступают на противника. Глубокое построение вытекало из общественного уклада.

С развитием племенных союзов и появлением дружин племенных вождей появляются новые формы ведения боя и появляется потребность в новом защитном вооружении— в шлемах, щитах.

При рассмотрении щитов на Армянском нагорье мы замечаем, что наиболее ранние из них (XI—X вв. до н. э., Степанаван) указывают на связь с ассирийскими образцами. Раннеурартские щиты по способу применения сближаются с хеттскими, хотя по форме они также близки к ассирийским. Таким образом, в памятниках Армянского нагорья наблюдаются три типа щитов, применявшихся в Ассирии и у хеттов: в виде срезанного цилиндра (Степанаван), в виде шляпы с отогнутыми полями (Кармир-блур) и другие вышеуказанные памятники VIII—VII вв. до н. э., а также щиты с умбонами. Отсутствует лишь пятый тип ассирийских щитов—это плетеные щиты выше человеческого роста с загнутым верхом, использовавшиеся в основном при осаде крепостей. По всей вероятности, и эти щиты имелись в Урарту, так как общность военной техники поз-

воляет предположить, что и уарты при осаде крепостей могли применять подобные щиты.

При рассмотрении процесса развития шлемов на Армянском нагорье можно заметить следующее. Наиболее ранние типы шлемов представлены лчашенскими, которые имеют сходство с хеттскими (XIV—XIII вв. до н. э.), хотя и по деталям отличаются от них, что доказывает их местное происхождение. К указанному типу шлемов относятся и раннеурартские, которые также аналогичны хеттским, однако выявляют более близкие связи с лчашенскими шлемами второго варианта.

С VIII в. до н. э. вооружение племен Армянского нагорья становится близким к ассирийскому и через их посредство проникает на север, о чем свидетельствуют шлемы из Триалети, Абхазии, Фаскау и Верхней Рутхи. Наряду с бронзовыми шлемами, по всей вероятности, использовались и войлочные или кожаные шлемы, а также налобные пластины (диадемы), которые употреблялись для закрепления волос, играя одновременно роль защитного снаряжения. Таким образом, с середины II тыс. до н. э. племена Армянского нагорья, испытывая влияние могущественного Хеттского государства, одновременно имели тесные культурные связи также с Ассирией. Ранние формы щитов и способ их применения свидетельствуют о том, что еще сохраняются пережитки родовых методов ведения боя.

С появлением уартского государства организуется регулярная армия, делившаяся на следующие роды войск: пехоту, конницу-колесницы и инженерные войска.

Кроме основных родов войск, уартская армия имела разведку и обоз.

Численный состав уартской армии не известен, однако ряд имеющихся сведений позволяет нам сделать определенные выводы.

Так, в одном из походов уартской армии, направленном на южное побережье озера Урмия, участвовало 106 колесниц, 9174 всадника и 2704 пехотинца, т. е. около 12200 человек.

В другом походе, направленном в Северную Армению, участвовало 65 колесниц, 15760 пехотинцев и более тысячи всадников (точное число не сохранилось, некоторые исследователи считают более 4000 всадников).

Учитывая, что в упомянутом II походе участвовало 17 тысяч человек и ни в коей мере не учитывался обоз, обслуживаемый рабами, можно предположить следующее.

1. В распоряжении царя имелось около 20—25 тысяч постоянного войска.

2. Приблизительно такое же количество войска должно было находиться в распоряжении областеначальников (Туртанов) для несения гарнизонной службы.

Таким образом, Урартское государство обладало армией приблизительно в 40—50 тысяч человек. В это же число входят войска союзных с Урарту стран, которые, как правило, выступали совместно с урартскими войсками под единым командованием, особенно в войнах, направленных против ассирийских захватчиков.

Пехота, естественно, была самой многочисленной группой урартской армии и могла самостоятельно разрешать стратегические задачи. Судя по письменным источникам, пехота разделялась на 2 вида—тяжелую и легкую.

К первой группе относились воины, игравшие главным образом оборонительную роль. Вооруженные длинными листовидными копьями и большими круглыми щитами с выступающими вперед умбонами щитоносцы образовывали плотную стену, за которой могла действовать легкая пехота: лучники, пращники.

Кроме щитоносцев, тяжелая пехота Урарту имела еще и панцирных воинов, действовавших так же, как и щитоносцы, в первых рядах. О существовании панцирных воинов в урартской армии свидетельствуют находки остатков железных и бронзовых чешуйчатых панцирей при раскопках урартской крепости Кармир-блур.

Кроме археологических находок, о существовании панцирных воинов и об особенном значении тяжелой пехоты Урарту свидетельствуют и клинообразные надписи. Так, в тексте ассирийского царя Саргона II об армии Русы I говорится следующее: «... не страшился его панцирных воинов⁴⁰».

Легкая пехота Урарту состояла из лучников, пращников и воинов, вооруженных копьями. Она, в отличие от тяжелой пе-

⁴⁰ И. М. Дьяконов, Ассиро-Вавилонские источники по истории Урарту, ВДИ, 1951 № 2, стр. 325.

хоты, активно участвовала в наступательных действиях, входила в прорыв, образованный фронтальной атакой тяжелой пехоты. О значении легкой пехоты указывается в вышеприведенном тексте Саргона II: «Бойцов его, надежду его войска, лучников и копьеносцев у ног его, как ягнят, я зарезал⁴¹».

Вооружение урартской пехоты состояло из копий, мечей, кинжалов, стрел и оборонительного вооружения: шлемов, панцирей, щитов.

Анализ урартского вооружения позволяет полностью восстановить облик урартского воина. Судя по изображениям на Балаватских воротах, воины урартского царя Арама выступают в длинных подпоясанных рубахах с гребенчатыми шлемами на голове и с маленькими круглыми щитами; вооружены они короткими мечами и луками.

Эти изображения свидетельствуют о том, что урарты в эпоху Арама Урартского, т. е. в IX в. до н. э., вооружались еще по хеттскому образцу⁴².

Однако после многочисленных войн с Ассирией уже к VIII в. до н. э. урартское вооружение меняется. Судя по изображениям, имеющимся на многочисленных шлемах и колчанах, обнаруженных из раскопок Кармир-блур и Нор-Ареша, уже к эпохе Аргишти I и Сардури II урартское вооружение ассирийского типа.

В бою урартская армия действовала «и боевыми рядами» — шеренгами. О существовании рядов в урартской армии свидетельствует все та же вышеприведенная надпись Саргона II: «260 человек семени его царского рода, его доверенных лиц, его областеначальников, его конников захватил я в свои руки и рассеял **боевые ряды**». Построение урартской армии нам не известно, однако в ассирийской армии этой эпохи, с которой у урартов было много общего, имелся следующий боевой порядок: пехота строилась обычно в три шеренги, лучники сражались или впереди, под прикрытием щитоносцев, или же в задней шеренге. В последнем случае первые две шеренги копьеносцев нагибались или становились на колени, чтобы лучники могли через них стрелять⁴⁴.

⁴¹ Там же.

⁴² С. М. Бацнева, ук. соч., стр. 27.

⁴³ Т. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 325.

⁴⁴ Е. А. Разин, История военного искусства, стр. 63.

Как мы видим из вышеприведенного текста Саргона II, построение урартской пехоты также состояло из трех рядов: шеренг: тяжело вооруженных панцирных воинов, щитоносцев и стоящих за ними «надежды его войска — лучников и копьеносцев».

По всей вероятности, основной единицей урартской пехоты была десятичная организация (тысячи — десятки — сотни). «Наличие десятичной организации у многих народов периода военной демократии не может вызвать сомнения»⁴⁵.

Основой деления ассирийской пехоты также была десятка⁴⁶.

В связи с этим интересное изображение имеется на одном рельефе Салманасара, где показаны две движущиеся шеренги щитоносцев в гребенчатых и конических шлемах, вооруженных копьями. На заднем плане показаны разрозненные воины, в центре фигура воина, размахивающего руками, очевидно подающего команду к построению. Два воина уже встали в строй, остальные, стоя на одном колене, перевязывают обувь. В каждой шеренге по десять воинов⁴⁷.

Кроме этих общих для Древнего Востока сведений о подразделении войск, мы имеем одно интересное сообщение об организации урартской пехоты. Так, в разведывательном доносении ассирийского агента Ашшуррисуи царю Саргону II сообщается следующее: «3000 пехотинцев, десятников и начальники саперов Сетину, урартского областеначальника, что напротив меня выступили на Муссасир и переправились через Черную реку»⁴⁸. Как видно из приведенного текста, в урартской армии также существовала десятичная система.

Урартская пехота (и армия) в марше двигалась однодневными переходами, останавливалась на ночь отдыхать в удобных местностях, в укрепленных лагерях (кроме тех случаев, когда она двигалась ночью). Одной из особенностей урартской армии было и то, что она была обучена к ведению ночного боя.

О существовании лагерей в урартской армии сообщают нам ассирийские клинообразные надписи. Так, в одном из ан-

⁴⁵ А. А. Строков, История военного искусства, стр. 6.

⁴⁶ Е. А. Разин, ук. соч., стр. 60.

⁴⁷ Archibald, Peterson B. D. Табл. 7.

⁴⁸ И. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 337.

налов Тиглатпаласара III говорится следующее: «Я преследовал его (Сардури) до моста через Евфрат, границы его страны... палатку его (царской шатер) (...) его многочисленные (...) в его же собственном лагере в огне я сжег»⁴⁹. Такие упоминания имеются и в других текстах⁵¹.

О продвижении урартского войска нам сообщает донесение Белиддина, царька Аллабри, который пишет царю Ассирии Саргону II: «Он (урартский царь) был со своим войском и Хубкийцами на расстоянии 5 переходов, но затем вернулся»⁵¹.

О высокой моральной стойкости урартов и их хорошей организации свидетельствуют продолжительные тысячекилометровые походы. Так, в I походе царя Аргишти I в Северную Армению, организованный во II году его правления (785 г.), войско урартов направилось через Диаухи на город Макалтуни. Овладев им, урарты повернули на восток и вторглись в Эриахи. Во время этого похода урарты разрушили 105 крепостей и сожгли 453 поселения⁵². Этот маршрут насчитывает по прямой около 500—600 км.

Во время другого похода того же Аргишти (783 г.) урартское войско из центра страны двигается в страну Хати (на крайнем северо-востоке Сирии), далее на север вдоль берегов Евфрата оказывается у города Мелитеа (совр. Малатия) и возвращается в свою страну в районе, севернее современного Диярбекира⁵³. Этот маршрут по прямой насчитывает около 1000 км. Вообще столь длинные переходы были обычным явлением для древневосточных армий. Ассирийская армия во время похода 714 г., который по сравнению с другими не может считаться особенно долгим, прошла около двух тысяч километров. Причем эти походы заранее подготавливались донесениями разведчиков, засылаемых во вражеские страны со специальными заданиями⁵⁴. В этом отношении, как мы увидим ниже, при разборе разведки урарты мало чем отличались от ассирийцев.

⁴⁹ Там же, стр. 311.

⁵⁰ Там же, стр. 345.

⁵¹ Там же.

⁵² Г. А. Меликишвили, Наир-Урарту, 253.

⁵³ Там же, стр. 54, 246.

⁵⁴ Б. Б. Piotrovskiy, Ист. и культура Урарту, стр. 92.

Походы урартов продолжались не более 2—3 месяцев. Считая, что половина времени могла и должна была использоваться для осуществления целей похода, то становится понятным, что армия на переход уделяла не более 15—20 дней, конечно, на обратный путь оставляя гораздо больше времени, проходя в день 35—40 км не более. Подобное утверждение исходит из расчета, что в среднем особенно тяжело вооруженным можно пройти не более 5—6 км в час и не более 7 часов общего марша, очевидно, с большим привалом. Кроме того, урарты, как и ассирийцы, на ночь останавливались в укрепленных лагерях. Следовательно, в марше должны были останавливаться засветло для устройства укрепленного лагеря. В строительстве, без сомнения, участвовали все воины, а не только инженерные войска. Лишь в редких случаях, при необходимости, урарты могли продвигаться со скоростью 60—80 км за день, и то лишь совершая форсированный марш в несколько дней для неожиданного появления перед армией (крепостью) противника.

В надписях Саргона II, в его знаменитой «Луврской табличке», упоминается о подобном марше. Он отмечает, что прошел «12 беру»—85—95 км.⁵⁵

Исходя из сказанного, можно сделать и другой вывод, что обоз, сопровождающий армию, в основном был лишь вычный (что мало вероятно, так как в подобном случае нельзя было перевозить осадную технику, разве только в разобранном виде) или, что более вероятно, состоял на конной тяге, так как на быках невозможно развивать подобную скорость (уже не говорим о том, что быки даже при смене упряжи не могут пройти за день подобного расстояния).

Успешное осуществление такого большого перехода войска в горах, учитывая сопротивление местных племен, требовало, кроме моральной стойкости и дисциплины воинов, еще и хорошей организации войск.

Учитывая то обстоятельство, что войска в переходах (особенно при тогдашнем состоянии дорог, если не сказать бездорожья, особенно на периферии) растягиваются на большом расстоянии. Немецкий военный историк Ганс Дельбурк приводит интересные подсчеты о движении войск Ксеркса. Он

⁵⁵ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 30.

сравнивает персидское войско в смысле растягивания с немецким армейским корпусом в составе 30 тысяч человек, который на марше растягивается на 21 км. Дельбрук считает, что персидское войско в таком же составе должно растянуться на такое же расстояние⁵⁶.

Учитывая, если не одинаковый характер, то близкое сходство между построением колонн древнеперсидской армии и урартского войска, можно предположить, что урартская армия в составе 20—25 тысяч человек вместе с обозом и боевыми колесницами и кавалерией также должна была растянуться на 20—25 км, если не больше.

Продвижение такой растянутой колонны особенно по территории противника была невозможно без авангарда арьергарда и боковой охраны, которые осуществляли также тактическую разведку.

Нужно заметить, что о существовании арьергарда в урартской армии прямо указывается в тех же ассирийских клинообразных надписях. Рассказывая в одном из своих анналов о покорении страны Зикирту, Саргон II пишет следующее о сражении с его правителем Метатти: «А сам он—Парда, его царский город, ему не был дорог,—покинул он имущество дворца своего и вышел наружу; своих коней и бойцов он собрал (...) и послал подмогой на помощь Урсе, своему союзнику. Я перебил его грозных воинов, расположенных для охраны на перевале горы Уашдирикки и покорил»⁵⁷.

Как видно из приведенного текста, союзник Урарту Метатти Зикиртец, ставя целью соединиться с основными военными силами царя Русы, отступает в горы, оставив на перевале горы Уашдирикки заслон (арьергард) для прикрытия беспрепятственного отхода своего войска. Этот маневр был выполнен блестяще, хотя указанный арьергард был перебит, но уже выполнив свою задачу. Армия Метатти ушла и, по образному выражению ассирийцев, «не было найдено их место». Кстати, хочется указать, что несмотря на хваленую ассирийскую разведку, Метатти обнаружен был Саргоном II лишь при встрече с основными урартскими войсками во главе с царем Русой.

⁵⁶ Г. Дельбрук, История военного искусства, т. 1, стр. 47.

⁵⁷ И. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 323.

Разведка. Нужно отметить, что и урарты имели свою разведку, которая, по-видимому, делилась на тактическую и стратегическую.

В функцию первой входили сбор сведений и донесений, привод «языка» и проводников для успешного осуществления похода, а также боевого охранения. Для выполнения задач такого типа большую роль играла кавалерия, которая могла прорваться далеко вперед, узнать необходимые сведения о численном составе противника и действовать как разведка с боем. О разведке II типа мы узнаем из ассирийских клинописных текстов. Мы знаем, что ассирийские цари для успешных действий своей армии наводняли соседние страны, в том числе и Урарту, своими лазутчиками, которые следили за каждым шагом урартских царей, за движением войск, за строительством дорог, мостов, крепостей, за внутренними волнениями и за внутренней жизнью. В урартских текстах разведочных донесений мы пока не имеем, но нет сомнения, что при обнаружении урартского архива значительную часть клинописей составят донесения урартских разведчиков, о существовании которых прямо указывается в тех же ассирийских клинообразных надписях. Так, в донесении царька Аллабри Белиддина сообщается относительно известий об урартском царе: «**гонiec андийцев и гонец зикеров** пришли в Уаси и говорили с ним: «Царь Ассирии двигается на нас». Как только он повидал гонцов, он выступил из Зике(р)тию»⁵⁸.

В другой надписи, оставленной самим Саргоном II, сообщается: «Я отправился из Айаду, перешел реки Аплурия, Калланиа и Иннаиа, прибыл в Уайанс, его опорную область, конец пределов Урарту, что рядом с Наири. Уайнс, его укрепленный город, большая крепость, сильнейшая из всех его крепостей, красивая строением—поселены были в ней его храбрые боевые воины, лазутчики, посылаемые, чтобы проникнуть в замыслы окружающих стран»⁵⁹.

Из приведенного текста видно, что в крепости Уайанс комплектовалась разведка Урарту, которая, по всей вероятности, действовала не только в Ассирии, но и в союзных с ней странах. Весьма вероятно, что, кроме указанной крепости, в Урар-

⁵⁸ М. И. Дьяконов, ук. соч., стр. 345.

⁵⁹ Там же, стр. 329.

ту были и другие пункты, откуда отправлялись агенты в соседние страны для сбора сведений стратегической разведки.

О хорошо поставленной разведке и тактических особенностях урартского войска говорит и то обстоятельство, что, согласно сведениям летописей, походы урартских царей совершались дважды в год, весной или осенью, что связано не с климатическими особенностями, а с формой полукочевого скотоводства⁶⁰.

Урарты появлялись или весной до подъема скота в горы, или осенью по его возвращении, что обеспечивало им богатую добычу.

Это обстоятельство требовало хорошо поставленной службы разведки и охранения, так как при открытом подходе войск местное население могло перегнать скот, если не далеко в горы, то к соседним племенам.

Инженерные войска. Для выполнения различного рода инженерных работ (землекопных, дорожных, мостостроительных и т. д.) урартская армия имела особые отряды, положившие начало развитию инженерных войск. Упоминаний о них, несмотря на многочисленные урартские строительные надписи, не имеется. Некоторые сведения о них дают ассирийские тексты. Однако простой анализ урартских походов и разбор урартской военной истории позволяет нам утверждать о существовании в урартской армии и этого рода войск.

Как известно, Урарту имело разветвленные пути сообщения, связывающие центр Урарту—Тушпу с разными районами страны, а также с соседними странами. Нужно заметить, что часть этих дорог прокладывалась в горах, где вырубались скалы, что без специальных мастеров, даже имея большую силу рабов, было бы трудно, если не невозможно.

Эти дороги, следы которых сохранились в горах Армении между озерами Ван и Урмия, имели ширину от 2 до 3 м⁶¹.

На важнейших магистралях страны возводились мосты, строительство которых также требовало специальных навыков и мастеров.

В ассирийских надписях часто упоминаются мосты и мостостроение в Урарту. Так, ассирийский царь Тиглатпала-

⁶⁰ Б. Б. Piotrovskiy, ук. соч., стр. 205.

⁶¹ Там же, стр. 206.

сар I, описывая свой IV поход в Урарту, пишет: «Я нарубил уруми», горные деревья, **улучшил мосты** для перехода моих колесниц и войск, переправился через Евфрат»⁶².

Насколько велико было значение мостов в древнем мире свидетельствует то обстоятельство, что разрушение мостов на пограничных реках было равносильно объявлению войны.

Другой ассирийский царь Тиглатпаласар III, рассказывая о войнах с царем Урарту Сардури, также напоминает о существовании мостов в Урарту «[Сардур]ри, ради спасения своей жизни, ночью бежал, и не [было] найдено место его [...] я преследовал его до моста, границы его страны»⁶³.

Прямое указание на дорожное и мостовое строительство в военное время, что не могло происходить без специальных войск, мы находим в тех же ассирийских источниках. Так, ассирийский царевич Синахериб, основываясь на донесении своего разведчика Ашшуррисуа, пишет царю Саргону II: «Выход его (царя Урарту) из города Уаяси [...] я не видел, дороги, которые против [...] они улучшают, мосты (починяют)».

Наконец, в тех же ассирийских источниках мы имеем уже прямое указание на существование в урартской армии инженерных войск. Так, вышеупомянутый ассирийский агент Ашшуррисуа в своем разведывательном донесении царю Саргону II пишет: «3000 пехотинцев, десятники и начальники саперов Сетину урартского областеначальника, что напротив меня, выступили на Мусасир и переправились через Черную реку»⁶⁵.

Особенно была велика роль инженерных войск в военное время. Несмотря на наличие дорог и мостов в Урарту, армии во время походов часто приходилось проходить по бездорожью. Ассирийский царь Тиглатпаласар I, описывая свои войны с Урарту, пишет: «16 сильных гор, — местность удобную на моей колеснице я проезжал, через трудную — медными кирками дорогу я прокладывал»⁶⁶.

Без всякого сомнения можно утверждать, что если ассирийскому царю приходилось в Урарту прокладывать дороги

⁶² И. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 273.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, стр. 343.

⁶⁵ Там же, стр. 357.

⁶⁶ Там же, стр. 273.

(а не идти по имеющимся, в целях внезапного нападения или при отсутствии крепостей на данном маршруте), то и урарты должны были сделать то же самое, так как основную роль в победах урартов играла внезапность, которая могла быть достигнута лишь при скрытом переходе урартской армии через горные тропы.

Немалой была роль инженерных войск и при переправах. Б. Б. Пиотровский в своей книге «История и культура Урарту» пишет: «Благоустроенных дорог с мостами (деревянными, а возможно и каменными) через реки в Урарту было немного, и нередко путникам приходилось переправляться через реки вплавь на бурдюках, причем лошади следовали за ними и лишь в редких случаях для переправы сооружали плот наподобие ассирийского «Калакку», также с привязанными к низу бурдюками»⁶⁷. Учитывая сказанное, нужно заметить, что при переправах через горные реки, особенно для переправы колесниц, осадочной техники (даже в разобранном виде) и обозу необходимы были переправочные средства. Наиболее подходящими средствами переправы, в тогдашних условиях, были плоты, представляющие собой площадку из бревен и досок, к низу которой привязывались бурдюки (надутые шкуры баранов), а также лодки и другие переправочные средства.

Особенно была велика роль инженерных войск при осаде крепостей. В ассирийской армии широко применялась осадочная техника, катапульты и тараны, а также самые сложные подвижные башни.

Наряду с этим, ассирийцы широко применяли подкоп крепостных стен. На рельефах Балаватских ворот имеются изображения таких таранов, представляющих собой 4- или 6-колесные телеги с острым выступом спереди и с башенкой в передней части.

На указанных обшивках имеются изображения таранов в действии—пробивающие стены осажденной крепости. Принцип действия тарана заключается в следующем: массивное бревно с железным выступом в передней части, подвешенное цепями, раскачивается и с огромной силой бьет по стене (воротам), образуя брешь, в которую и врывается пехота. Для

⁶⁷ Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 207.

защиты прислуги над тараном ставили навес, который обтягивали мокрым войлоком для предохранения его от пожара.

В ассирийской армии использовались тараны с массивными бревнами, имеющие тупой или заостренный ударный конец. Однако на изображениях встречается также осадное приспособление, имеющее вместо массивного бревна сравнительно тонкое, но длинное орудие, напоминающее копье. Тараны обладали большой разрушительной силой, но против них также имелись способы борьбы. Основные методы борьбы с таранами заключались в зажигании прикрытия тарана (что давало возможность уничтожить его прислугу), забрасывании его камнями (что парализовало его действия) и, наконец, в сбрасывании тяжелого бревна на таран (вернее, на его ударную часть).

Причем нужно указать, что наиболее эффективными способами борьбы были последние, так как они выводили таран из строя, тогда как первые уничтожали прислугу, которую всегда легко было заменить.

Прямых указаний об использовании таранов в урартской армии мы не имеем, но нужно заметить следующее.

1. До нас не дошли или почти не дошли урартские клинообразные надписи архивного значения. А в сохранившихся парадных реляциях естественно не могло упоминаться то, что являлось обычным в повседневной практике урартов.

2. Урарты, вследствие проводимых многочисленных войн с Ассирией, встречались с ее осадной техникой и были знакомы со всеми достижениями передовой ассирийской военной техники, которая зачастую использовалась против самих урартов. Так, ассирийский царь Саргон II, описывающий войны с Урарту, отмечает: «Многочисленные войска бога Ашшура я ополчил и выступил в поход на завоевание этих городов; сильными осадными орудиями (?) я пробил их укрепленные стены и сравнял их с землей»⁶⁸. Не нужно забывать и того, что урартская армия, до IX в. вооружавшаяся по хеттскому образцу, начиная с IX в. вооружается оружием ассирийского типа и, следовательно, перенимает их оружие. Урарты могли и должны были перенять и осадную технику, тем более, что они были знакомы с ее действиями. И, наконец, урартская армия

⁶⁸ И. М. Дьяконов, *ук. соч.*, стр. 316.

во время своих частых походов покоряла многочисленные страны (племенные союзы) и захватывала их крепости. Число крепостей иногда за поход достигает 10 и выше.

Так, в районе Малатии Сардури II, царь Урарту, за один день захватил 35 крепостей и 200 поселений. Однако нужно отметить, что выражение «захватил за один день» относится не к действительному захвату указанных крепостей, какими слабыми бы они ни были, так как это физически невозможно, а к акту капитуляции, когда действительно после генерального сражения страна сдавалась на милость победителя.

Если учесть то обстоятельство, что урарты совершали свои походы весной или осенью для захвата скота, то это обстоятельство лишний раз подчеркивает непродолжительность урартских походов в смысле времени. Исходя из этого можно считать, что урартская стратегия не заключала в себе элементов измора проведением правильной осады. Если предположить осаду, то в этом случае за несколько месяцев урарты не могли осуществить переходы на многие сотни километров.

Следовательно, нужно считать, что урартская стратегия заключалась в быстрых неожиданных переходах, уничтожении живой силы противника на поле, а если это невозможно, то посредством неожиданного штурма, с использованием штурмовых лестниц, захвате вражеских крепостей. При неудаче старались захватить их при помощи образования брешей посредством таранов, пробиванием ворот, посредством тех же таранов и катапульт или подкопов. О последнем способе мы также не имеем сведений, но люди, сумевшие прорубить в базальтовой толще 400-метровый туннель для вывода воды из реки Ильдаруни (совр. Раздан), могли и должны были уметь вести подкопы под стенами вражеских крепостей.

Может вызвать и вызывает справедливое возражение, что тараны и катапульты в условиях Северной Армении, где были построены многочисленные циклопические крепости со стенами из огромных базальтовых глыб, не могли играть значительной роли. Но можно возразить, что урарты вели войны не только на севере, но на юге и востоке, где вышеуказанных крепостей не имеется, а наоборот, стены выложены из сырцового кирпича, где для осадной техники было большое поле деятельности. Например, поход Сардури II, организованный в пер-

вые годы его царствования в страну города Мелитеа (Малатия) против царя Хиларуада сына Шаху. Во время этого похода урарты захватили много разных крепостей. В генеральном сражении урарты наголову разбили противника и, между прочим, захватили 50 боевых колесниц, после чего урарты подошли к Малатии и собрались штурмовать ее, однако царь откупился богатыми дарами и сдачей урартам 9 крепостей⁶⁹. Нужно заметить, что даже в условиях северной Армении тараны и катапульты могли пробивать ворота осажденных крепостей. Не говоря уже о том, что здесь могли применяться и применялись такие формы организации штурма, как подкопы и штурмовые лестницы, когда пехота под прикрытием лучников могла штурмовать стены.

После удачного штурма, завершающегося взятием крепости, инженерным войскам оставалось еще одно: разрушение и уничтожение до основания захваченной крепости (где им большую помощь оказывала вся армия), кроме тех редких случаев, когда захваченная крепость использовалась урартами. Но и в последнем случае приходилось переделывать и укреплять крепость по урартскому образцу.

Итак, инженерные войска Урарту были вооружены таранами, катапультами, штурмовыми лестницами, бурдюками для наведения понтонных мостов, а также топорами, мотыгами для прокладывания дорог, проведения подкопов и уничтожения взятых крепостей.

⁶⁹ Г. А. Меликишвили, Наир-Урарту, стр. 246—247; Г. А. Меликишвили, УКН, 156, 131, 158.

Глава III

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

ЛОШАДИ

Лошадь на Армянском нагорье появилась в глубокой древности. Костные остатки дикой лошади найдены во многих местах, в Ленинакане они датируются эпохой миндель-рисского периода¹, у ст. Налбанд обнаружен зуб лошади в вюрмских отложениях². Много костей лошади встречается в поселениях энеолитической эпохи (Шенгавит, Элар, Гарни)³. Обнаружение в Шенгавите костей одомашненных лошадей заставляет нас предполагать, что приручение лошади (*Eguus caballus*) относится еще к доэнеолитическому периоду. В IV—III тыс. до н. э. лошадь широко известна и в странах, граничивших с Армянским нагорьем. Так, в III тыс. в Марти известен мул, помесь осла с лошадыо. Уже ко II тыс. до н. э. разведение коней в Двуречье играет большую роль в хозяйстве. Одновременно лошадь становится предметом обмена с соседними страна-

¹ Л. А. Авакян, Четвертичные ископаемые млекопитающие Армении, Ереван, 1959, стр. 53.

² Л. А. Авакян, ук. соч., стр. 8; С. С. Сардарян, Палеолит Армении, Ереван, 1954, стр. 37.

³ Кости лошадей из Шенгавита были обнаружены при раскопках Е. Байбуртяна в 1936 г., также при раскопках, возобновившихся здесь же под руководством С. Сардаряна в 1958 г. Интересно отметить, что, по определению С. Межлумян, кости лошадей, обнаруженных в Шенгавите в 1958 г., являются костями уже одомашненного животного. См. С. Сардарян. Газета «Коммунист» от 15/X 1959 г., № 244, Е. Байбуртян, Псевдоэнеолитические поселения Армении, Проблемы истории материальной культуры 1933, № 2, стр. 40; Б. Н. Аракелян, Гарни, 1, 1951, стр. 26.

ми⁴. Здесь коневодство особенно сильно развивается в каситское время. Важную роль лошадь играла и у гиксосов, которые внесли в военное дело важное новшество—колесницы, запряженные лошадьми⁵. Хорошо были знакомы с лошадыю и в центральной части Малой Азии, что подтверждается сводом хеттских законов⁶. В хеттских памятниках лошадь впервые упоминается в одной из надписей царя Анитты (XIX в. до н. э.). Таким образом, нам представляется возможным считать Армянское нагорье одним из древнейших центров коневодства.

Первоначально лошадь использовалась, по всей вероятности, как мясное, молочное, а также выючное животное. Однако уже в середине II тыс. до н. э. на Армянском нагорье мы видим не только выючную лошадь, но и коня, запряженного в боевую колесницу. Так, в 1338 г. до н. э. во время сражения хаясского царя с хеттами в его войске имелось 700 всадников (?) (колесничих)⁷, в другом хеттском тексте говорится, что хеттский царь Муршилль после победы над теми же хаясами ставит условие предоставить ему всадников (колесничих)⁸. Широкое применение лошадей на Армянском нагорье во II тыс. до н. э. подтверждается также находками лошадиных черепов, удил, деревянных колесниц. В джашенских курганах XIII—XII вв. до н. э. были обнаружены бронзовые модели колесниц, запряженных парой коней.

В связи с развитием коневодства на Армянском нагорье следует упомянуть также находку скелета лошади в могильнике у села Шахтагты (Нахичеванская АССР)⁹. Для установления времени применения лошади как верхового коня на Армянском нагорье очень интересно обнаружение Е. Лалаяном в Кюль-тапа (Нахичеванская АССР) схематической фигурки лошади под седлом (?). Указанную фигуру Ю. Липс относит к середине III тыс. до н. э.¹⁰. Т. Буниатов, рассматри-

⁴ И. М. Дьяконов, Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, ВДИ, 1954, № 4, стр. 278 и сл.

⁵ В. В. Струве, История Древнего Востока, 1941, стр. 38.

⁶ И. М. Дьяконов, Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства.

⁷ Г. Р. Капанцян, Хаяса—колыбель армян, Ереван, 1947, стр. 21.

⁸ Там же, стр. 33.

⁹ А. Алекперов, Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство, С. А., 1937, № 4, стр. 255.

¹⁰ Ю. Липс, Происхождение вещей, М., 1954, стр. 197.

вавший эту фигуру в связи с развитием скотоводства в Азербайджане, не соглашается с датировкой Липса, считая ее слишком завышенной, мотивируя отсутствием аналогии в Азербайджане¹¹. Однако, рассматривая указанную фигурку в связи с общим процессом развития коневодства на Армянском нагорье, нам кажется возможным принять датировку Липса, но отнеся ее не к середине, а концу III тыс. до н. э. Ко II тыс. Армянское нагорье становится одним из центров развития коневодства Передней Азии. Дальнейшее развитие коневодства на территории Армянского нагорья и сопредельных областей внесло переворот в военную технику и отчасти в транспорт Древнего Востока, способствуя этим выдвижению на первый план держав, подобных Хеттской и Митанни¹². Лучшим доказательством подобного утверждения является большое количество боевых колесниц у хеттов.

Так, в сражении с египтянами в 1312 г. до н. э. хетты выставили 3500 боевых колесниц¹³. Без всякого сомнения, в это число входили колесницы союзных и покоренных стран, в том числе племен, населявших Армянское нагорье. Дальнейшее развитие коневодства на Армянском нагорье позволило племенам, населявшим его, стать поставщиками коней не только для нужд племенных объединений, образовавшихся на его территории, но и ряда соседних стран¹⁴. Первоначально лошадь являлась верховым вьючным животным, а с появлением колесного транспорта она стала использоваться как тягловая сила. С приручением других животных применение лошади как вьючного животного перестает иметь большое хозяйственное значение, так как основные грузы перевозятся тягловым транспортом, а под вьюком используются в основном ослы, мулы, быки и верблюды. С конца II тыс. с появлением нового рода войск — конницы лошадь начинает играть все большую роль, о чем свидетельствуют мечи с обрубленным кон-

¹¹ Т. Буниатов, Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы, Баку, 1957, стр. 98.

¹² «Всемирная история», том. I, стр. 316.

¹³ Там же, стр. 357.

¹⁴ Б. Б. Пиотровский, Н. Д. Флиттнер, Очерки по истории Древнего Востока, стр. 38, Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 206.

цом, применяемые в основном конницей. Благодаря клинообразным надписям, стало известно о существовании конницы и в Урарту, которая в отличие от более ранней конницы племенных объединений играла видную роль в разрешении боевых задач и в скором будущем начинает занимать преобладающее положение над колесницей. Коневодство в Урарту получает дальнейшее развитие. Определенные области страны славились своим развитым скотоводством. В описании VIII похода (714 г. до н. э.) ассирийский царь Саргон II сообщает относительно района восточного побережья оз. Урмия: «Люди, живущие в этой области, во всем Урарту не имеют равных в умении обучать лошадей для конницы—малые жеребята, порождение страны его обширной, которых он взращивает для своего царского полка и ежегодно берет как подать,—пока они не будут взяты в область Суби, которую люди Урарту называют страной Манеев, и стать их не будет рассмотрена, на них не ездят верхом, выходом, вольтом и поворотом—всему, что нужно для битвы, их не учат, они ходят расседланные»¹⁵. Из приведенного текста видно, что в Урарту «кони специально отбирались для конницы и их учили военному строю и действиям (вольтам, выходам, поворотам и т. д.), из чего следует, что и конники были обучены указанным приемам.

О высоком мастерстве урартских наездников свидетельствует и тот факт, что, как сообщает клинопись из Сикгеха (восточнее Вана), урартский царь Менуа на коне Арцибини (что значит «орел») прыгнул на 22 локтя, то есть на расстояние свыше 11 м, что близко к современному мировому рекорду, установленному сплиттером Чандлером. Интересно отметить, что указанная область и в дальнейшем оставалась ипподромом армянских князей, а до первой мировой войны каждой весной там происходили народные скачки¹⁶. Урартские и ассирийские источники приводят данные, из которых видно, что во многих районах страны имелось развитое коневодство, при-

¹⁵ И. М. Дьяконов, АВИИУ.... 167.

¹⁶ Г. А. Меликишвили, УЖН, 110; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II стр. 46; И. М. Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике, Эпиграфика Востока, 1951, № 4, стр. 115—116; С. Г. Бархударян Урартское происхождение армянского нахарарского рода Арцруни, Исследования по истории культуры народов Востока, М.—Л., 1960, стр. 37.

чем они приводят данные и о количестве захваченных коней. Только при урартских царях Аргишти I и Сардури II было захвачено 25—30 тыс. коней¹⁷. Причем, кроме прямого захвата, на покоренные страны урарты накладывали дань. В списке дани, выплачиваемой ежегодно страной Днаухи, упоминается и 300 верховых коней (УКН, 217,1).

Установить точно, из какого района были захвачены кони, невозможно, однако при сравнении текстов можно сделать определенные выводы.

По Хорхорской летописи Аргишти I, урарты захватывали коней в следующих районах: I. В северных областях, в районе Тайка, Карса, верхнего течения реки Аракс и в Севанском бассейне—1336 коней, II. В приурмийском районе—768 коней. Место захвата остальных коней по текстам не уточняется¹⁸.

Надпись на камне из Сурб Сахака в основном повторяет районы, упомянутые в Хорхорской летописи Аргишти. Однако число коней в северных районах здесь доходит до 4426, а из района озера Урмия—600 (УКН, 128 А и В).

Летопись Сардури II также говорит о захвате большого количества коней из покоренных стран. Страны приводятся в следующем порядке.

1. Мана, Бабилу, Баруата, захвачено 2500 коней (УКН, 155, А). Указанные страны лежат к югу от озера Урмия вплоть до верховьев реки Диала—приток Тигра.

2. Мана—Эриахи—412 коней, Приурмийский район, район Ленинанкана.

3. Кулха Хушалхи, Абилианихи—65 коней (УКН, 155, С), юго-восточный район Черного моря, верхнее течение реки Аракс.

4. Эриахи, Абилианихи—500 коней (УКН, 155, С.)—Ленинанкан, верхнее течение реки Аракс.

5. Кулха, Утирухи—1500 коней (УКН, 155 Д.)—юго-вост.

¹⁷ Нужно заметить, что во многих текстах число единиц (даже тысяч) не сохранилось, что говорит о том, что число захваченных коней было намного больше.

¹⁸ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 151 и сл.; С. А. Есаян, Лошадь в военном деле Урарту, Изв. АН АрмССР, 1962, № 4, стр. 171, и сл.; Н. В. Арутюнян, Земледелие и скотоводство Урарту, стр. 171; Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, 127, I—VI.

точное побережье Черного моря, верхнее течение реки Аракс.

6. Пулуади, Эриахи—1613 коней (УКН, 155 Е)—район Мана (?), озеро Урмия, Ленинанкан.

7. Пузуниа, Эриахи, Иштулуани, Кадияни, Апуни, Аби-лианихи, Уеликуни, Аркукив, Адахуни, Луипруни, Эшумуа, Камнив, Куалбани, Ухуни, Териани—3500 коней (УКН, 155 F) район Ленинанкана, верхнее течение реки Аракс, Присеванский район и т. д.

Особенно большое число коней (10408) упоминается в малопонятной надписи Сардури II (УКН, 155 С).

Таким образом, и в Сардуровской летописи, как и в летописи Аргишти, упоминается в основном приурмийский район, Тайк, Севан, Ленинанкан и верхнее течение реки Аракс. Обе летописи дают все основания утверждать, что указанные области имели очень развитое скотоводство и коневодство. После захвата указанные страны включались в состав Урарту (иногда, временно) и на них накладывалась подать в том числе и на кони, что видно из вышеприведенного примера страны Диаухи. Необходимо отметить, что и более ранние надписи сообщают о захвате коней и в вышеуказанных областях (см. УКН, 20, 38, 24) Лошади упоминаются и в табличках, обнаруженных из раскопок Кармир-блур. Так, лошадь упоминается в тексте таблички, обнаруженной в 1949 году¹⁹. Дважды лошадь упоминается и в тексте 32-строчной таблички, найденной здесь в 1957 году²⁰. Если урартские тексты в основном сообщают о лошадях, захваченных в покоренных странах, то о внутренних областях они ничего не говорят. Об этих районах много сведений приводится в ассирийских источниках, где упоминаются многие районы Армянского нагорья эпохи Наири-Урарту с развитым коневодством. Причем в указанных источниках упоминаются и некоторые районы, не входящие территориально в Армянское нагорье, но находящиеся под эгидой Наири-Урарту. Таким образом, по ассирийским источникам упоминаются следующие страны, входившие в состав Наири-Урарту, которые мы приводим в направлении с юго-востока на северо-запад.

¹⁹ Б. Б. Пиотровский, Раскопки Кармир-блур, вып. III, стр. 75, 76.

²⁰ Н. В. Арутюнян, ук. соч., стр. 189.

1. Тумме—район верхнего течения рек Большого и Малого Заба и верховьев реки Диалы. Упоминается Тиглатпаласаром I в связи с захватом коней, АВИИУ, 11, Ашшурнасирипалом II в связи с получением дани лошадьми, АВИИУ, 23 (1, 54), лошади упоминаются и в других странах, расположенных в верховьях реки Диалы. Так, Шамши-Адад V упоминает о захвате упряжных лошадей у племен, расположенных между рекой Диалой и озером Урмия, АВИИУ, 34 (III поход).

2. Нирбу—область, расположенная в верховьях реки Тигра. Дважды упоминается Ашшурнасирипалом в связи с наложением дани, в перечне которой имеются и лошади, АВИИУ, 23 (II—2).

3. Нирдун—расположен в верховьях Тигра, упоминается Ашшурнасирипалом II в связи с получением дани, в том числе лошадьми, АВИИУ, 26 (об., 36).

4. Мукания расположена в районе Шернах-Дага севернее горы Джуди-Даг, о захвате коней из этой области сообщает Тиглатпаласар III, АВИИУ, 41 (176).

5. Гора Нибур—расположена южнее озера Ван. Упоминается Тиглатпаласаром III в связи с захватом коней, АВИИУ, 41 (176, примечание 14).

6. Бит-Буритиш—расположен в горах малоазиатского Тавра, упоминается Саргоном II в связи с захватом 100 колесниц, что позволяет предположить о наличии упряжных коней, АВИИУ, 46, 165.

7. Страна манеев—расположена юго-восточнее озера Урмия, упоминается Шамши-Ададом V в связи с получением отсюда упряжных коней, АВИИУ, 34, (III поход). Трижды упоминается Саргоном II в связи с захватом коней и получением дани лошадьми и упряжными конями, АВИИУ, 49 (6, 51 46) (165). Дважды упоминается и Ашшурбанипалом в связи с захватом лошадей, АВИИУ, 72 (II, 95—3.26), 73—III, 16—IV, 14. Необходимо отметить, что в ассирийских источниках упоминаются и страны, находящиеся между страной Маннеев и Ассирией, АВИИУ, 46 (165).

8. Гилзан—расположен западнее озера Урмия, упоминается Тукульти-Нинурта II в связи с захватом 2720 коней, АВИИУ, 22, дважды упоминается Ашшурнасирипалом II в связи с получением дани лошадьми, АВИИУ, 23 (II, 80). Четы-

режды упоминается Салманасаром III в связи с получением дани упряжными лошадьми и конями, АВИИУ, 27 (1,27), 27 (II, 60) и 28 (174).

9. Хабхи—расположено юго-восточнее озера Ван. Упоминается Тиглатпаласаром I и Ададнерари II в связи с получением дани лошадьми, АВИИУ, 12 и 21.

10. Хубушкиа—расположена южнее озера Ван, в долине реки Бохтан. Дважды упоминается Ашшурнасирпалом II в связи с получением дани лошадьми, АВИИУ, 23 (I, 56, и 23, II, 80). Салманасаром III, АВИИУ, 27 (III, 63), Шамши-Ададом V, АВИИУ, 34 (III поход) и трижды—Саргоном II в связи с получением дани лошадьми, АВИИУ, 46 (121, 49) (306 и 54 (28)). В указанных надписях встречаются термины: лошади, кони, упряжные лошади и подъяремные кони.

11. Пантери—расположено рядом с Хабхи между озерами Ван и Урмия, упоминается Тиглатпаласаром I в связи с получением дани лошадьми, АВИИУ, 12.

12. Химуа—расположена рядом с Хабхи, между озерами Ван и Урмия. Упоминается Тиглатпаласаром I в связи с получением дани лошадьми, АВИИУ, 12.

13. Бит-Замани—расположено в верхнем течение реки Тигр. Дважды упоминается Ашшурнасирпалом II в связи с получением дани колесницами, упряжными конями и лошадьми, АВИИУ, 23 (II, 2) и 26 (об. 36).

14. Шупре—расположено в современном Сасуне. Упоминается Ашшурнасирпалом II в связи с получением дани колесницами и конями, АВИИУ, 23 (II, 2).

15. Арзашку — расположено северо-восточнее озера Ван (?). Упоминается Салманасаром III в связи с захватом у Араму Урартского колесниц, всадников и лошадей, АВИИУ, 27 (II, 45).

16. Занзиуна—расположена около Армарили, восточнее озера Ван, упоминается Салманасаром III в связи с получением упряжных коней, АВИИУ, 27 (II, 54).

17. Район восточной Каппадокии. Трижды упоминается Салманасаром II в связи с получением колесниц, лошадей и мулов, АВИИУ, 54 (28, 72 II, 68—80).

18. Улху—расположено около современного Маранда (?). Упоминается Саргоном II в связи с сообщением, что Руса I

пустынные земли этой страны превратил в роскошные луга и пастбища, устроив загон для своих коней, АВИИУ, 49 (199).

19. Армянский Тавр (?). Упоминается Тиглатпаласаром III в связи с захватом коней, АВИИУ, 41 (176).

20?. Дайаэни (ур. Диауехи)—расположено в районе Тэй-ка. Упоминается Тиглатпаласаром I в связи с сообщением о покорении стран Наири от Тумме до Дайаэни и получении дани упряжными лошадьми, АВИИУ (IV, 43).

Все сказанное дает возможность утверждать, что в Урарту было развитое коневодство, что давало возможность этой крупной державе Древнего Востока содержать могущественную и первоклассную для своего времени конницу, куда входили отборные кони, а забракованные шли на нужды обоза и хозяйства. В обычной хозяйственной жизни лошади редко использовались для перевозки тяжелых грузов, так как здесь использовались быки. Тяговая сила лошадей была невелика—300 кг (из расчета на пару, не считая повозки)²¹. Однако с таким грузом кони, мало пригодные для широких хозяйственных нужд, могли применяться для военных целей как тяговая сила колесниц, обозных повозок, а в случае необходимости и под выюком²².

Археологический материал позволяет судить и о свойствах урартской лошади. Изучение костных остатков лошадей, обнаруженных на Кармир-блуре, подтверждает существование в Урарту лошадей двух типов: горной лошади небольшого размера с узкими стаканообразными копытами, короткой бабкой и с массивной нижней челюстью и лошади с интродуцированной формой, свойственной равнинной местности²³. По С. К. Дально, высота холки урартской лошади 125, 5 см, относительно маленькая головка шириной 12, 8 см, с маленькими,

²¹ В. О. Витт, Лошади пазырыкских курганов, С. А., XIV, 1958, стр. 192.

²² Подтверждением нашей мысли, что лошади в древней Армении в основном служили для нужд армии, является тот факт, что коневодство Армении, сильно развитое в эпоху существования армянских государств, после их ликвидации переживает регресс. Все основные работы выполняются быками, и лошадь служит лишь для мелких хозяйственных нужд и для верховой езды.

²³ С. К. Даль, Результаты изучения млекопитающих из раскопок урартского гор. Тейшебани. Изв. АН АрмССР, 1952, № 1, стр. 81.

широко раставленными, слегка повислыми ушами. Глаза небольшого размера и резко обращены вперед. Ноги тонкие, легкие и по своему виду относятся к восточному типу. Она наиболее близка к современному типу араба²⁴. Интересно отметить, что лошадь, найденная при раскопках городских кварталов Кармир-блур, отличается от лошадей, найденных в цитадели. Указанная характеристика, данная С. К. Далем, подтверждается находкой замечательной бронзовой головки коня, которая, по мнению Б. Б. Пиотровского, украшала дышло колесницы²⁵. К коневодству в Урарту относится интересная находка 1957 года на Кармир-блуре—щетка для чистки коней. Она представляет собой овальную дощечку с многочисленными отверстиями, в каждой из которых имелось по 10 свиных щетинок²⁶.

Урартская конница имела важное значение в разрешении тактических задач армии, зачастую выполняя главную роль в разрешении задач данного похода. Так, в одном из походов урартской армии в южное побережье озера Урмия участвовало 106 колесниц, 9174 всадников, 2704 пехотинца. В другом походе, направленном на север Закавказья, участвовало 65 колесниц, 15760 пехотинцев и более 1000 всадников²⁷. Как видно из первого примера, конница явно преобладала над пехотой, и вполне ясно, что разрешение основных задач данного похода было возложено на конницу. Пехоте оставалось лишь выбить противника из недоступных для конницы мест и закрепить за собой достигнутый успех. Если в первом южном походе основную задачу выполнила конница, то во втором, северном, эту задачу должна была выполнить пехота. На конницу же в этом случае возлагались лишь разведовательные задачи: несение боевой охраны (что включало в себя также тактическую разведку) и преследование разбитого противника. В связи с этим следует заметить, что урартская конница вместе с армией совершала походы на многие сотни и даже тысячи

²⁴ С. К. Дале, Лошадь времен Урарту из раскопок Кармир-блур. Изв. АН АрмССР (ест. науки), 1947, № 10, стр. 58—59.

²⁵ Б. Б. Пиотровский, Город бога Тейшебы, С. А., 1959, № 2, стр. 179.

²⁶ Там же, стр. 175.

²⁷ Г. А. Меликишвили, УЖН, 22, 24.

километров продолжительностью в 2—3 месяца. Считая, что половина указанного времени использовалась на осуществления целей похода, становится ясным, что армия уделяла на поход не более 15—20 дней, оставляя на обратный путь гораздо больше времени и проходя в день до 30—40 км. Лишь в редких случаях при необходимости урарты могли проходить с наибольшей скоростью—до 80 км в сутки. О подобных переходах известно как из древних источников, так и из опытов современных войн. Так, Саргон II, сообщая о захвате области Сангибуту, пишет: «Между Арцабией и Иртней, высокими горами я отмерил 12 беру ходу, а затем разбил лагерь»²⁸. Интересно также отметить, что войска Саргона II после продолжительного марша, неожиданно напав на войско урартского царя Русы I и разбив его наголову, преследуют его еще на 6 беру (40—45 км)²⁹. Сказанное дает возможность предполагать, что и урарты могли двигаться с подобной скоростью. Однако такие переходы, и то лишь в исключительных случаях, может совершить хорошо натренированная пехота в небольшом количестве и конница (при смене коней), в связи с чем значение последней все более возрастает.

Зародившаяся на рубеже II—I тыс. до н. э. конница первоначально по отношению к колесницам занимала второстепенное место и в соответствии с этим она изображается в строю позади колесниц. Однако дальнейшее подчеркивание роли колесниц как в текстах, так и на изображениях, нам кажется, объясняется традицией и общественным положением колесничих, которые состояли в основном из представителей знати. Начиная с конца IX в. до н. э. конница по отношению к колесницам приобретает все большее значение в выполнении боевых задач. Для подтверждения этого приведем несколько цифровых данных. Так, в сражении хеттов с Рамзесом II в 1312 году в хеттской армии было 3500 колесниц и 20000 пехоты. Ясно, что в указанном сражении основную задачу выполняли колесницы (и они преобладали над только зарождавшейся конницей). В вышеприведенном походе к озеру Урмия в урартской армии было 9174

²⁸ Указанное расстояние 12 беру И. М. Дьяконов считает 85—95 км. См. АВИИУ, ВДИ, 1951, № 2, стр. 335. А. Адонц—65—70 км.

²⁹ И. М. Дьяконов, АВИИУ, 125.

всадника и 106 колесниц. Здесь уже основную задачу могла выполнить только лишь конница, а колесницы в лучшем случае могли выполнять роль ударного кулака, для рассеивания рядов противника. Вполне ясно, что при таком соотношении основную роль уже играет конница. Колесницы, игравшие в ранний период Урарту значительную роль, постепенно уступают свое место коннице, которая становится одним из основных элементов урартской армии, продолжая играть важную роль и в составе войска нового государственного объединения, наследника Урарту—Армении.

Не менее важную роль играли лошади и в таком, на первый взгляд, незначительном деле, как тягловая сила и выючные животные в обозе. Именно лошади, сопровождая войско, на выюках могли переносить провиант и снаряжение. Роль их была особенно велика в условиях бездорожья, где армию не мог сопровождать колесный транспорт. Необходимо учесть, что подобные переходы были кратковременными, когда ударная часть войска наносила внезапный удар, а обоз искал обходные, более удобные пути для соединения с основными силами. Вместе с конями в качестве выючных животных в обозе использовались также ослы и мулы, которые зачастую захватывались в завоеванных областях, для переброски добычи.

Ассирийские источники сообщают о захвате в различных областях Армянского нагорья ослов и мулов именно для указанных целей. Так, Тиглатпаласар III, Саргон II, Ашшурбанипал, Салманасар III и другие часто упоминают о захвате ослов и мулов в таких областях, как Мусасир, где было захвачено около 1000 ослов и мулов (АВИИУ, 46—121; 48—346). Хубушкия (АВИИУ, 27—II, 63), Арзашку (АВИИУ, 27—II, 45), Бит-Замань и Шуприя (АВИИУ, 23—II, 2), Армянский Тавр (АВИИ, 41—176) и ряд других областей.

Имея в виду нетребовательность к корму и большую выносливость, можно говорить о незаменимой роли ослов и мулов в обозе.

КОЛЕСНЫЙ ТРАНСПОРТ

Для развития тяглового транспорта большое значение имело изобретение колеса. Наиболее распространенным является мнение о том, что колесо зародилось от деревянных

кругляков, которые подкладывались под тяжести при их вращении. Это мнение подтверждается и археологическим материалом. Древнейшие колеса изготовлялись из сплошных или составных деревянных дисков. Первоначально колеса не отделялись от оси и вращались вместе с ней. Лишь дальнейшее развитие техники позволило применять вращающиеся колеса на неподвижно закрепленной оси³⁰. На существование в Армении в энеолитическую эпоху монолитных дисковидных колес указывают частые находки в древнейших поселениях глиняных моделей колес от повозок, сами же кузова повозок, изготовлявшиеся из другого материала, до нас не дошли. Глиняные модели колес были найдены в поселениях Шреш-блур, Кюль-тапа, Шенгавит, Горис, а также в нижних слоях Двина, Гарни и др.³¹. Близкие к ним аналогии дают памятники других районов Закавказья и Древнего Востока³².

Ценнейшие материалы по истории колесного транспорта дали раскопки древних курганов на северо-западном побережье оз. Севан, у села Лчашен, проводившиеся под руководством А. О. Мнацаканяна. В этих курганах, относящихся к концу II тыс. до н. э., были обнаружены четырехколесные повозки с дисковидными колесами, двухколесные повозки с подобными же колесами и колесницы, имеющие колеса со спицами.

Грузовые четырехколесные повозки. Древнейшими из четырехколесных грузовых повозок, обнаруженных при раскоп-

³⁰ Г. Чайлд, Древний Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 230.

³¹ Инвент. номера Государственного музея Армении 779/14, 1442/63, 1442/163, 1617/175, 1617/203, 1617/233, 1618/279, 1964/226 и др.; С. Есаян, А. Шагинян, Археологические находки в Зангезуре, С. А., 1962, № 3, стр. 200.

³² А. И. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера, М.—Л., 1956, стр. 128, табл. XV; Г. Чайлд, Древний Восток в свете новых раскопок, стр. 230—235; С. Contenou, Laglyptique syro-hitite, 1922, Paris, табл. I, рис. 3; И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флэтнер, Очерки по истории техники Древнего Востока, М.—Л., 1940, стр. 101; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 81. О. М. Джапаридзе, Арх. раскопки в Триалети в 1957—1958 гг. Тбилиси, 1960, табл. XIX.

ках на территории Армении, являются лчашенские³³. Повозка № 1³⁴, обнаруженная в кургане № 2 (рис. 5), имеет четыре колеса, состоящие из трех кусков диаметром 1,17 м. Средняя массивная часть центра образует бочкообразную выступающую ступицу, через которую проходит круглая часть четырехугольной оси диаметром 10 см. В конце оси имеется отверстие диаметром 3 см, в которое продета круглая деревянная чека, благодаря которой колесо не соскакивает с оси при движении (аналогичные отверстия имеются на осях всех повозок и колесниц). Длина оси—2,1 м. В центральной четырехугольной части оси имеется два паза размером 7 x 1 см, в которые входят шипы, наглухо соединяющие раму кузова с осями. Передняя и задняя оси находятся в наружных частях кузова. Рама держится на подушках (длина—1,08 м, ширина—5 см, толщина—12 см), соединенных вышеуказанными шипами с осью, через которые проходят горизонтальные балки, образующие остов рамы. Внутреннее пространство рамы заполнено поперечно положенными досками, которые образуют основание пола кузова и одновременно укрепляют его. Внутреннее пространство кузова—78 см x 2 м. Небольшой размер кузова обусловлен необходимостью обеспечения проходимости повозки. Концы рамы выступают из подушек на 7 см, и в них просверлены отверстия в 2,5 см для соединения дышла с передком повозки. Таким образом, вся сила тяги падает на раму, точнее, на четыре шипа, соединяющие подушку с осями, которые, естественно, не могли выдержать большой нагрузки. Кузов повозки имеет шатровидный верх, образованный из 11 ажурных подковообразных гибких палок, на каждой из которых имеется 40 продольных четырехугольных отверстий, через которые проходят горизонтальные планки, образуя перекрытие верха.

Повозка № 2 найдена в кургане № 1³⁵ (рис. 6). По внешнему виду она мало отличается от повозки № 1, однако в их

³³ Раскопки А. О. Мнацаканяна, обмеры архитектора Г. Г. Кочояна.

³⁴ А. О. Мнацаканян, Раскопки курганов на побережье озера Севан в 1956 году, «Советская археология», 1957, № 2.

³⁵ А. О. Мнацаканян, Раскопки курганов на побережье озера Севан в 1956 году, стр. 151.

конструкции имеется существенная разница. У рассматриваемой повозки такие же большие колеса на неподвижной оси длиной в 2 м и такой же шатровидный верх. Колеса имеют несколько больший диаметр—1,13 м и также состоят из трех

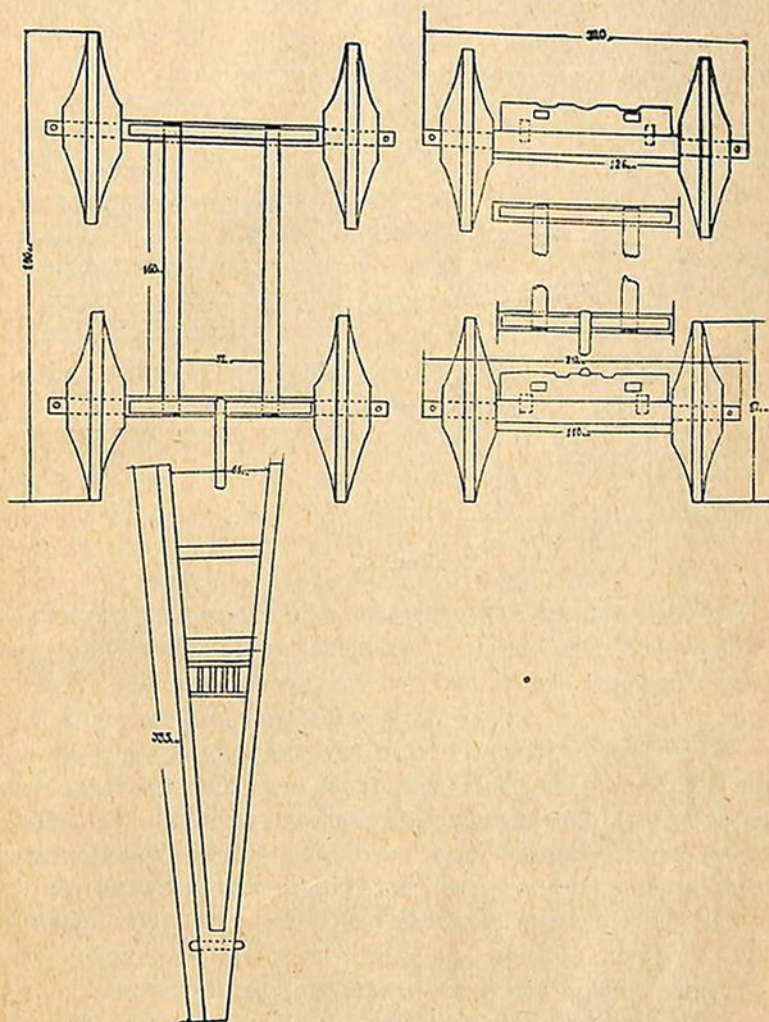

Рис. 5.

кусков, скрепляемых деревянными шипами. Однако так как длина кузова—1,45 м, расстояние между колесами составляет всего 7 см (у первой повозки—70 см). Указанная

форма, как и метод присоединения дышла требовали от повозки большой крепости, но давали ей лучшую проходимость, что отражается и в ее конструкции. Кузов повозки, в отличие от кузова первой, держится не на подушках, а на самих осях. В центральной четырехугольной части (длиной 1,10) вырезано пять прямоугольных пазов шириной в 6 см, в которых сидят продольные балки, образующие остоу рамы.

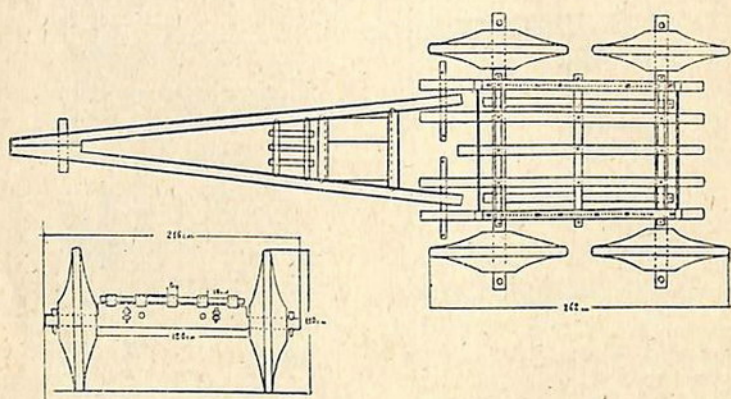

Рис. 6.

Повозка, так же как и первая, имеет шатровый кузов.

Повозка № 3 найдена в кургане № 11. По конструкции она близка ко второй повозке, отличаясь от нее размерами и формой кузова. Колеса рассматриваемой повозки имеют диаметр 1,1 м. Рама, как и на второй повозке, состоит из пяти балок, закрепленных в пазах, вырезанных на осях. Однако в отличие от рамы второй повозки она имеет дополнительные крепления, т. е. обе оси соединены еще двумя планками, проходящими посередине наружных краев осей. Центральная балка выступает спереди повозки над осью на 22 см, а четыре крайние балки—на 53 см, образуя две вилы—по одной с каждой стороны передка, концы которых завершены рельефно выступающими полукруглыми выступами. В указанные вилы входят концы дышла, имеющие, как и концы вил, отверстие, через которое проходит соединяющая их деревянная круглая палка—перемычка. Отверстие на концах дышла шире перемычки, что при движении несколько смягчает жесткую связь дышла с ра-

мой и дает запряженным животным большую свободу движения. Для большой прочности рама и ее балки соединены тремя поперечными планками, края которых выступают из-под бортов кузова на 8 см. В передней оси имеются два отверстия диаметром в 4 см, служившие, по всей вероятности, или для дополнительного крепления дышла, или для привязывания груза. Длина осей—2,6 м, кузова—2,3 м. Кузов рассматриваемой повозки совершенно отличается от кузова остальных повозок, имея не шатровидный верх, а прямые борта, состоящие из рамы высотой 1,05 и длиной 1,56 м. Внутреннее пространство заполнено восьмью горизонтальными и шестью вертикальными планками шириной в 2 см, через которые проходят во всю длину 43 тонкие планочки шириной 1—1,5 см.

В Лчашене, кроме рассмотренных трех повозок, были обнаружены и другие цельные повозки или же их части³⁶. Так, в кургане № 3 были обнаружены дышла и части шатрообразного верха кузова. В кургане № 9 была обнаружена четырехколесная повозка с шатровидным верхом, передние и задние стенки кузова которой были украшены богатой резьбой. Четырехколесная повозка с таким же верхом была обнаружена в кургане № 10. Кузов ее состоял из 16 палок, и некоторые ее детали были орнаментированы спиралями и зигзагами. Колеса указанной повозки диаметром 1,09 м состояли из трех кусков. Рама была образована из пяти балок, вдетых в оси. Таким образом, повозка из кургана № 10 была аналогична рассмотренной выше повозке № 2.

Четырехколесная повозка типа лчашенских известна и из Нор-Геташена (бывш. Адиаман). Она была обнаружена в 1908 г. Е. Лалаяном³⁷, который ошибочно реконструировал ее как трехколесную³⁸. По своим размерам и конструкции она близка к лчашенским повозкам. Отсутствие многих ее частей не дает возможности произвести точную реконструкцию,

³⁶ А. О. Мнацаканян, Древние повозки из кургана бронзового века на побережье озера Севан, «Советская археология», 1960, № 2; С. А. Есаян, Из истории колесного транспорта древней Армении, Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1960, № 3.

³⁷ Ы. Լալայան, укр. соч., стр. 144.

³⁸ С. Есаян, Об одной неправильной реконструкции, Труды Гос. исторического музея Армении, т. 5, стр. 95—102.

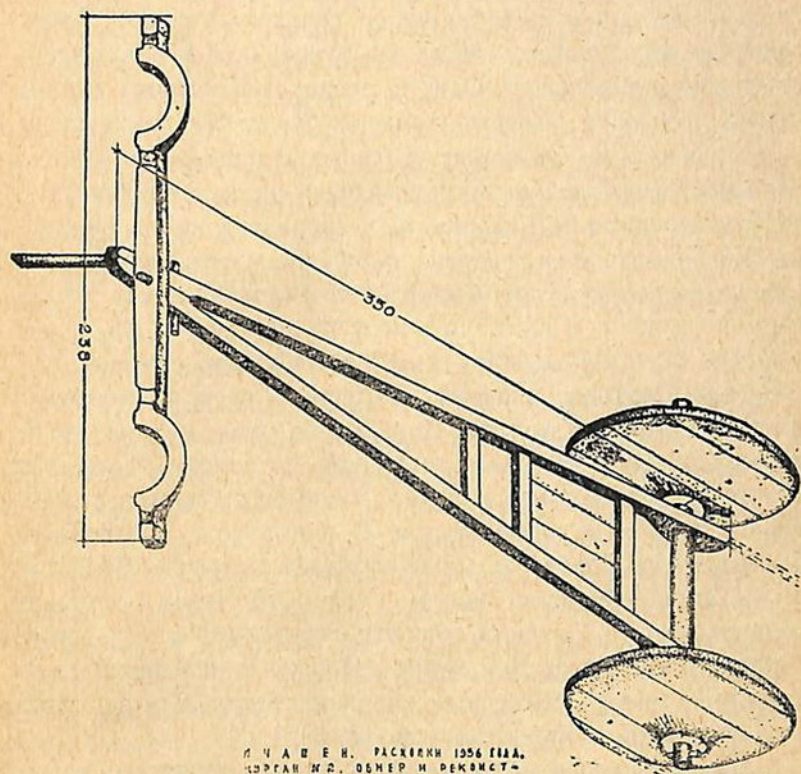
однако общность размеров основных деталей (по обмерам Е. Лалаяна) с лчашенскими дает нам право утверждать их однотипность.

Четырехколесные повозки с массивными колесами продолжали существовать долгое время. Так, на одной из урартских печатей, оттиск которой был найден на Топрах-кале, имеется изображение повозки с массивными дисковидными колесами, состоящими из трех скрепленных между собой кусков³⁹. Борта конусообразного кузова в нижней части забиты планками треугольной формы. Задняя и передняя оси закреплены у наружных концов кузова. По конструкции повозки и по соотношению колес можно предположить, что длина кузова не превышала 2 м. Дышло приблизительно имеет такой же размер. Такое укороченное дышло (в отличие от 3,5 м дышел лчашенских повозок) является техническим преимуществом, так как дает возможность лучшего разворота.

Двухколесные грузовые повозки, обнаруженные в Лчашене, по своей конструкции существенно отличаются как от четырехколесных повозок, так и от двухколесных колесниц. Колеса их, повторяя форму колес четырехколесных повозок, имеют диаметр в 1,17 м. Длина осей достигает 2,35 м при диаметре 8—10 см. Оси круглые по всей длине (в отличие от осей четырехколесных повозок, центральная часть которых имеет четырехугольную форму). Кузов повозки состоит из дышлообразной рамы длиной в 3,5 м, нижние концы которой несколько утолщены и имеют отверстие в 12 см, через которое проходит ось. Таким образом, при данной конструкции колеса свободно вращались вокруг оси, в то время как сама ось была плотно укреплена в отверстиях рамы, однако при резком толчке она слегка поворачивалась в своем гнезде, ослабляя этим удар. Такое соотношение—наиболее правильное решение конструкции при данной связи оси с рамой. Иное решение (например, придание оси четырехугольной формы) было бы неправильным, так как рама, имеющая в нижней утолщенной части 14—16 см, не выдержала бы тяжести груза, особенно при неровной, ухабистой дороге. Внутреннее пространство в нижней части рамы заполнено досками, образуя площадку

³⁹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 210, 278.

размером 1,5 х 1 м. Бортов повозки не имели. Подобная форма повозки обеспечивала ей хорошую проходимость и позволяла брать повороты под любым углом.

И Ч А Ш Е Н. РАСКОВКИ 1956 ГИИЛ.
КУРГАН № 2. ОБМЕР И РЕКОНСТРУКЦИЯ
АРХИТ. КОЧЕВНА Г. К.

Рис. 7.

Рассматриваемые двухколесные повозки были обнаружены во многих курганах: по две в курганах № 2 (рис. 7) и 6 и одна—в кургане №10.

Колесницы. При раскопках в Лчашене были обнаружены также колесницы, древнейшие из известных на Армянском нагорье. Они представлены двумя деревянными колесницами, и тремя бронзовыми моделями.

Колесница № 1 имеет небольшого размера колеса (диаметр—98 см), состоящие из круглой вытянутой ступицы, утолщенной в серединной части, в которую помещены 28 спиц, образованных из прямых тонких планок (толщина—1 см, ши-

рина—2 см, длина—38 см); наружные концы планок вдеты в деревянный обод толщиной в 3 см. Первоначально, до усушки, вероятно, толщина обода была 4—5 см. Ступица имеет длину 43 см и свободно вращается вокруг круглой на концах 2-метровой оси. Центральная часть оси длиной 1,14 м имеет четырехугольную форму и проходит посередине небольшого легкого кузова. На краях четырехугольной части оси закреплены одним шипом небольшие треугольные подушки (по одной с каждой стороны), на которых помещены прямые планки (длина 50 см, толщина 2 см, ширина 4 см), образующие основу кузова. Указанные планки с задней стороны соединены полукруглой планкой, к центру которой закреплялся нижний конец прямого дышла длиной в 3,5 м (на реконструкции—2,62 м)⁴⁰.

Для большой прочности кузова передняя часть также соединена прямой планкой, которая в своей центральной части соединена с дышлом. Внутреннее пространство кузова, по всей вероятности, было заполнено ремненным плетением (так как на указанных планках имеются продолговатые отверстия по 8 штук на боковых и 15—на задних), которое создавало густую и прочную основу кузова размером 1,10 x 0,51 м. Кузов имел невысокие борта с трех его сторон, оставляя открытой переднюю часть, так что люди сидели в нем, свесив спереди ноги. В этом отношении лашенские колесницы напоминали эламские, известные нам по изображениям на рельефах ассирийского царя Ашшурбанипала⁴¹.

Ременное переплетение остова, кроме прочности, создавало еще великолепную амортизацию и давало возможность проезжать по любой ухабистой местности. Рассматриваемая колесница является большим техническим достижением своей эпохи, хотя и имеет по сравнению с более поздними урартскими некоторое несовершенство; основное в том, что кузов колесницы соединяется с осью двумя шипами, в то время как дышло соединяется только с кузовом (дышло соединено с осью посредством небольшого желобка). При столкно-

⁴⁰ Длина дышла в 3,5 м была взята нами из реконструкции архитектора Г. Кочояна и кажется более точной. Во время раскопок (курган был раскопан нами совместно с Л. Карапетяном) верхний, сломанный конец дышла не был обнаружен.

⁴¹ Т. Д. Baggett, ук. соч., табл. 135.

вении на большой скорости с каким-либо препятствием колеса с осью могли с легкостью вылететь из-под кузова.

Колесница № 2 по форме повторяет собой описанную выше колесницу, отличаясь от нее лишь размерами и формой ступиц и, по всей вероятности, является более ранним видом. Колеса имеют диаметр 1,02 м с такими же 28 спицами. Ступица массивная, бочкообразная, диаметром в 20 см. Ось длиной в 2,10 м на наружных концах круглая и имеет диаметр до 8 см. По конструкции кузов рассматриваемой колесницы такой же, как и на колеснице № 1, отличаясь от нее несколько большим размером (1,06 x 0,9 м). Соединяется с осью тем же способом, как и на первой колеснице. Длина сохранившейся части дышла 1,62 м.

Модели колесниц. В лчашенских курганах обнаружены также три бронзовые модели колесниц, первая из них в кургане № 1⁴². Она стоит на отдельно отлитой прямоугольной небольшой площадке (9,4 x 6 см) с резными бортами и в нижней части имеет массивный штырь для закрепления на дышле повозки. Колесницы имеют небольшой кузов, закрытый с трех сторон высокими прорезными бортами, оставляя четвертую, заднюю сторону открытой. В кузове помещены два воина с кинжалами и в высоких гребенчатых шлемах. Они держатся одной рукой друг за друга, а другой — за шлемы. В центре задка помещен выступ, помогающий воинам вскочить на колесницу. Способ соединения кузова с осью аналогичен примененному на рассмотренных выше деревянных колесницах. Колеса массивные, с восьмью спицами. Дышло сильно изогнуто. Колесница запряжена двумя конями, находящимися под ярмом. На дышле прикреплены четыре фигурки птиц.

Вторая модель колесницы в основном повторяет форму первой, отличаясь от нее размером и некоторыми деталями. Она стоит на такой же прорезной площадке, имеющей, в отличие от первой, не штырь, а якоробразную подставку. Колеса имеют также восемь спиц, однако они отличаются своей легкостью. Стоящие в кузове воины опираются о высокую стойку, закрепленную в передке кузова. Задок кузова совер-

⁴² А. О. Минацкая и др., Раскопки курганов на побережье озера Севан в 1956 году, стр. 150—151, рис. 8.

шенно открытый. Закрепленное к передку кузова дышло сильно выгибается вверх и соединяется с ярмом, в которое впряжены две лошади. Впереди колесницы имеется фигурка бегущего оленя.

Модель третьей колесницы стоит на такой же площадке, как и вторая, и имеет такую же якоробразную массивную подставку. Однако сама колесница существенно отличается от двух описанных. У нее такой же кузов, как и у первой модели, с высокими бортами, защищающими двух воинов, стоящих в кузове. Однако у нее прямое дышло, что сближает ее с деревянными колесницами, и колеса с шестью спицами. Впереди лошадей, запряженных в ярмо, помещена фигура оленя, изображенного в движении, создавая впечатление преследуемого животного.

Сравнение деревянных колесниц из курганов с бронзовыми моделями боевых колесниц указывает, что они не были боевыми колесницами. У всех деревянных колесниц, относящихся к тому же периоду, что и бронзовые модели, кузов открыт спереди, в то время как на моделях—сзади. Эта форма кузова имеет большое практическое значение, так как, защищая спереди фигуры колесничих, одновременно дает им возможность в случае необходимости спрыгнуть на ходу с колесницы. Кузова же деревянных колесниц, наоборот, открыты спереди, и люди могли в них лишь сидеть. Это были легкие повозки на ажурных колесах наподобие дрог.

Боевые колесницы, как мы знаем, всегда имели большую ценность и, естественно, их не клали в могилу, а заменяли моделью.

Лчашенские колесницы являются в настоящее время единственными, но аналоги их описываются в письменных памятниках, сохранились также их древние изображения и модели (модель из Угарита, хеттские колесницы на рельефах Рамзеса II, эламские колесницы на рельефах Ашшурбанипала и др.).

Таким образом, лчашенские колесницы, несомненно, изготовлявшиеся на месте, были связаны с колесницами, широко распространенными в Передней Азии. Они делятся на два типа:

1) боевые колесницы с колесами на 6—8 спицах с кузовом, открытым сзади, имеющие прямое или изогнутое дышло.

2) деревянные колесницы с 28 спицами, с прямым дышлом, представляющие собой легкие дроги.

В более поздний период на Армянском нагорье и в Закавказье были широко распространены урартские колесницы, но в эпоху лчашенских курганов еще не было влияния урартской культуры и местная культура была тесно связана не югом, а с западом, с областями хеттского мира. С начала же I тыс. до н. э., когда все Армянское нагорье было включено в состав Урарту, повсеместно получила распространение колесница ассирийского типа. Сравнение ассирийских и урартских колесниц выявляет лишь незначительную разницу, выраженную в основном в размерах кузова. В ассирийских колесницах помещались три, а иногда и четыре воина, что свидетельствует о применении их в основном в равнинной местности. Урартские колесницы, применяемые в основном в горных районах, имели меньший размер, но лучшую проходимость. Весьма возможно, что меньший размер урартских колесниц связан со стремлением приблизить тяжелые колесницы к легким войскам (коннице, легкой пехоте) и сделать более проходимыми в горах.

Близкое сходство колесниц Ассирии и Урарту указывает и на то, что колесницы местных племен не могли иметь в своей конструкции существенной разницы. Урартские колесницы известны по многочисленным упоминаниям в клинописных текстах. Ни колесницы, ни их модели до нас не дошли, однако в довольно большом количестве имеются их изображения, сохранившиеся на различных предметах искусства. Изображение урартской колесницы имеется на одном плохо сохранившемся оттиске печати из Топрах-кале (Ван)⁴³. Остальные колесницы изображены на обнаруженных в Кармир-блуре шлемах и колчанах⁴⁴, как и на фрагментах поясов из урартского колумбария в Нор-Ареше (Ереван)⁴⁵.

Все указанные изображения колесниц схожи друг с дру-

⁴³ Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 207.

⁴⁴ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II табл. 15.

⁴⁵ Հ. Մարտիրոսյան, Հ. Մարտիրոսյան, ук. соч., стр. 75, табл. 4.

гом и лишь незначительно отличаются в деталях внешнего оформления. По своей конструкции они очень близки к позднеассирийским колесницам. У всех колесниц колеса имеют массивный ободок с восьмью гладкими спицами (за исключением колесницы, сохранившейся на оттиске печати из Топрак-кале, где спицы фигурные) и небольшой легкой кузов. Судя по всем изображениям, можно предположить, что задок кузова был открыт. Сам кузов представляет собой невысокий прямоугольный ящик, высота которого (по пропорции стоящих в ней воинов) достигает 50—60 см.

Кузов колесниц, изображенных на поясе из Нор-Ареша, несколько отличается от кармир-блурских тем, что у них передок несколько округлен. Дышло, соединенное с передком, сильно выгнуто вверх. К сожалению, изображение не дает возможности установить, соединяется ли оно с задком и осью или нет. Ось в отличие от осей лчашенских колесниц находится не в центре кузова, а у заднего края. По изображениям можно восстановить и приблизительные размеры урартских колесниц, беря в основу пропорцию фигур воинов. Если взять в основу средний рост воинов—1,7 м (что составляет на изображении 1 мм—15 см), то окажется, что высота бортов кузова составляет 50 см (на изображении—3 мм). Исходя из этого расчета ширина кузова составляет 75 см (на изображении—5 мм), диаметр колес 1,4 м (на изображении—9 мм), длина дышла, считая от передка, до 2,5 м (на изображении—17 мм). Интересно отметить, что размеры изображений колесниц как из Кармир-блур, так и из Нор-Ареша полностью совпадают, хотя изображения изготовлены в разное время и разными мастерами.

Кроме урартских изображений на территории Армении, имеются изображения рассматриваемой эпохи на местных памятниках. Так, схематические изображения двухколесных колесниц имеются на бронзовых поясах, на одном поясе из Ахталы⁴⁶, давно известном, и из Лчашена и Степанавана, случайно найденных в 1960 г. Колесницы близки к урартским; они имеют сильно вогнутое дышло, количество же спиц (четыре) следует объяснить схематически изображением.

⁴⁶ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 208.

Еще большей схематичностью отличается колесница на одном сосуде, найденном около Дилижана. Она имеет два дисковидных колеса, помещенных в центре кузова. Кузов прямой спереди, задняя часть полукруглая (очевидно, была закрыта с трех сторон, оставляя открытой переднюю часть). К передку кузова прикреплено массивное дышло, соединенное с ярмом, в которое впряжены два стилизованных животных. В кузове помещена человеческая фигура с распростертыми руками⁴⁷.

Таким образом, мы имеем вполне определенные материалы, позволяющие установить развитие в Армении искусства изготовления колесниц.

Примитивные четырехколесные повозки из лчашенских курганов представляют наиболее ранний тип средств перевозки тяжестей. Эти повозки являются погребальными, однако, без сомнения, они имеют ту же конструкцию, что и использовавшиеся в хозяйстве, отличаясь от них лишь богатым видом.

Четырехколесные повозки использовались и в Урарту, однако они по сравнению с лчашенскими имели несколько укороченное дышло, что способствовало лучшему передвижению в горах. Наряду с четырехколесными повозками применялись и двухколесные с круглой осью, сидящей в гнездах на конце рамы. Указанные повозки в основном использовались для перевозки тяжелых и громоздких грузов.

Начиная со II тыс. до н. э. на территории Армянского нагорья появляются колесницы. Однако имеющийся материал не позволяет нам проследить все этапы их развития. В середине II тыс. до н. э. на этих колесницах чувствуется влияние хеттской культуры, а с I тыс. до н. э. широкое распространение получили колесницы ассиро-урартского типа, богато представленные памятниками изобразительного искусства

⁴⁷ А. О. Минацкая и др., Раскопки могильников в селении Головин, Труды Гос. исторического музея Армении, т. 5, стр. 48, рис. 28.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенного материала можно прийти к следующему заключению.

Начиная с III тыс. до н. э. в связи с вооруженными столкновениями, происходящими в основном нерегулярно из-за недостатков пастбищ, удобней или съестных припасов, не носящих еще характера войн, начинается развиваться производство предметов вооружения.

Оружие охоты—лук, копье, применявшееся в целях самозащиты, совершенствуется на месте и под влиянием более развитых южных племен. Появляются новые типы вооружения: топоры, кинжалы и булавы, служившие не только в целях самозащиты, но и нападения. Характерным оружием для рассматриваемой эпохи являются круглые в сечении костяные стрелы с большим черенком для насадки на древко и обсидиановые наконечники с асимметрично выемчатым основанием и коротким черенком, шаровидные, грушевидные и дисковидные каменные булавы, округлые в сечении и с обрубленным концом, покатыми плечиками и коротким язычком кинжалы, черенковые копья и проушные топоры клиновидной формы.

Указанное вооружение, будучи местной продукцией, выявляет тесные связи с Закавказьем, Северным Кавказом и памятниками Передней Азии и Месопотамии. Необходимо подчеркнуть, что указанные связи имели место и в более раннюю эпоху. Особенно тесные связи наблюдаются с Месопотамией, под культурным влиянием которой у нас появляются, в частности, проушные топоры и черенковые копья. Связи с другими странами указывают на общность культуры для рассматриваемого времени. Армения, имевшая непосредственные границы с северными районами Месопотамии, ско-

рее усваивала новшества техники и, перенимая их, передавала дальше на север. Эту роль, как увидим ниже, она продолжала выполнять и позже, особенно в урартский период. В это же время на Армянском нагорье завершается еще в IV тыс. до н. э. приручение тягловых и выючных животных, вследствие чего появляется колесный и выючный транспорт, сыгравший определенную роль для развития хозяйственной жизни, а впоследствии,—в военном деле. Особенно большое значение приобретает лошадь—тягловая сила боевых колесниц и конница.

Процесс развития военного дела и вооружения усиливается с разложением родового строя, появляются новые типы вооружения. В конце III тыс. до н. э. наряду со старыми образцами появляются вислобушный и трубчато-обушные топоры, а также клевцы, представляющие собой топор-мотыгу и топор-кирку, которые применялись в ранний период в хозяйстве, особенно в горнорудном деле, а впоследствии, в связи с развитием военного дела, поступили на вооружение армии: служили для постройки дорог, разрушения крепостей и т. д.

В связи с распространением кинжалов, топоров, копий и другого наступательного вооружения появляется насущная необходимость защитного вооружения. Наиболее ранними видами его являются латы, известные с древнебронзовой эпохи, служившие для защиты груди и живота воинов. Исходя из конструкции более поздних панцирей рассматриваемого типа, можно установить, что латы защищали воина лишь спереди. Это говорит о том, что бои велись группами или парными схватками и отсутствовали регулярные формы ведения боя. С появлением племенных союзов и их дружин начинают появляться новые типы вооружения, а вместе с этим меняются также формы ведения боя.

С середины II тыс. до н. э. появляются листовидные и рамочные кинжалы так называемого переднеазиатского типа и втульчатые копья. Первая находка подобного копья происходит из Кировакана и датируется серединой II тыс. до н. э. Необходимо указать, что черенковые копья на юге исчезают в конце III тыс. и уже в начале II тыс. до н. э. заменяются втульчатыми. Нам кажется, что отсутствие втульчатого копья в Армении (и Грузии) объясняется малочисленностью

памятников указанного периода (первая находка относится к XV в. до н. э.). Наряду с предметами, характерными для раннего периода, появляются и новые типы вооружения, представленные импортными рапирами, боевыми топорами типа шамшадинских и кироваканской полусекир, послужившие основой для зарождения секировидных топоров. С указанного же времени на основе кинжалов, принявших удлиненную форму, появляются мечи. Это стимулировалось развитием военного дела и развившегося металлургического производства. Определенное влияние, без сомнения, оказали также уже применявшиеся рапиры.

В последней четверти II тыс. до н. э. наряду со старыми видами вооружения появляются новые типы, особенно защитные. Старые формы вооружения видоизменились, образуя новые типы. В рассматриваемую эпоху появляются миндалевидные, подтреугольные выемчатые кремневые и обсидиановые, а также плоские и ребристые бронзовые стрелы, бронзовые экземпляры старых образцов шаровидных и грушевидных булав, и, благодаря возможности металла принимать при отливке любую форму, более роскошного вида формы—ребристые, шиповидные, лепестковидные булавы. Втульчатые копья развиваются далее и с указанного времени образуют три новых типа, прочно вошедших в состав вооружения и применявшихся также в последующие эпохи. Кинжалы принимают более широкую форму, и наряду с рамочными и листовидными появляются подтреугольные с круглой полый рукоятью. Прочно входит в состав вооружения секира со своими многочисленными вариантами.

Под влиянием топора, булавы, копий и другого вооружения особое развитие получает защитное вооружение. Шлемы, имеющие различные варианты, схожие по своим типам с хеттскими образцами, имеют отличительные черты, что доказывает их местное происхождение. Появляются также щиты, которые по своим внешним формам схожи с ассирийскими образцами, но по способу применения—с хеттскими. Развиваются также латы, принявшие форму рубах, обшитых бляхами и пуговицами.

В состав вооружения входят также боевые колесницы, ко-

которые по своим техническим данным приближаются к хеттским.

Необходимо указать, что в рассматриваемое время наряду с прежними традиционными связями с Месопотамией племена Армянского нагорья испытывают сильное влияние могущественного Хеттского государства и устанавливают новые культурные связи с иранскими племенами (Луристан).

В отличие от предыдущего периода в столкновениях и сражениях участвует не все население, а специальные группы, в основе которых еще лежит родовая сплоченность. Воины для боя образуют глубокие построения в форме одной или нескольких колонн (степанаванский пояс), хотя каждый воин и в строю действуя почти в одиночку, не выступает еще плотной стеной.

В конце II—начале I тыс. до н. э. появляются новые формы вооружения: костяные четырехугольные плоские с округлым или плоским средним ребром черенковые стрелы, зубчатые булавы, кинжалы севанского типа, копья с удлиненной втулкой, железные мечи с вильчатой рукоятью и мечи закавказского типа, украшенные волютами. В указанное время начинают исчезать секиры. Появляются новые формы защитного вооружения—латы, обшитые бляхами и листовидными пластинами, и щиты ассирийского типа.

Указанный период характеризуется высоким развитием бронзовой индустрии и появлением железного вооружения—кинжалов. Усиливается ассиро-урартское влияние. Вооружение племен Армянского нагорья, близкое к хеттскому, с конца IX в. до н. э. приближается к ассирийскому, т. е. восстанавливаются традиционные связи с Месопотамией, делаются более тесными с Загро-Эламским миром и, наоборот, ослабляются с западом. Развивающееся железное вооружение является в подавляющем большинстве имитацией предметов высокоразвитой бронзовой индустрии.

С появлением Урартского государства связано зарождение регулярной армии, делившейся на пехоту, колесницы—конницу и инженерные войска. Кроме основных родов войск, урартская армия имела также обоз и разведку.

Урартская армия, вооружавшаяся в ранний период по хеттскому образцу, уже с VIII в. до н. э. перенимает ассирий-

скую технику. Появляются новые типы оружия. Доминирующим становится железное. Появляются цельноотлитые железные мечи с бронзовыми обоймами, придающими ему форму вильчатых мечей. Все наступательное оружие, кроме части стрел, производится из железа. Защитное вооружение остается по-прежнему бронзовым. Основные связи урартов в указанное время с Ассирией. Более тесные связи устанавливаются с Загро-Эламским миром и Закавказьем, причем, как и в ранний период, племена Армянского нагорья остаются передатчиками высокой культуры с юга на север. Наряду с традиционными связями устанавливаются новые. Так, в урартской армии и у местных племен (находящихся под сильным влиянием урартского производства) появляются элементы скифского вооружения: стрелы, акинаки, топоры. Скифские топоры вместе с урартскими железными топорами вытесняют секиры. Появляются новые типы защитного вооружения: чешуйчатые панцири, круглые щиты и конические шлемы.

В составе урартской армии все большую роль начинает играть конница. Колесницы, имевшие первоначально форму хеттских, также становятся ассирийского типа. Сравнение ассирийских и урартских колесниц выявляет лишь незначительную разницу, выразившуюся в основном в размерах кузова. В ассирийских колесницах помещались три, а иногда и четыре воина, что свидетельствует о применении их в основном в равнинной местности. Урартские колесницы, применявшиеся главным образом в горных районах, были меньших размеров, но лучшей проходимости. Весьма возможно, что меньший размер урартских колесниц связан со стремлением приблизить тяжелые колесницы к легким войскам (конница, легкая пехота) и сделать более проходимыми в горах.

Зародившаяся на рубеже II и I тыс. до н. э. конница первоначально по отношению к колесницам играла второстепенную роль. Она изображается в строю позади колесниц. Однако дальнейшее подчеркивание роли колесниц в текстах и на изображениях нам кажется традицией и объясняется общественным положением колесничих, которые составлялись в основном из представителей знати. Начиная с конца IX в. до н. э. конница по отношению к колесницам приобретает все большее

значение в выполнении боевых задач, зачастую самостоятельно решая указанные задачи.

Наряду с коневодством в Урарту также сильно развивается выючный и тягловый транспорт, который играл большую роль в хозяйстве и имел важное значение в военном деле, служа обозом во время военных действий. Определенную роль играют также инженерные войска, выполняя большие задачи в дорожном строительстве, мостостроении, постройке укреплений, крепостей, а также в разрушении их в захваченных областях и странах.

Вооружение племен Армянского нагорья становится в урартский период близким с урартским, особенно в производстве железного вооружения, хотя в своем подавляющем большинстве берется за основу вооружение бронзовой эпохи.

Таким образом, рассмотренные предметы вооружения, хранящиеся в богатых фондах Государственного и краеведческих музеев Армении, охватывают почти трехтысячелетний промежуток времени. Появление и формы их несколько связаны с общим развитием переднеазиатской металлообработки, и поэтому различные группы предметов вооружения выявляют самые широкие связи в пределах Армянского нагорья.

Несмотря на это, громадная коллекция оружия из указанных музеев представляет собой типы, возникшие на переднеазиатской почве, но постепенно развившиеся в самостоятельные формы оружия, которые образуют самобытный и глубоко локальный облик вооружения, широко производившегося на месте.

Публикация этого богатого материала может в то же самое время пролить свет на многие вопросы, связанные с изучением предметов вооружения и защиты сопредельных областей древней культуры.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

Абхазия — 60, 99, 105	Артик — 17, 36, 54, 59, 60, 65,
66, 69, 82, 86, 87, 100, 103
Адиаман — 11, 35	Арчадзор — 36, 46, 75
Азербайджан — 121	Ассирия — 19, 24, 25, 71, 95,
104, 105, 107, 141
Айриванк — 21, 48, 65	Астрабад — 32
Аккад — 58	Астрахан-базар — 52
Алаверди — 32, 36, 38, 54, 67,
76, 86, 87,	Астхадзор — 20, 22, 24, 48, 55,
74, 75
Аладжа — 52	Ахтала — 36, 42, 103, 142
Алигрых — 82	Ацарат — 75
Алишар — 52	Ашшур — 32, 71
Алтын-тепе — 43	
Ангегакот — 16, 24, 60	Базмаберд — 46, 57
Андрюковская — 29, 41	Барцреван — 74
Ани — 82	Басаргечар — 25
Арагац — 9, 11	Бердадзор — 28
Аракс — 8, 9, 123, 124	Бешташен — 19, 24, 45, 46, 49
Араратская долина — 29	Бжни — 66
Арин-берд — 48	Библи — 25, 62
Армавир — 7, 18, 60	Ближний Восток — 10
Армения — 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12,
13, 15, 16: 26, 27, 28, 29, 30, 32,
36, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48,
49, 51, 55, 58, 61, 62, 66, 70,
72, 73, 77, 78, 82, 84, 85, 87, 90,
96, 99, 103, 130, 131, 132,
142, 143, 144, 145	Богазкей — 14, 18, 41, 97
Армянское нагорье — 5, 8, 9, 11,
12, 35, 39, 42, 51, 77, 78, 80,
90, 100, 103, 104, 105, 119, 120,
121, 124, 137, 141, 143, 145,
147, 148, 149	Богви — 71
	Булгария — 32
	Вавилон — 57
	Ван — 42, 113, 126, 141
	Вардакар — 74
	Великент — 52, 53
	Венгрия — 32
	Веремье — 32

* В список не вошли названия племен Урарту.

Воздвиженская — 14
Ворнак — 16, 21, 23, 26, 36,
48, 66, 76, 84, 85, 87

Газа — 35, 71
Галашка — 35
Галнат — 71
Галиция — 32
Гари — 35, 71
Гарни — 7, 8, 28, 45, 119, 131
Головино — 24, 26, 41, 63, 88,
100, 104
Гори — 44
Горис — 16, 23, 74, 75, 131
Горный Кавказ — 8, 9
Грма-Гела — 35
Грузия — 32, 39, 145
Гудаберка — 44, 45

Дагестан — 24, 41, 61, 71, 75, 90
Дауд-Кепрю — 35
Двин — 7, 42, 51, 131
Двуречье — 119
Джархеч — 17, 18, 53, 76
Джуджеван — 66
Дзорагет — 78
Диала — 125
Дилижан — 16, 17, 18, 23, 24, 26,
48, 69, 103, 143
Дманиси — 48
Древний Восток — 19, 70, 108,
121, 131

Европа — 8, 31
Евфрат — 109, 114
Египет — 71
Ереван — 6, 25, 98, 141
Ерзынка — 43

Загес — 13
Закавказье — 8, 10, 13, 15, 19,
22, 26, 28, 29, 35, 38, 42, 49,
55, 78, 80, 99, 100, 103, 128,
131, 141, 144, 148
Зангезур — 9, 11, 16, 36, 69
Зейва — 59, 73
Зенджирли — 19, 41, 94

Золакар — 22, 74, 75

Игдыр — 25
Иджеван — 38
Индия — 29
Иран — 8, 9, 71, 85

Кавказ — 39, 49
Казах — 49, 85, 90
Калакент — 90
Калху — 53
Калис — 52
Кам — 13, 16, 17, 22, 25, 26,
42, 46, 48, 53, 54, 55, 60, 61,
65, 69, 72, 74, 75, 76, 82
Кара-Гассан — 14
Кармир-блур — 17, 25, 40, 42,
43, 46, 48, 53, 55, 84, 94, 95,
96, 98, 101, 102, 104, 106: 107,
124, 127, 128, 141, 142
Кармир-Ванк — 10, 53, 70, 83
86, 87
Карс — 30, 123
Кархемыш — 8, 14, 97
Кафан — 73
Кахетия — 66, 71
Качаган — 24, 79
Каякент — 8, 53
Квасатали — 71
Кедабек — 19, 24, 26, 46, 47, 48,
65, 71, 75, 83
Кети — 28, 36, 42,
Киев — 32
Кипр — 8, 14, 62, 96
Кирги — 90
Кировабад — 36, 38, 42, 74
Кировакан — 10, 14, 15, 16, 18,
20, 26, 33, 42, 51, 53, 61, 74,
75, 87
Киш — 31
Колхида — 52
Корниси — 65, 69
Корягино — 57
Ксемахи — 16
Кулбакеби — 29, 44
Кюль-тапа — 7, 8, 28, 35, 43,
44, 45, 49, 51, 120, 131

Кура— 89.
Курвин — 83
Куртан— 41
Куша — 82
Кюрдара— 30

Лагарш — 58
Лалвар — 84
Ленинакан — 9, 16, 25, 29,
30, 33, 40, 46, 61, 76,
90, 119, 124
Ленкорань — 8, 19, 24, 49, 81
Луговое — 44
Луристан — 147
Лчашен — 11, 15, 16, 20, 31, 36,
38, 43, 46, 52, 54, 57, 62, 70, 80,
82, 86, 87, 90, 100, 103, 131,
135, 136, 137, 142

Майкон — 32
Маймуджуг — 46, 48
Макарашен — 16, 23, 24, 46, 54,
76
Малая Азия — 5, 8, 10, 71, 120
Маралын Дареси — 43
Мари — 8, 119
Мартуни — 30
Мегида — 18, 24
Месопотамия — 8, 9, 15, 30, 144,
147
Мшигечаур— 8, 19, 24, 36, 39, 44,
47, 52, 69, 74, 75, 85, 90
Мохашевский — 29
Мохенджо-даро — 32
Мугань — 8, 48, 69, 71, 75, 83
Мусасир — 96, 108, 130
Мусиери — 24, 41, 48, 84, 85
Мухан— 48
Мхрат — 82
Михета — 19

Навур — 33, 42
Нагорный Карабах— 57, 103
Напри — 10
Налбанд — 17, 24, 119
Наохваму — 52
Нахичевань — 8, 28, 120

Нацагора — 44
Новый Ашти — 29
Ноемберян — 36, 48, 84
Норадуз — 17, 26, 48, 65, 69
Нор-Ареш— 98, 107, 141, 142
Нор-Баизет — 9, 67
Нули — 19, 52
Нуха — 39

Овнар — 29
Осетия — 28, 29, 30, 41, 45, 52,
54
Очемчири — 44, 45

Памбак — 23
Паракар — 40
Парни — 75
Передняя Азия — 5, 15, 50, 51,
52, 71, 78, 99, 121, 140, 144
Персеполь— 103
Псебайская — 29

Раздан — 6, 117
Рас-шамра — 8, 52, 54, 99, 105
Редкин-Лагерь — 40, 60, 61,
69, 86, 89
Румыния — 32
Рутха — 8, 52, 54, 99, 105

Самтавро — 8, 19, 24, 25, 26, 36,
46, 47, 48, 49, 54, 62, 66, 75,
79, 85
Сачхери— 15, 30, 31, 44, 60
Севанский бассейн — 11, 25, 55,
123.
Северный Кавказ — 8, 9, 14, 26,
28, 41, 45, 49, 52, 72, 99, 144
Сналк — 29, 32
Сигкех — 122
Сирия — 8, 9, 15, 71.
Сиро-хеттский — 9, 10, 11
Сиро-хурритский — 9
Сисиан — 26
Средиземноморье— 8, 15
Степанаван— 18, 36, 46, 48, 53,
54, 91, 103, 104, 142
Степанакерт— 45, 52, 61

Суза — 15, 29

Тазакент — 18

Тайк — 123, 124

Такаворанист — 18

Такия — 20, 36, 74

Таллин — 57

Талын — 9, 18, 24, 35, 65, 71, 72,
79, 80, 81, 87

Тарс — 8, 14

Тбилиси — 13

Тегут — 7

Тель-Амар — 8, 14, 31

Тель-Барсиб — 8

Тель-Брак — 14

Тель-Вариноа — 31

Теле-Али-Абад — 31

Теле-Гавр — 31, 32, 58

Теле-Гиссар — 52

Теле-Сиалк — 52

Теле-Хазинак — 31

Теле-Хиссар — 14, 32

Тквиави — 52

Толорс — 48, 74

Топрак-Кале — 43, 95, 136, 141,
142

Триалети — 8, 15, 26, 42, 43,
46, 51, 53, 54, 62, 76, 99, 104,
105

Триполье — 41

Троя — 8

Турги — 19

Тушпа — 5

Угарит — 18, 86, 140

Узерлик — теле — 45, 46, 52

Узунлар — 87

Украина 26

Ур — 8, 14, 15, 29, 31, 32

Урарту — 5, 6, 10, 11, 42, 50,
95, 104, 106, 112, 113, 114, 115,
118, 122, 124, 127, 128, 129, 130

Урмия — 105, 113, 122, 123, 124,
128

Фаскау — 52, 54, 71, 99, 105

Фивы — 98

Ланлар — 36, 38, 46, 69, 75, 90

Хаченагет — 52

Хацтарак — 36

Хайса — 10, 120

Хетты — 10, 105, 120, 121

Хизанаат-Гора — 45

Хизатавра — 25

Хиссарлик — 32

Ходжа-Дауд-Кепрю — 79

Ходжалы 83

Хртаноц — 69, 76

Царская — 13, 44

Царцис-Гора — 30, 33

Шахкадзор — 74

Цихнагори — 45

Цицамури — 49

Цовинар — 7

Цхинвали — 13, 44

Чамбарак — 17, 22, 60

Чанху-Дара — 29

Чехословакия — 32

Чечено-Ингушетия — 29

Шагула-Дера — 71

Шамхор — 26, 40, 90

Шахтахты — 120

Шах-теле — 52

Шахти-Тумна — 29

Шенгавит — 6, 8, 27, 43, 44, 49,
51, 53, 54, 55, 119, 131

Ширак — 11

Шреш-блур — 7, 131

Шумейко — 41

Шумер — 15, 58, 62

Шурупак — 15

Шуша — 15, 90

Элар — 7, 9, 10, 21, 45, 59, 60,
119

Эребуни — 94

Эчминадзин — 7, 87

Эшерн — 45

Ялбузи 29

2. Меч из Лчашена, ГМА
3. Меч из бывшего Эчмиадзинского музея, ГМА
4. Меч из Алаверди, ГМА
5. Меч из Кировакана, ГМА
6. Меч неизвестного происхождения, ГМА

Таблица XV

- Рис. 1—2, 4—5. Ассирийские щиты
3. Хеттский щит из Зенджирли
 6. Щит из Кипра
 7. Щит из Степанавана
 8. Урартский щит (Балават)
 - 9—10. Щиты из Кармир-блур

Таблица XVI

- Рис. 1. Хеттский шлем (Богазкей)

- 2—3. Хеттские шлемы (Кархемыш, Зенджирли).
4. Урартский шлем
- 5—6. Ассирийские шлемы
- 7—10. Шлемы из Лчашена
11. Урартский шлем
12. Ассирийский шлем

Список рисунков

- Рис. 1. Кинжал из Лчашена, ГМА
2. Кинжал из Кировакана ККМ
 3. Кинжальные ножны из Н. Баязета, ГМГ
 - 4—1. Меч из Артика, ГМА
 - 4—2. Меч из Эчмиадзина ГМА
 5. Повозка из Лчашенского кургана № 1, ГМА
 6. Повозка из Лчашенского кургана № 1, ГМА
 7. Повозка из Лчашенского кургана № 2, ГМА

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВИИУ—Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту
ВДИ—Вестник музея Грузии
ГМА—Гос. музей Армении
ГМГ—Гос. музей Грузии
ИАК—Известия археологической комиссии
ККМ—Кироваканский краеведческий музей
КСИИМК—Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛКМ—Ленинаканский краеведческий музей
МАК—Материалы археологической комиссии
МИА СССР—Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК—Отчеты археологической комиссии
ПИДО—Проблемы истории докапиталистических обществ
СА—Советская археология
УКН—Урартские клинообразные надписи

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I Наступательное оружие	13
Глава II Защитное вооружение и пешее войско	91
Глава III Средства передвижения и их применение в военном деле.	119
Заключение	144
Указатель географических и этнических названий	150
Список таблиц	151
Список рисунков	156
Список сокращений	157

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
8	17 стр.	... и в висло-	... и висло-
26	1 стр.	вып. II, 1900, абл. I,	вып. II, 1900, табл. I,
87	18 стр.	XIII - II	XIII—XII
92	1 стр.	... семь войков...	... семь воинов...
98	4 стр.	... Կոյուճաքի, ՀՍՄ ԳՍ. տեղեկագիր,	... Կոյուճաքի, ՀՍՄ ԳՍ. Տեղեկագիր,
104	13 стр.	чем, чтоб наиболее...	чаем, что наиболее...
119	15 стр.	в III тыс. в Марти...	в III тыс. в Мари..
142	2 стр.	... объяснить схематически изображением.	... объяснить схематическим изображением.

ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0579027

p II

163203